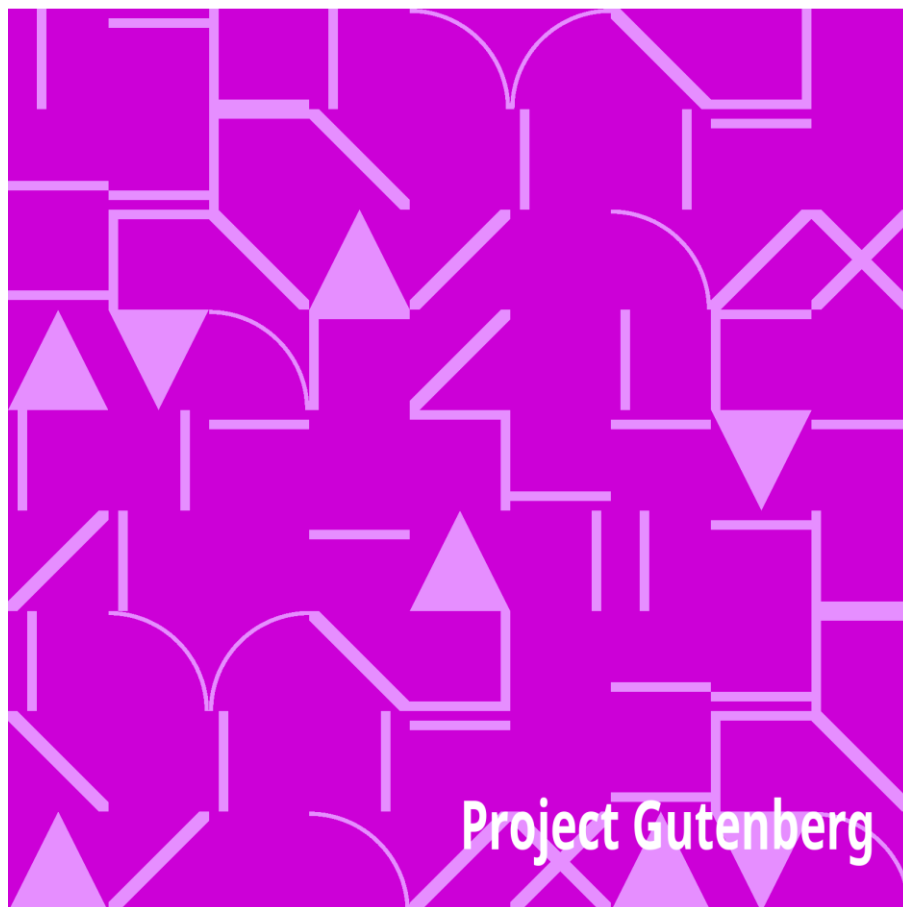

Бельгия. От римского нашествия до наших дней

Эмиль Каммартс

Belgium: From the Roman Invasion to the Present Day

Emile Cammaerts

Электронная книга проекта Гутенберга о Бельгии: от римского вторжения до наших дней

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Бельгия: от римского вторжения до наших дней

Автор: Эмиль Каммартс

Дата выхода: 7 декабря 2008 [Электронная книга №27442]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Brownfox, Элен де Минк и командой онлайн-корректоров Project Gutenberg

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" БЕЛЬГИЯ: ОТ РИМСКОГО
ВТОРЖЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ ***

Электронный текст подготовлен Brownfox, Элен де Минк и командой онлайн-корректоров Project Gutenberg (<http://www.pgdp.net>)

Примечание переписчика:

Несоответствующие перенос и орфография в оригинальном документе сохранены. Исправлены очевидные типографские ошибки. Дальнейшие примечания переписчика обозначены пунктирными линиями под текстом. Наведите указатель мыши на слово, и появится.

Страница, рекламирующая другие книги серии, удалена до конца этой электронной книги.

Латинский номер [i] в тексте относится к примечанию переписчика в конце этой электронной книги.

БЕЛЬГИЯ ОТ РИМСКОГО НАШЕСТВИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

альберт і.

Фронтиспис.

[Увеличить изображение](#)

Фото Langfier

БЕЛЬГИЯ ОТ РИМСКОГО НАШЕСТВИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

АВТОР ЭМИЛЬ КАММАРТС

С 36 ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ И 9 КАРТАМИ

T. FISHER UNWIN LTD

ЛОНДОН: АДЕЛЬФИ-ТЕРРАС

Авторское право Т. Фишера Анвина, 1921 г.

(для Великобритании)

Авторское право Г.П. Патнэма и сыновей

(для Соединенных Штатов Америки), 1921

Впервые опубликовано в 1921 г.

Второе впечатление 1922 г.

(Все права защищены)

ПРЕДИСЛОВИЕ

К счастью, в настоящее время у нас есть несколько стандартных книг, отличающихся большой проницательностью и беспристрастностью, которые позволяют нам составить общее представление о развитии бельгийской нации, не открывая ничего нового. Четыре тома *Истории Бельгии* Анри Пиренна переносят нас в мир Мюнстера, и, среди прочего, такие работы, как *"Бельгия"* Вандерлинена, недавно выпущенная издательством Оксфордского университета, и *"Трактат по истории Бельгии"* Ф. Ван Калкена (1920), содержат много информации о современном периоде. Этим работам автор в основном обязан написанием настоящего тома. Он чувствовал необходимость донести выводы современных бельгийских историков до британских читателей и полагал, что, хотя он и не может претендовать на какую-либо особую квалификацию для работы с бельгийской историей, его знание Англии позволит ему представить свой материал наиболее интересным для англоязычной публики способом.

Бельгия - это не серия эссе и не систематический учебник. Хронологическая последовательность сохранена, и практически все важные события зафиксированы в назначенное время, но особый акцент был сделан на некоторых характерных чертах бельгийской цивилизации и национального развития, которые представляют общий интерес и оказывают влияние на историю Европы в целом.

Автор хотел бы выразить искреннюю благодарность своему другу, профессору Ван дер Эссену, который был настолько любезен, что переработал его работу. Он также в долгу перед господами Ван дер Эссеном, Van Oest & Co. за разрешение воспроизвести некоторые фотографии, принадлежащие *Историческому альбому Бельгии*, а также фототипии Belge (Ph.B.), Sté anonyme, Etterbeek, Bruxelles и другим владельцам авторских прав за предоставление ему ценных иллюстраций.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

Введение 15

ГЛАВА I

ДРЕВЕСНЫЙ УГОЛЬ 19

Кельты и германцы—Римское завоевание—Дороги римской цивилизации—Первая христианизация—Вторжение германцев—Естественное препятствие, представленное "Сильва карбонария"—Истоки расового и языкового разделения.

ГЛАВА II

ОТ СВЯТОГО АМАНА ДО КАРЛА ВЕЛИКОГО 37

Перенос столицы Франков из Турне в Париж—Вторая христианизация—Сент—Аман—Восстановление старых епископств—Романизация франков и германизация валлонов—Объединение при Карле Великом—Экс-ла—Шапель, центр империи—Первый период экономического и интеллектуального расцвета.

ГЛАВА III

ЛОТАРИНГИЯ И ФЛАНДРИЯ 47

Раздел после Карла Великого—Верденский мирный договор—Граница Шельды—Борьба феодалов против центральной власти—норманнов.

ГЛАВА IV

РЕГНЕР С ДЛИННОЙ ШЕЕЙ 52

Политика лотарингских князей—Влияние немецких епископов—Союз с Фландрией против императора—Упадок центральной власти—Религиозная реформа Жерара де Броня—Клюнийцы и борьба за инвеституры—Первый крестовый поход.

ГЛАВА V

БОРОДАТЫЙ БОЛДУИН 60

Политика графов Фландрии—Имперская Фландрия—Союз с Англией—Первая перспектива объединения—Роберт Фризский.

ГЛАВА VI

КОЛОКОЛЬНИ 66

Происхождение коммун; торговля и промышленность —Соппротивление феодалов; Камбре—
Защита графов Фландрии и герцогов Брабанта —Социальные преобразования,
распространяющиеся на сельскую местность - Значение колокольен.

ГЛАВА VII

ЗОЛОТЫЕ ШПОРЫ 78

Притяжение Фландрии к остальной части страны—Попытки сохранить нейтралитет между
Францией и Англией—Тьерри и Филипп д'Альсас—Балдуин IX—Ферран Португальский—
Бувинес —Усиление французского влияния—Фламандская реакция—"Утренние Бруга"—
Последствия битвы при Куртре—Эдуард III и Ван Артевельде.

ГЛАВА VIII

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР ТУРНЕ 88

Религиозный дух Бельгии в средние века—Романские церкви—Введение готики; Переходный
период, ранняя готика, вторичный период, третий период—Французский и фламандский языки
в средние века—Писатели Пикарда в Валлонской Фландрии—Первые переводы и хроники на
французском языке—Происхождение фламандских писем, *Рейнерт* Виллема, Ван Маерлант.

ГЛАВА IX

ВЕЛИКИЕ ГЕРЦОГИ ЗАПАДА 102

Упадок коммун—Политика бургундских герцогов: Филиппа Смелого, Иоанна Бесстрашного,
Филиппа Доброго—Территориальное объединение и политическая централизация—внешняя
политика Филиппа—Карл Смелый—Мечта о новой центральной империи.

ГЛАВА X

РАТУШИ 112

Значение готических ратуш Бельгии — Результат компромисса между централизацией и
местными свободами—Упадок суконной промышленности—Экономическое процветание при
новом режиме—Трансформация торговли—Антверпен становится преемником Брюгге.

ГЛАВА XI

ПОКЛОНЕНИЕ АГНЦУ 124

Цивилизация под властью Бургундии—Французский и фламандский; двуязычие—Письма на
фламандском: Жан Буэндал, Рейсбрук—Братья из общей жизни—Писатели на французском:
Жан Ле Бель, Фруассар, Шастелен—Развитие музыки: Дюфе, Окегем и др.—Жизнь в Бельгии XV
века-Ранняя "Фламандская школа живописи" —Ее место в истории искусства—Братья Ван
Эйк—Истоки школы; скульптура, освещение.

ГЛАВА XII

ГАБСБУРГИ И БУРГУНДИЯ 140

Реакция после смерти Карла Смелого — "Великая привилегия" Марии Бургундской—Ее брак с Максимилианом; его последствия—Конфликт между бургундской и габсбургской политикой—Филипп Красивый—Маргарита Австрийская—Присоединение Карла к империи—Проекты основания отдельного королевства—Второе губернаторство Маргариты.

ГЛАВА XIII

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ 154

Мария Венгерская—Восстание в Генте—Полное объединение—Аугсбургская сделка—Прагматическая санкция—Отречение Карла V.

ГЛАВА XIV

АНТВЕРПЕН 163

Развитие современной торговли—Сельская промышленность—Гуманизм и лютеранство—Плакаты—Анабаптизм—кальвинизм.

ГЛАВА XV

НИЩЕ 174

Филипп II—Маргарита Пармская и Консульты—Соппротивление Государственного совета—"Компромисс"—Иконоборцы—Католическая реакция.

ГЛАВА XVI

РАЗЛУКА 182

Север и Юг—Герцог Альба и Совет Крови—Реквезенс—"Испанская ярость"—Умиротворение Гента—Дон Хуан—Политика Оранских—Эрцгерцог Матиас—герцог Анжуйский—"Недовольные"—Конфедерация Арраса—Утрехтский союз—"Французская ярость"—Падение Антверпена.

ГЛАВА XVII

МЕЧТА О НЕЗАВИСИМОСТИ 204

Альберт и Изабелла—Католическая реакция—Осада Остенде—Политика испанских королей—Валлонская лига—Генеральные штаты.

ГЛАВА XVIII

ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЕЕ ПЕРЕМИРИЕ 213

Период реконструкции—Разорение Антверпена—Возрождение промышленности и сельского хозяйства—Социальные условия при Альберте и Изабелле—Влияние церкви.

ГЛАВА XIX

RUBENS 221

Контраст между фламандским искусством пятнадцатого и семнадцатого веков—Итальянское влияние—Интеллектуальная деятельность иезуитов—Пренебрежение к фламандскому—Популярное искусство: Брейгель, Йорданс.

ГЛАВА XX

ПОЛИТИЧЕСКИЙ УПАДОК В ИСПАНИИ 230

Положение Южных Нидерландов между Соединенными провинциями и Францией—Проекты раздела—Мюнстерский мирный договор—Войны за испанское наследство-Англо-Батавская конференция- Утрехтский мирный договор-Система барьеров.

ГЛАВА XXI

ОСТЕНДСКАЯ КОМПАНИЯ 245

Экономический ренессанс при австрийском режиме—Усилия по освобождению бельгийской торговли—Война за австрийское наследство—Шарль де Лоррен—Интеллектуальный упадок—Народное беспокойство.

ГЛАВА XXII

БРАБАНСОНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 254

Иосиф II и Филипп II—Сила бургундской традиции—Подавление барьера—"Война котла"—Внутренние реформы императора—Народное сопротивление: Ван дер Нут и Вонк—"Единый бельгийский уровень"—"Государственники" и "вонкисты"—Рейхенбахский конвент—Восстановление австрийского режима.

ГЛАВА XXIII

СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО 268

Джемаппес—Эксцессы "Санкюлотов"—Неервинден—Гаагский мирный договор—Политика Конвенции в отношении оккупированной территории—Аннексия—"Крестьянская война"—Правление Наполеона—Венский мирный договор.

ГЛАВА XXIV

ЧЕРНЫЙ, ЖЕЛТЫЙ И КРАСНЫЙ 279

Объединенное королевство—Причины неудачи—Недовольство Бельгии—Политика Вильгельма I—Примирение католиков и либералов—Сентябрьские дни.

ГЛАВА XXV

КЛОЧОК БУМАГИ 289

Лондонская конференция—Позиция бельгийских делегатов—"Основы разделения"—Люксембургский вопрос—XVIII Статьи-Принц Леопольд—Голландское вторжение—XXIV Статьи—Их окончательное принятие—Гарантированный нейтралитет.

ГЛАВА XXVI

НЕЙТРАЛЬНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ 301

Значение нейтралитета—Вопрос национальной обороны—Risquons Tout—Политика Наполеона III—Укрепленный лагерь в Антверпене—Действия Великобритании в 1870 году—Леопольд II и Эмиль Баннинг—Льеж и Намюр—Военная реформа.

ГЛАВА XXVII

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС 315

Конституция Бельгии—Влияние нейтралитета на внутреннюю политику—Борьба между либералами и католиками—"Школьная война"—Лейбористская партия—Избирательное право—Экономическое процветание: сельское хозяйство, промышленность, торговля—Открытие Шельды—Поиск выхода из колоний—Леопольд II и Свободное государство Конго—Бельгийское Конго.

ГЛАВА XXVIII

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕНЕССАНС 331

Архитектура и скульптура современной Бельгии—Современная школа живописи—Национальная школа литературы на французском и фламандском языках—Фламандское движение.

ГЛАВА XXIX

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 342

Роль Бельгии в Великой войне—Немецкая оккупация—"Создание нации"—"Сопротивление нации"—Результат Версальского мирного договора—Будущее Бельгии.

Указатель 349

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

АЛЬБЕРТ I

Фронтиспис

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

СУКОННЫЙ ЦЕХ, ИПР	66
ГРАФСКИЙ ЗАМОК, ГЕНТ	67
СУКОННЫЙ ЦЕХ И КОЛОКОЛЬНЯ, БРЮГЕ	74
ПЕЧАТЬ ГОРОДА ДАММ	78
ПЕЧАТЬ ГИ ДЕ ДАМПЬЕРА	78
КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР, ТУРНЕ	91
БРОНЗОВАЯ КУПЕЛЬ, СВЯТОЙ ВАРФОЛОМЕЙ, ЛЬЕЖ	92

СЕНТ-ГУДЮЛЬ, БРЮССЕЛЬ	93
ФИЛИПП ДОБРЫЙ	105
КАРЛ СМЕЛЫЙ	109
РАТУША БРЮГГЕ	112
ПЕРВАЯ АНТВЕРПЕНСКАЯ БИРЖА	121
РАТУША АУДЕНАРДА	122
ПОКЛОНЕНИЕ АГНЦУ	134
ПОКЛОНЕНИЕ АГНЦУ	135
ПЛУАНТ	138
МАРИЯ БУРГУНДСКАЯ	143
МАКСИМИЛИАН I	144
ФИЛИПП КРАСИВЫЙ	146
ХУАНА КАСТИЛЬСКАЯ	146
КАРЛ V	150
МАРГАРИТА АВСТРИЙСКАЯ	150
ИНФАНТА ИЗАБЕЛЛА	205
ЭРЦГЕРЦОГ АЛЬБЕРТ	205
КАФЕДРА СВЯТОЙ ГУДУЛЫ, БРЮССЕЛЬ	224
МАССОВОЕ УБИЙСТВО НЕВИННЫХ (БРЕЙГЕЛЬ)	229
ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ МЮНСТЕРСКОГО МИРА	236
ИОСИФ II	255
VAN DER NOOT	262
СЦЕНА БРАБАНСОНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	265
ЛЕОПОЛЬД I	293
ЛЕОПОЛЬД II	310
ДВОРЕЦ ПРАВОСУДИЯ, БРЮССЕЛЬ	331
"ПАДДЛЕР" (МЕНЬЕ)	334

СПИСОК КАРТ

БЕЛЬГИЯ ВО ВРЕМЕНА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ	28
РАЗДЕЛ ИМПЕРИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО	46
ФЕОДАЛЬНАЯ БЕЛЬГИЯ	52
НИДЕРЛАНДЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ГЕРЦОГОВ БУРГУНДСКИХ	102
БЕЛЬГИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КОРОЛЕЙ ИСПАНИИ	204
БЕЛЬГИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ АВСТРИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ	244
БЕЛЬГИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ФРАНЦИИ	269
СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО НИДЕРЛАНДОВ	278

Введение

История бельгийской нации мало известна в Англии. Это невежество или, скорее, пренебрежение может показаться странным, если мы примем во внимание частые отношения, которые существовали между двумя странами с раннего средневековья. Однако это достаточно легко объяснить и даже оправдать. Долгое время общая идея заключалась в том, что существование Бельгии как нации началось с момента обретения ею независимости и что до 1830 года такого понятия, как бельгийская история, даже не существовало. На протяжении всех феодальных времен мы знали о существовании графства Фландрия, герцогства Брабант и многих других княжеств, но ни в одном официальном акте термин "Бельгия" не встречается. Даже после объединения в пятнадцатом веке, когда страна перешла под власть герцогов Бургундских, понятие отдельной национальности, такой как французы или британцы, остается скрытым для поверхностного исследователя, поскольку Нидерланды составляют всего лишь часть богатых владений самых могущественных вассалов Франции. В наше время бельгийские провинции, "бельгийские провинции", как их называли в восемнадцатом веке, переходят под власть королей Испании, императоров Австрии и Французской Республики, которые окончательно будут объединены после падения Наполеона в Королевство Нидерланды. Слово "Бельгия" как существительное встречается лишь в нескольких книгах; "бельгийский" - это простое прилагательное, применяемое к южной части Нидерландов.

Следует признать, что бельгийские официальные историки старой школы сделали очень мало, чтобы развеять это ошибочное впечатление. В своем патриотическом рвении они пытались представить Бельгию как страну, постоянно доблестно борющуюся против иностранного гнета. Они придавали большое значение словам цезаря: "Из всех галлов бельгийцы самые храбрые", и изображали народные восстания четырнадцатого и пятнадцатого веков в том же свете, что и революцию 1830 года. Если мы хотим им верить, бельгийский народ с самого начала должен был осознавать свое единство. Они рассматривали национальных принцев, таких как бургундские герцоги, в том же свете, что и Филиппа II или австрийских императоров, и, вместо того чтобы прояснить ситуацию, усугубляли путаницу. Их интерпретацию истории в соответствии с принципами национальной свободы романтического периода нельзя было воспринимать всерьез, и преобладала идея, что, если бельгийская нация не была просто созданием европейской дипломатии, ее существование могло быть подтверждено только будущим и покоилось на хрупком фундаменте прошлого.

Эта идея укреплялась знанием того, что страна не обладала ни прочными естественными границами, как Великобритания, Франция, Италия или Испания, ни узами, созданными языковым единством, как Германия. Правда, другие европейские страны, такие как Голландия или Польша, не представляли собой сильных географических единиц и не имели определенных границ но их жители говорили, по крайней мере, на том же идиоме и принадлежали, насколько это слово можно использовать в широком смысле, к той же расе. Другие, такие как Швейцария, были разделены между различными языками, но обладали географическим единством. Бельгия не могла претендовать ни на одну из этих отличительных черт. Ее границы оставались широко

открытыми во всех направлениях. От возделанных равнин Фландрии до диких холмов Арденн она предлагала величайшее разнообразие физических аспектов. Более того, ее народ был разделен почти поровну линией, протянувшейся от юга Ипра до севера Льежа, между двумя разными языками, двумя разными расами. Согласно общепризнанным стандартам, само существование бельгийской нации было парадоксом, и хотя история человечества представляет множество подобных контрастов между поспешными выводами нетренированного ума и осязаемой реальностью фактов, они не могут быть распознаны с первого взгляда и требуют более глубокого знания прошлого, чем то, которое может быть обеспечено изучением военных конфликтов и политических изменений.

Поэтому современной школе бельгийских историков, и особенно профессору Пиренну из Гента, было поручено подойти к изучению происхождения бельгийской нации с правильной точки зрения и показать, что, несмотря на расовое и языковое разнообразие, отсутствие естественных границ и столетия иностранного господства, бельгийское единство было основано на глубоко укоренившихся традициях и обладало сильными характеристиками во всех сферах человеческой деятельности, которые можно было распознать, начиная с раннего средневековья и заканчивая современным периодом. Внимательно изучив экономическую и интеллектуальную жизнь народа и его институтов, Пиренн и его ученики сделали очевидным то, что уже понял каждый художник, каждый писатель, а именно, что, несмотря на все внешние проявления, языковой барьер в прошлом никогда не нарушал бельгийского единства и что обе части страны имели общие характеристики, общие обычаи и общие институты, которые никакое иностранное правление не смогло искоренить. Более того, они показали, что эти характеристики, определяемые общими интересами и устремлениями всего народа, были настолько сильны, что вдохновляли политику многих иностранных принцев, которые по своему происхождению, естественно, были вынуждены пренебрегать ими. Их все еще можно найти в старых хартиях страны, в древних хрониках, в работах так называемой фламандской школы живописи и в каждом памятнике прошлого, пережившем опустошение войны. К этим свидетелям бельгийские историки не будут взывать напрасно, когда попытаются показать, что истоки бельгийского национального единства можно искать в таком же далеком прошлом, как и у любой другой нации в Европе, и что, хотя Бельгия была более подвержена превратностям войны, чем ее могущественные соседи, ей всегда удавалось сохранить в самые мрачные дни своего существования некий живой знак своего бывшего процветания и своей будущей независимости.

Если, как мы надеемся, читатель после прочтения этого краткого очерка истории Бельгии убедится, что бельгийская национальность - это нечто большее, чем пустое слово, и что позиция, занятая бельгийским народом в августе 1914 года, далека от импульсивного движения, была всего лишь результатом медленного и прогрессивного развития их национального чувства на протяжении веков, он также поймет, что это развитие подвергалось многочисленным испытаниям и поэтому сильно отличается от того, что можно проследить, например, в истории Англии или даже Франции. Нигде знакомый образ растущего дерева не вводил бы в большее заблуждение. В истории Бельгии есть несколько замечательных вех, например, при Карле Великом, во времена Коммун, при правлении герцогов Бургундских, при Карле V и в недавний период независимости. Но между этими периодами процветания и даже великолепия мы замечаем некоторые периоды застоя из-за внутренних раздоров или даже полного упадка,

когда страна становилась жертвой иностранного вторжения. Мало кто из народов пережил такие суровые испытания, мало кто продемонстрировал такую экстраординарную способность к выздоровлению. Мир и мудрое правительство неизменно совпадают с необычайным материальным и интеллектуальным расцветом, война и угнетение - с частичной или полной потерей прогресса, достигнутого несколькими годами ранее, так что искусство и ремесла бельгийских городов, которые в одно время блистали на переднем крае европейской цивилизации, в другое время кажутся полностью забытыми. Бельгия не раз жила под беспокойным небом, когда сильные ливни сменяют яркое солнце, в то время как башни Ипра, Гента, Брюгге, Антверпена, Лувена и Брюсселя появляются и исчезают на горизонте.

Как мы можем объяснить трагедию этих резких перемен? Как мы можем оправдать эти внезапные перемены в жизни трудолюбивого и миролюбивого народа, который никогда не лелеял никаких мечтаний об империализме и иностранных завоеваниях?

Взгляд на карту поможет нам разгадать эту тайну. Равнину северной Европы можно разделить на две обширные области: французскую равнину, воды которой впадают с востока на Запад в Атлантику, и Немецкую равнину, воды которой впадают с юга на Север в Северное море и Балтийское. Эти широкие пространства соединены узкой полосой территории, через которую обязательно должны быть сосредоточены все коммуникации, огибающие холмы и возвышенности Юга, и воды которой следуют в северо-западном направлении к Дуврскому проливу. Эта небольшая равнина шириной всего 90 миль от Остенде до Намюра представляет собой естественное связующее звено между Германией и Францией и играет, с континентальной точки зрения, ту же роль, что и проливы на ее северном побережье. Даже сегодня, несмотря на развитие железнодорожного сообщения, главная магистраль от Парижа до Берлина проходит подолинам Самбр и Маас, через Намюр, Льеж и Экс-ла-Шапель, и события августа 1914 года являются лишь последним примером частого использования этой дороги на протяжении всей истории захватчиками, пришедшими с Востока или с Юга. Для мирных и воинственных отношений Бельгия расположена на естественном шоссе, соединяющем французскую и немецкую равнины. Одной этой географической особенности было бы достаточно, чтобы повлиять на историческое развитие страны. Но есть и другой.

Так получилось, что благодаря необычному расположению карты, которое можно назвать совпадением, морские проливы расположены в непосредственной близости от континентальных проливов, так что естественный путь из Великобритании в центральную Европу пересекает в Бельгии естественный путь из Франции в Германию. Это становится тем более очевидным, если мы примем во внимание тот факт, что в прошлом семнадцать провинций простирались от Зюйдер-Зее до Соммы и что Брюгге, а позже и Антверпен, в значительной степени выигрывали от торговли по Темзе. Именно это, следовательно, имеется в виду, когда о Бельгии говорят как о стране, расположенной на "перекрестке европейских дорог". Большая часть континентальных коммуникаций между Великобританией и Германией или Италией, с одной стороны, или между Францией и Германией, с другой, должна была проходить через ее провинции. Она была и до сих пор остается в определенной степени местом встречи британской, французской и немецкой культуры, рынком, где наиболее удобно обмениваться товарами и идеями с Севера, Запада, Востока и Юга, и она черпает свою оригинальность в самом разнообразии влияний, которые ее окружают. Разделение по языкам и расам помогало ей в ее задаче и, вместо того чтобы быть препятствием на пути национального развития, способствовало ему всякий раз, когда обстоятельства оказывались благоприятными.

Первоначальный вклад людей в это развитие, возможно, несколько трудно определить, но результат не менее очевиден. Бельгийская, или, как ее иногда называют, фламандская культура, хотя и тесно связана с Францией и Германией, не является ни французской, ни немецкой, ни тем более английской. Его характеристики обусловлены сочетанием различных европейских влияний, прочно сформированных давними традициями и привычками. "Воля к совместной жизни", которая, согласно Ренану, лежит в основе каждой национальности и оказывается сильнее единства расы и языка, нигде не находит лучшей иллюстрации, чем в той странной роли, которую бельгийская нация сыграла в истории Европы. Общие интересы, общие опасности, общие стремления породили и поддерживали особую цивилизацию, которая, согласно всем законам материалистической логики, должна была давным-давно потерпеть крушение и быть затопленной подавляющими влияниями, которым она подвергалась.

Уже в девятом веке, при правлении Карла Великого, эти характеристики начали проявляться. Император выбрал Экс-ла-Шапель в качестве своей столицы не только потому, что владел обширными владениями в регионе, но и потому, что благодаря этому центральному положению он мог лучше поддерживать контакт с правителями огромной империи, простиравшейся от Эльбы до Испании и Италии. Экс-ла-Шапель, "Северный Рим", стал не только политической столицей, но и торговой метрополией. Различные интеллектуальные центры, созданные по соседству при монастырях Льежа, Тонгреша и Мезика, привлекали английских, ирландских, французских и итальянских поэтов, музыкантов, юристов и богословов.

Позже, в двенадцатом веке, когда свободные коммуны распространились по всей Западной Европе и им удалось сломить власть феодализма, Генту и Брюгге было поручено подниматьвольный город до уровня независимости и процветания, которого он не достиг в других странах, находящихся под властью более сильной центральной власти. В тени их гордых колоколен более 80 000 купцов и ремесленников вели активную торговлю, а Брюгге, "северная Венеция", стал главным портом Европы и центром банковской деятельности.

Роль, которую бургундские герцоги сыграли в европейской политике во время Столетней войны, хорошо известна в этой стране, но важность их действий по объединению семнадцати провинций Нидерландов осознается недостаточно. На самом деле, несмотря на их иностранное происхождение, их политика была настолько продиктована интересами страны, что их можно считать национальными князьями. "Великие герцоги Запада" сделали для Бельгии в пятнадцатом веке то, что Людовик XI сделал для Франции, и то, что Генрих VIII сделал для Англии полвека спустя. Им удалось централизовать государственные институты и в значительной степени подавить местную зависть и внутренние распри, которые ослабили нацию и растратили ее ресурсы впустую. Под их правлением бельгийские провинции достигли непревзойденного интеллектуального и художественного расцвета и подарили миру благодаря картинам братьев Ван Эйк и их школы одно из самых ярких проявлений раннего Возрождения.

Это выдающееся положение сохранилось, несмотря на падение бургундской династии, когда благодаря браку Марии Бургундской с Максимилианом Бельгия перешла под власть династии Габсбургов. При Карле V Антверпен унаследовал процветание Брюгге и стал главным центром европейской торговли. Ежегодно его посещали 2500 кораблей, а объем коммерческих сделок, совершаемых через его биржу, оценивался в сорок миллионов дукатов в год.

Даже после катастрофических религиозных войн, которые отделили Северные Нидерланды, или Соединенные провинции, от южных провинций и на два столетия разрушили порт Антверпен, была небольшая передышка под мудрым правлением эрцгерцогов Альберта и Изабеллы (1598-1633), во время которой искусство Рубенса, Ван Дейка и Йорданса придало последний блеск падающему величию Бельгии.

Этот краткий очерк счастливых периодов истории Бельгии был бы неполным, если бы мы не упомянули о чудесном восстановлении, которого добилась страна, как только Власти предоставили ей право жить как независимое государство после неудачного эксперимента объединенного Королевства Нидерландов (1815-1830). Ее население увеличилось вдвое. Шельда была вновь открыта, и Антверпен восстановил большую часть своей прежней торговли. На момент немецкого вторжения современная Бельгия занимала первое место в Европе по плотности своего населения, урожайности своих полей с акра, развитию своей железнодорожной системы и важности своей особой торговли на душу населения. Несмотря на свою небольшую территорию, она занимала пятое место среди великих торговых наций мира, и имена Метерлинка, Верхарена, Сезара Франка и Менье показывают, что она отвоевала значительную часть своего бывшего интеллектуального престижа.

Между всеми периодами развития Бельгии есть одно поразительное сходство. Будь то девятый, тринадцатый, пятнадцатый или девятнадцатый век, они выражают цивилизацию того времени и преуспевают в создании типичного примера по сути европейской культуры, имперской при Карле Великом, общинной в средние века, централизованной при национальных князьях эпоху Возрождения, высокоиндустриальной и колониальной в наше время. Эту черту необходимо учитывать, когда Бельгия представлена как "ядро Европы", сочетающее в себе дух Севера, Востока и Юга. Недостаточно сказать, что страна, по-видимому, предназначена для выполнения этой задачи своим географическим положением и двойственностью расы и языка, объединяющей так называемые "германские" и "латинские" тенденции; следует добавить, что всякий раз, когда исторические обстоятельства позволяли это, люди в полной мере использовали такие преимущества. Будь то при местных князьях или при иностранных князьях, понимавших интересы Бельгии, учитывая мирные условия внутри страны и за рубежом, страна всегда оказывалась на высоте положения.

Но эти периоды величия были недолговечными по сравнению с последовавшими за ними периодами упадка. После раздела империи Карла Великого бельгийские графства и герцогства оказались в тисках феодальных споров и разделены между королями Франции и императорами Германии. Власть сюзерена нигде не была слабее, чем в этих отдаленных походах, и бельгийские принцы были вольны продолжать свои распри, совершенно пренебрегая общими интересами. Процветание коммун в тринадцатом и начале четырнадцатого веков было быстро подорвано внутренними раздорами и трудностями, с которыми столкнулись графы Фландрии, пытаясь согласовать свой долг перед французским сюзереном с интересами народа, что побудило их заключить союз с Англией. Падение Карла Смелого вызвало новую вспышку духа местной независимости, что в значительной степени поставило под угрозу мир в стране, и, если ситуация была восстановлена при Филиппе Красивом и Карле V в первой половине шестнадцатого века, то вторая часть этого столетия стала свидетелем постепенного истощения

Южных Нидерландов, разделенных между собой и подвергавшихся нападениям как испанцев, так и голландцев.

Семнадцатый и восемнадцатый века, которые для других стран, таких как Франция, являются периодом исключительного национального престижа, знаменуют собой глубочайшую стадию бельгийского упадка и унижения. Шельда была закрыта, торговля и промышленность практически прекратились, иностранные войска, французские, голландские, испанские или австрийские, неустанно продолжали свою разрушительную работу. Иностранное владение, открытое для вторжений врагов своих владельцев, принесенное в жертву своими хозяевами на каждом этапе мирных переговоров ради спасения своей родной страны, Бельгия уступила голландскую Фландрию, Северный Брабант и часть Лимбурга Голландии, французскую Фландрию, Франш-Конте и Артуа Франции. Мюнстерский мирный договор решил судьбу Антверпена, а Барьерный договор оставил голландцам во владении все наиболее важные укрепленные позиции страны.

Хотя это вернуло Бельгии ее естественную границу на Севере и на короткое время вновь открыло Шельду, французский режим не сильно улучшил экономическую ситуацию. После объединения с Голландией (1815 г.) последовавшая политическая борьба помешала людям в полной мере воспользоваться преимуществами перемен, так что мы должны подождать до 1830 г., прежде чем сможем заметить какое-либо значительное улучшение.

Этого общего обзора будет достаточно, чтобы показать, что историю Бельгии можно разделить на периоды прогресса и упадка. То же самое можно сказать и об истории всех наций. Но нигде больше разница между высшим и низшим уровнями не бывает столь выраженной, а интервалы между актами столь длительными. Как мы уже говорили, страна внезапно переходит от ярчайшего света славы к самой темной бездне посредственности и забвения. Некоторые из этих контрастов, например, существующие между объединенной империей Карла Великого и феодальными раздорами, разделяются остальной Европой. Другие, относящиеся ко времени Возрождения и Реформации, а также когда страна перешла под власть Испании, Австрии и Франции, характерны для Бельгии. К медленному развитию национального единства ее история добавляет препятствия в виде иностранного господства и иностранного вторжения.

Исключительное положение страны на карте дает одинаково большие шансы на разорение и восстановление. Те же условия, которые привели к падению Бельгии, в значительной степени способствуют ее восстановлению, по тем же дорогам, которые приносят богатство в мирное время, во время войны следуют иностранные армии. Она не только перекресток дорог Европы, она - поле битвы Европы. От Бувины (1214) до Ватерлоо и Ипра почти все великие сражения, решившие судьбу Европы и определившие баланс сил в ней, происходили на бельгийской земле. Иногда жители принимали участие в борьбе, чаще им даже не давали возможности вмешаться, в то время как Власти улаживали другие ссоры за их счет.

Бельгийский народ приобрел замечательную репутацию благодаря своей стойкости и способности восстанавливаться. Но, хотя они полностью безответственны за свою слабость, которую можно объяснить только небольшим размером и беззащитным характером их страны, их нельзя считать полностью ответственными за свою силу. Такой порт, как Антверпен, если он вообще доступен, обязан процветать при любых обстоятельствах. Такой город, как Брюссель, не может не извлечь выгоду из своего уникального положения с международной точки зрения. С

ее богатыми угольными шахтами среди плодородных полей Бельгия, учитывая ее размеры, возможно, более щедро одарена Природой, чем любая другая страна Европы. Но такие исключительные преимущества в прошлом были с лихвой компенсированы серьезными рисками, которые подразумевало это богатство.

бельгия времен римской империи.

[Увеличить изображение](#)

ГЛАВА I

ДРЕВЕСНЫЙ УГОЛЬ

Обычно предполагается, что, хотя условия жизни человека меняются с течением веков, природное окружение остается практически неизменным. Это может быть верно в отношении людей, на историю которых повлияли только ручьи, пересекающие их землю, и холмы и горы, защищающие их естественными барьерами. Однако, имея дело с такой страной, как Бельгия, широко открытой со всех сторон, мы не можем довольствоваться столь широкими обобщениями. Мы должны спросить себя, не изменились ли некоторые важные физические особенности в результате работы человека и не повлияли ли некоторые естественные препятствия, которые с тех пор исчезли, на более ранний этап истории Бельгии.

Путешественник, пересекающий страну сегодня от Остенде до Арлона, сразу узнает ее основные черты: сначала низменная равнина между морем и Брюсселем, затем район гладких холмов вплоть до Намюра и, наконец, за Маасом - глубоко изрезанные долины и высокие плато Арденн, достигающие в среднем 1500 футов над уровнем моря. Только в этом последнем регионе вид местности наводит его на мысль о каком-то естественном препятствии для свободного сообщения, хотя оно никоим образом не может показаться неприступным по сравнению с горами Шотландии и Уэльса.

Но во времена римского завоевания (57 г. до н.э.) Бельгия, то есть страна, населенная различными племенами, обозначенными Юлием Цезарем под названием "белги", сильно отличалась от того, что она представляет собой сегодня. Плоское побережье, незащищенное от морских набегов, было окаймлено обширными болотами, в то время как вся южная часть страны

была покрыта густым лесом "Сильва Карбонария", который сливался с дикими плато Арденн и в то время представлял собой серьезное препятствие для любого вторжения с севера или востока.

Эти физические условия, должно быть, способствовали партизанской войне, которую различные кельтские племена вели в течение четырех лет против римского захватчика, и, без сомнения, отчасти именно им древние "белги" были обязаны своей репутацией храбрецов и стойкости. Эти племена, населявшие долины Шельды и Мааса, составляли арьергард кельтской волны вторжения, которая, придя с Востока, распространилась по Западной Европе. Во время римского завоевания они уже были тесно прижаты авангардом германских племен, которые поселились в Зеландии и на левом берегу Рейна, так что даже на этом раннем этапе истории Бельгии мы находим дуалистический характер бельгийской цивилизации, отмеченный разделением страны на две римские провинции: "Вторую Бельгию" на западе и "Нижнюю Германию" на востоке.

РИМСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Непосредственным результатом римского завоевания, которое было гораздо более быстрым, чем в Британии, стало прекращение на время притока германских племен путем создания прочного барьера вдоль Рейна. Колонисты немецкого происхождения вскоре были поглощены старыми жителями страны и вместе с ними подверглись мощному влиянию римской культуры. Кельты и германцы в равной степени стали белго-римлянами и переняли торговлю и институты своих завоевателей.

Насколько мы можем судить по имеющимся в нашем распоряжении скудным документам, римская цивилизация продвигалась вдоль Рейна к Кельну, откуда было проложено большое римское шоссе на Запад, пересекавшее Маас у Местрихта и, следуя по краю Угольного леса, через Тонгр и Камбре в Булонь. Эта дорога, известная в раннем средневековье как "Дорога Брюно", долгое время была главным путем, идущим с востока на запад в стране, где все важные реки, такие как Маас, Шельда и их притоки, текли с юга на север. О степени римского влияния можно судить по положению, которое различные части страны занимали по отношению к этому шоссе. В Тонгре и Турне до сих пор сохранились римские руины. Фундаменты римских вилл найдены в провинциях Намюр, Эно и Артуа, в то время как во Фландрии исчезли все следы римской оккупации. Песчаный и болотистый характер почвы на севере Бельгии может в определенной степени объяснять этот факт, и мы знаем, что в некоторых случаях камни, полученные из старых римских построек, использовались в средние века для строительства новых зданий. Но, тем не менее, можно предположить, что, вообще говоря, коммуникации оставались главным фактором римской цивилизации на этих отдаленных рубежах Империи, и что римское влияние, столь сильно ощущавшееся на Рейне и вдоль Мааса, постепенно утрачивало свое значение по мере увеличения расстояния. Страна была почти исключительно сельскохозяйственной, но в свете более поздних событий интересно отметить, что даже в этот отдаленный период менепии, жившие во Фландрии, приобрели репутацию скотоводов и производили шерстяные накидки, которые под названием "бирри" экспортировались за Альпы.

Несмотря на сильное влияние Рима в их торговле и методах ведения сельского хозяйства, белго-римляне сохранили свой язык и религию. Латинизация в полном смысле этого слова началась только в последние годы III века под влиянием христианства. В третьем веке епископство Трев включало в себя всю "Нижнюю Германию". Впоследствии особое епископство было основано в

Кельне, а примерно в середине четвертого века - в Тонгре. Другие появились позже в Турне, Аррасе и Камбре. Это постепенное распространение христианства, которое шло теми же путями, что и римская цивилизация, из Кельна на Запад, достигло Фландрии только полвека спустя.

Христианизация страны, должно быть, была далека от завершения, когда вторжения германских племен, в значительной степени поощряемые постепенным упадком Римской империи, привели к внезапным и драматическим изменениям в жизни и развитии двух римских провинций.

ФРАНКИ

В течение третьего и четвертого веков давление германских племен, значительно замедленное римским завоеванием, вновь усилилось. Рейнская граница подвергалась неоднократным нападениям, которые истощенные легионы были уже не в состоянии эффективно отразить. Франки атаковали с востока и севера через Зеландию, в то время как часть саксов, напавших на Британию, в то же время совершала набеги на бельгийское побережье. Несмотря на военные успехи императоров Константина и Юлиана, ситуация стала настолько угрожающей, что на Маасе и вдоль большой римской магистрали, идущей из Тонгра в Турне, была укреплена вторая линия обороны. В 358 году Юлиан разрешил франкам поселиться на песчаных пустошах к востоку от Шельды (Токсандрия), и когда в начале пятого века Стиликон отозвал легионы, чтобы защитить Италию от готов, германские племена, не встретив сопротивления, вторглись в страну Шельды и Лиса, обратив в рабство старых жителей, избежавших резни. Отныне Рейн перестал быть границей империи. Теперь Рейн пролегал вдоль большой дороги из Тонгра в Аррас. Перед своей второй линией обороны римляне под командованием Эция дали последний бой, но были разбиты франкским королем Клодионом, который расширил свое королевство вдоль побережья до Соммы и обосновался в Турне (431 г.), где двенадцать столетий спустя была обнаружена его могила.

ЯЗЫКОВАЯ ГРАНИЦА

Казалось, что франки в своем неудержимом наступлении собирались стереть с лица Бельгии и Галлии все следы римской цивилизации, и такая катастрофа, без сомнения, произошла бы, если бы естественное препятствие не сломило их порыв. Выше мы упоминали, что к югу от линии, идущей от Дюнкерка до Мейстрихта, местность была покрыта густым лесом, "Сильва Карбонария". Эта деревянная стена остановила захватчиков больше, чем героические усилия Аэция. Он защищал кельтов от франков в Бельгии, как горы Уэльса и холмы Корнуолла защищали их от саксов в Великобритании. Франкские короли и их знать стремились к завоеваниям, но вторжение прекратилось. Движение перестало быть этническим и стало политическим. Франки достигли лесных полян и номинально подчинили Галлию своей власти, но теперь они были в меньшинстве, и побежденным вскоре удалось поглотить завоевателей. Примечательно, что "Lex Salica", старейший документ, в котором упоминается название Угольного леса, описывает его как "границу территорий, оккупированных франкским народом". К северу от этой границы страна была полностью в руках захватчиков; к югу "Вала", как франки называли белго-римлян, преуспели в самосохранении и в определенной степени сохранили римский язык и цивилизацию. Старая граница, проходившая в северном направлении и

отделявшая в прошлом "Нижнюю Германию" от "Второй Бельгии", была нарушена под давлением франкских вторжений и теперь проходила с востока на запад, но дуализм, который мы отметили выше, не исчез. Франки поселились на севере, романизированные кельты, или "валы", заняли юг. Первые являются предками современных фламандцев, вторые - валлонов, и языковая граница между двумя слоями населения осталась прежней. Сегодня она проходит там же, где и четырнадцать веков назад, от юга Ипра до Брюсселя и Местрихта, разделяя Бельгию почти поровну на две популяции, принадлежащие к двум разным расам и говорящие на двух разных языках. Древний лес исчез, но его край все еще отмечен на карте. Сегодня мы пересекаем его, не замечая никаких изменений в ландшафте, но далекие голоса крестьян, работающих в полях, напоминают нам о его древней тени и непроходимом подлеске. Путешественник на мгновение удивляется перемене, затем снова пускается в путь, добавляя еще один вопрос без ответа к своему грузу нерешенных проблем. Историк вспоминает ужасные годы пятого века, когда судьба Европы висела на волоске и когда вздымающиеся волны языческого германизма тратили последние силы на то, чтобы преодолеть этот зеленый барьер, который спас христианство и римскую цивилизацию и, между прочим, придал бельгийской нации ее самый выдающийся и интересный характер. Таким образом, напев валлонского предложения может напоминать шелест листьев и писк ранних пташек, в то время как более гортанный акцент фламандского имени напоминает нам о боевом кличе диких орд и ритме "фрейма".

Франкские вторжения пятого века можно считать самым важным событием ранней истории Бельгии. Независимо от того, ставится ли под сомнение единство бельгийской нации или поддерживается, мы неизбежно должны вернуться к причине ее реального или кажущегося разделения. Если бы такое разделение из расового и языкового превратилось в политическое или экономическое — то есть, если бы языковая граница совпала с некоторыми границами, которые разделили страну на более позднем этапе, — идея о том, что Бельгия родилась в 1830 году и представляла собой "искусственное создание европейской дипломатии", могла бы быть небезосновательной. Здесь, как и во многих других странах Европы, национальность определялась в основном расой и языком. Однако это не так. Ни в один период истории Бельгии какое-либо разделение не проходило по языковой границе. Напротив, большинство политических и церковных образований, созданных в средние века, включали в себя оба элемента населения, и благодаря частому общению и общим интересам эти два народа, говорящие на разных языках, постепенно слились в одно целое. Когда в пятнадцатом веке различные герцогства и графства оказались под властью герцогов Бургундских, национальное единство было реализовано, как это было реализовано в Англии или Франции в то же время, благодаря растущей власти и централизующим действиям современных князей. Несколько предубежденных авторов тщетно пытались преувеличить расовый или языковой фактор и утверждали, что, с точки зрения науки, бельгийской национальности существовать не могло. Долг ученого - не искажать проявления природных явлений в свете какой-либо более или менее популярной идеи. Его долг - объяснять факты. Развитие и постоянство бельгийской национальности, несмотря на самые неблагоприятные условия, является одним из таких фактов. Существование швейцарской нации, гораздо более глубоко разделенной, чем бельгийская, показывает, что она не уникальна. Но даже если бы оно было уникальным, его следовало бы учитывать. Гораздо легче предаваться широким обобщениям, чем посвящать себя тщательному изучению природы или человека. Наше внимание должно привлекаться не к

правилам, а к исключениям, поскольку только исключения научат нас тому, насколько несовершенны наши правила.

ГЛАВА II

ОТ СВЯТОГО АМАНА ДО КАРЛА ВЕЛИКОГО

Продолжая свои завоевания в Галлии, франкские короли вскоре покинули столицу Клодиона и обосновались в Париже. Хлодвиг и его преемники, окруженные своими воинами, не могли противостоять галло-римскому влиянию, которому они подверглись. Они дали свое название завоеванной стране, но переняли ее обычаи и почти не обращали внимания на своих старых товарищей, оставшихся поселенцами на берегах Шельды. С приходом белго-римского населения христианство было вытеснено из Северной Бельгии, и Церкви потребовалось два столетия после крещения Хлодвига (496 г.), чтобы отвоевать утраченные земли.

Эту длительную задержку легко объяснить. Обращение Хлодвига и его последователей, оказавшее столь глубокое влияние на ход французской истории, почти не отразилось на верованиях и обычаях языческих франкских племен, обосновавшихся на северной равнине. Организация Церкви, у которой не было времени укрепиться, была полностью разрушена вторжениями. Между четвертым и седьмым веками тень язычества снова распространилась по земле Северной Бельгии и Британии, и когда святой Аман прибыл во Фландрию, он обнаружил, что франки так же мало готовы принять его, как саксы несколькими годами ранее были готовы принять Августина.

В Северной Бельгии, как и в Великобритании, работу по повторной христианизации приходилось проводить извне. Обычные епископы, замкнутые в своих городах, вряд ли могли справиться с этим. Их влияние было ограничено небольшой территорией, и их частая смена места жительства говорит о том, что их положение было довольно шатким. В шестом веке епископы Тонгре обосновались в Местрихте, епископы Турне - в Нуайоне, а епископы Арраса - в Камбре. Позже Маэстрихт был оставлен ради Льежа (начало VIII века). Старые титулы "episcopi Tungrorum" и "episcopi Morinorum" потеряли всякое значение с исчезновением древних кельтских племен, но епископы, сохранив их, показали, что они все еще надеялись усилить свое влияние на севере.

Это честолюбие осталось бы пустым желанием, если бы не действия нескольких пылких миссионеров, которые взялись обратить немецких завоевателей в седьмом веке, подобно тому как были обращены побежденные кельты в третьем. Мы уже обращали внимание читателя на одновременные события, происходившие по обе стороны моря, в Британии и Бельгии, на раннем этапе их истории — римское завоевание, германские набеги, отступление кельтского населения в леса и холмы, — но ни одно из этих сопутствующих событий не является более поразительным, чем появление почти в одно и то же время св. Августина в Кенте и Сент-Аманд во Фландрии.

СЕНТ-АМАНД

Миссия последнего, однако, не была официальной. По пути в Рим он увидел в видении святого Петра, который приказал ему проповедовать Евангелие северным язычникам, и тотчас же обосновался у слияния рек Лис и Шельда. В этом месте он основал два монастыря, которые должны были стать истоками города Гент (610). Ободренный своими первыми успехами, он попытался при поддержке короля сделать крещение обязательным, что вызвало восстание франков против него. После долгих скитаний среди дунайских племен он вернулся во Фландрию в качестве епископа Тонгрского в 641 году, но вскоре отказался от креста и митры, чтобы принять монашеское облачение, и искал мученической смерти среди басков. Получив отказ в пальме первенства, он снова отправился в Бельгию, где скончался в монастыре Эльноне, недалеко от Турне, около 661 года.

В течение пятидесяти лет, с некоторыми перерывами, он неустанно трудился как монах и как епископ для обращения Северной Бельгии. Его усилия и близко не были такими систематическими, как у Августина. Он не организовывал таким же образом свои духовные завоевания. Он довольствовался привлечением язычников в лоно христианства, но мало что сделал для их удержания там. Однако его пламенный энтузиазм послужил примером многим ученикам и последователям, которые странствовали за ним по стране. Элуа вдоль Шельды, Сен-Ремакль вдоль Мааса, Сен-Ламбер среди бесплодных вересковых пустошей Токсандрии и Святой Юбер в лесах Арденн. Помимо них, английские и ирландские миссионеры внесли большой вклад в обращение Северной Бельгии. Плоды этих индивидуальных усилий были пожаты различными епископами, которые никогда не переставали утверждать, что северная равнина является неотъемлемой частью их владений, согласно римской традиции. Все, что было необходимо после того, как христианство было вновь введено, - это снова сделать эффективными узы, которые в течение четырех столетий оставались чисто номинальными. Епископство Льеж простиралось между Маасом и Дил, в пределах, ранее занимаемых епископством Тонгре; епископство Камбре - между Дил и Шельд (Нервии); епископство Нуайона - между Шельд и морем (Менапии); и епископство Теруана - вдоль долины Изер (Морини). Таким образом, благодаря действиям Церкви были восстановлены старые границы кельтских племен, принятые римскими "цивитатами" спустя долгое время после исчезновения кельтов и падения Рима. Льеж был присоединен к архиепископству Кельна, три других - к Реймсу, возродив для церковных целей старое разделение между "Второй Бельгией" на западе и "Нижней Германией" на востоке. Это разделение не менялось вплоть до шестнадцатого века, когда северная часть страны перестала находиться под религиозным влиянием епископальных городов юга.

ЕПИСКОПСТВА

Следует отметить, что ни одна из церковных границ, о которых мы упоминали, не проходит в восточном направлении. Вместо того чтобы совпадать с языковой границей, они пересекают ее повсюду, объединяясь в одну религиозную общину "валас" и "дичен", кельтов и германцев. В течение восьми столетий Церковь, которая в то время обладала высшим моральным влиянием, бессознательно посвящала всю свою энергию сближению двух групп населения. Они встречались в одних и тех же церквях, они молились перед одними и теми же святынями, они участвовали в одних и тех же паломничествах, они учились и медитировали в стенах одних и тех же монастырей. Неудивительно, что такое общение в конце концов привело к объединению тех, кого природа так сильно разделила, и к созданию в Бельгии цивилизации нового типа, не кельтской и не франкской, не романизированной и не германизированной, но сочетающей в себе некоторые из сильнейших качеств обеих рас и хорошо подготовленной для того, чтобы

служить своего рода интеллектуальным, моральным и художественным связующим звеном между ними. Из этого правила есть только одно исключение. Когда прогресс христианства позволил основать новое епископство в Утрехте, эта религиозная метрополия не подвергалась никакому романскому влиянию. Он оставался чисто германским по своему характеру и уже на этом раннем этапе истории Нидерландов придавал особый характер их крайним северным районам, который так сильно проявился во времена Реформации.

Короли Меровингов дали своего рода санкцию на это постепенное отделение салийских франков, обосновавшихся в Северной Бельгии, от основной массы германских племен. Примечательно, что граница, которая на какое-то время разделяла их королевство на Нейстрию на западе и Австразию на востоке и которая следовала в Восточной Галлии за языковой границей, приняла другое направление в Бельгии и, вместо того чтобы проходить с востока на запад, как можно было бы ожидать, проходила на север и юг вдоль границы, отделяющей епископство Льеж от Камбре, объединяя валасов и франков по обе стороны этой линии. Еще одно доказательство латинизирующего влияния Церкви можно найти в том факте, что франки, обосновавшиеся в Бельгии, забыли о своем племенном родстве. В то время как в седьмом веке рипуарцы, аламаны и тюрингенцы образовали множество отдельных герцогств, никогда не предпринималось попыток основать салийское герцогство на севере Бельгии. Само название франков перестало применяться к соседям валаса, и в Средние века они были известны как "Dietschen", или "Thiois".

Однако не следует предполагать, что движение было односторонним и что древние франки приняли религию и, в определенной степени, язык южных народов, не оказав на них, в свою очередь, влияния. Романизация франков сопровождалась германизацией валлонов, которые переняли законы и обычаи своих завоевателей. Последние во многих случаях становились крупными землевладельцами в этой части страны, в то время как франкские поселенцы на Севере сохранили экономические традиции своей родной страны и оставались мелкими фермерами. Даже этот последний контраст постепенно исчез под влиянием могущественных землевладельцев и благодаря основанию богатых монастырей, которые постепенно привлекли к себе в качестве арендаторов или клиентов основную массу населения в обеих частях страны. Таким образом, когда династия Каролингов сменила династию Меровингов и когда Карл Великий получил императорскую корону из рук папы римского (800 г.), работа по объединению была почти завершена. Благодаря взаимному влиянию Дичен и Валас жили при одном экономическом, политическом, религиозном и судебном режиме. Лингвистическое различие по обе стороны линии Турне-Маэстрихт было единственным заметным отличием, и даже это различие имело тенденцию исчезать из-за общего использования римского диалекта.

CHARLEMAGNE

Оставалось сделать только одно, чтобы увенчать работу, проделанную за два последних столетия: создание сильной централизованной политической власти. Страна была готова сыграть ту роль, которую ей было суждено сыграть в силу природных и расовых условий в истории Европы, но она все еще оставалась без руководства, всего лишь пограничной территорией, забытой и заброшенной, на окраине Франкского королевства. Инструмент был готов, но ни один ремесленник еще не умел им пользоваться. Пока центр политической активности оставался на Сене, характеристики бельгийской цивилизации не могли быть раскрыты. До тех пор, пока баланс между германской и романизированной культурой

неуклонно склонялся в сторону Запада, европейские качества этого германского, полуроманизированного народа не могли быть проверены. Возможно, было бы преувеличением утверждать, что Карл Великий учредил бельгийское гражданство точно так же, как Хлодвиг учредил французское гражданство при объединении Галлии, или что Альфред открыл англичанам самих себя в своей победоносной борьбе против датчан. Но, распространив границы своей империи до Эльбы и обосновав свою штаб-квартиру в центре своих старых владений, в Экс-ла-Шапель, на полпути между Францией и Германией, Карл Великий дал, по крайней мере, возможность заявить о себе почти каждой черте бельгийской общественной жизни.

В первой половине IX века регион Шельды и Мааса превратился в оживленный улей. Со всех концов света торговцы, богословы, художники и музыканты устремлялись к новому экономическому и интеллектуальному центру Европы. Арнон, ученик Алкуина, приехал в Эльнон, ирландец Седулиус - в Льеж, итальянец Георгиус - в Валансьен, в то время как школы Сент-Аманда под руководством Хукбальда приобрели всемирную репутацию. Повсюду основывались новые монастыри, строились новые церкви и дворцы. Искусство иллюминации, вышивки, резьбы по дереву и витражного стекла было доведено до беспрецедентной степени совершенства и утонченности. Епископы и аббаты соревновались в привлечении к своим дворам и монастырям самых известных врачей и поэтов того времени. Мы потеряли большую часть художественных ценностей и рукописей того периода в результате последующих вторжений норманнов. Все остатки каролингской скульптуры и архитектуры в Бельгии были уничтожены. Но благодаря работам, выполненным в других странах, и с помощью нескольких документов, таких как опись, сохранившаяся в *Хронике святого Тронда*, мы можем, по крайней мере, оценить не только их внутреннюю ценность, но и интерес, который они пробудили среди священнослужителей и мирян. О том, что великий император поощрял это движение и принимал в нем непосредственное участие в привлечении в различные учебные центры лучших мастеров Европы, достаточно свидетельствует его письмо Гербальду Льежскому. Под его руководством европейская цивилизация определенно утвердилась на северной равнине Европы, и Экс-ла-Шапель действительно стал "Северным Римом". Столица вместе с Тонгром, Льежем, Сен-Тро и другими соседними городами образовала центр, из которого цивилизация распространилась на восток и запад в Германию и Францию, точно так же, как несколькими столетиями ранее она распространилась из Центральной Италии в Восточное и Западное Средиземноморье.

ФРИЗСКАЯ ТКАНЬ

По старой римской дороге, вдоль которой монастыри основали множество гостиниц, текли потоки путешественников всех мастей. Реки Маас, Шельда и Рейн были усеяны парусами множества кораблей, привозивших иностранные товары и увозивших продукцию отечественной промышленности. Самым важным из них был особый вид ткани, "фризское сукно", которым уже славилась северная равнина, покрытая богатыми пастбищами и производящая большое количество шерсти. Это была специализированная отрасль промышленности, естественное развитие древнего сукноделия Менапии, упомянутого выше, и предшественница сукноткачества, благодаря которому Фландрия приобрела всемирную известность в последующие столетия. "Фризская ткань" уже экспортировалась по Рейну в Центральную Европу, а по морю - в Великобританию и Скандинавию. Денежные знаки из портов Слуис и Дюрстеде были найдены в обеих странах, и частота сношений с Севером была

такова, что в Туроте, недалеко от Дюрстедте, был основан монастырь со специальной целью подготовки миссионеров для обращения датских торговцев.

Это правда, что процветание, достигнутое при Карле Великом, было недолгим, и что несколько лет спустя Северная Европа, и особенно Бельгия, стали добычей норманнов, которые уничтожили большую часть литературных и художественных сокровищ, накопленных с таким энтузиазмом во время его правления. Верно также, что бельгийскому единству было суждено распасться, и что страна должна была быть разделена между Германией и Францией и их соответствующими вассалами. Но если Карл Великий пришел слишком рано, в то время, когда этнографические условия еще не были достаточно стабилизированы, и если его Империя не пережила его, его влияние, тем не менее, ощущалось на протяжении многих веков. Если его мечта о Европейской империи не могла быть реализована, то миссия, возложенная на Бельгию как на естественное связующее звено между Востоком и Западом, даже сегодня остается одной из главных черт европейской политики. История показала, что никакая аннексия, никакое территориальное разделение дуалистической страны никогда не могли гарантировать мир между Францией и Германией. Такой мир возможен только в том случае, если вмешавшейся нации будет позволено сыграть свою роль в концерте наций, и это было реализовано только тогда, когда эта роль была сыграна. Бельгия никогда не будет такой, какой ее сделал Карл Великий, ядром великой империи; но, если она не останется свободным фактором в истории Европы, как это было впервые при великом императоре, конфликты между двумя соперниками, внезапно оказавшимися на одной границе, становятся неизбежными. От IX века до Венского конгресса произошел большой скачок, между славой Экс-ла-Шапель и установлением нейтралитета Бельгии; с тех пор было пройдено много путей, но в человеческих делах есть своего рода постоянство, которым нельзя напрасно пренебрегать, и политика Карла Великого преподает нам уроки, которые не должен игнорировать ни один современный государственный деятель.

раздел империи Карла Великого.

[Увеличить изображение](#)

ГЛАВА III

ЛОТАРИНГИЯ И ФЛАНДРИЯ

Центральное положение, занимаемое древней Бельгией, которое было причиной ее расцвета в первые годы IX века, было также причиной ее упадка после смерти Карла Великого (814).

Конкуренция, возникшая в то время, привела к вековому соперничеству между Францией и Германией и невзгодам, связанным с территориями, лежащими между ними, на которые, хотя и претендовали по очереди обе державы и которые включали половину романизированного и половину германского населения, не были ни французскими, ни немецкими, но обладали собственной индивидуальностью. Если бы эти территории были широко распространены и надежно защищены природой, как древняя Италия в Средиземноморье, они могли бы стать резиденцией новой Европейской империи или, по крайней мере, играли бы роль сильного третьего партнера, с которым пришлось бы считаться как французским, так и немецким соперникам. Это полностью изменило бы курс европейской политики и, возможно, значительно увеличило бы шансы на установление мирного и стабильного режима. Как бы то ни было, промежуточная страна, широко открытая на Востоке и на Западе, слишком слабая, чтобы противостоять иностранной агрессии, стала в лучшем случае слабым буферным государством, а в худшем - яблоком раздора между двумя могущественными наследственными врагами.

ФЕОДАЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ

Войны и международные договоры, приведшие к разделу империи Карла Великого, ясно показывают, что создание центральной державы было обречено на провал, поскольку эта третья держава была слишком уязвима, чтобы противостоять совместным атакам с Востока и Запада, и была слишком разнородной, чтобы сохранить свое единство. Верденский мирный договор, заключенный в 843 году, разделил империю между тремя внуками Карла Великого. Карл получил Францию, Людовик - Германию, а Лотарь, младший, богатый регион, лежащий между обеими странами и простирающийся от Голландии до Италии, включая большую часть Бельгии, с титулом императора. После смерти Лотаря I его сын, Лотариус II, унаследовал северную часть владений своего отца, которая, за неимением лучшего названия, называлась "Regnum Lotharii" — Лотарингия. Но и Карл, и Людовик уже пытались завоевать владения своего племянника. Вскоре после его смерти они встретились в Меерсене, близ Местрихта (870), где было принято решение о разделе его земель, и Карл получил всю нынешнюю Бельгию до Мааса. Смерть Людовика стала сигналом к новому конфликту. Карл потерпел поражение при Андернахе от Людовика III (876), и граница между Францией и Германией была установлена по Шельде, Карл сохранил Фландрию, Людовик получил Лотарингию (879). После короткого правления Карла Толстого, который на несколько лет восстановил единство империи, эти две части Бельгии оставались разделенными таким образом в течение трех столетий. Важно отметить, что в обеих странах были фламандцы и валлоны, и что по обе стороны границы существовала сильная тенденция не допустить втягивания Лотарингии или Фландрии в круг немецкой или французской политики. Дух независимости оставался живым, и когда в XI веке политические условия стали более благоприятными, соглашение между бельгийскими князьями по обе стороны Шельды стало естественным результатом ослабления центральной власти. Такое объединение привело, наконец, в начале пятнадцатого века к полному воссоединению обеих частей страны. Таким образом, историю Бельгии с десятого века до раннего Возрождения можно рассматривать как историю небольшой части Франции и небольшой части Германии, которые после борьбы за независимость против своих соответствующих хозяев постепенно объединили свои усилия, чтобы подчиниться власти общих национальных князей.

Было бы ошибкой приписывать сепаратистские наклонности дворян Фландрии и Лотарингии национальному чувству в то время, когда это чувство едва ли существовало в Западной Европе.

Несомненно, сопротивление, оказываемое бельгийской знатью своим иностранным суверенам, можно было бы просто представить как прямое следствие феодальной системы и ревнивой гордости, которую каждый вассал питал по отношению к своему сюзерену. Но, если местные амбиции стали преобладающими в Европе в десятом веке, мы можем, по крайней мере, указать, что из-за языкового и расового смешения, преобладающего в Бельгии, и из-за особого положения, занимаемого Фландрией и Лотарингией, нигде эти тенденции не проявлялись так явно, как на этих отдаленных рубежах Франции и Германии. Точно так же, как на более позднем этапе Брюгге и Гент стали наиболее совершенными типами независимых средневековых коммун, графы Фландрии и князья Лотарингии представляли собой наиболее совершенные образцы беспокойных феодальных князей.

Происхождение феодализма хорошо известно и является общим для всех европейских стран. Это связано с ослаблением центральной власти после смерти Карла Великого, ростом влияния крупных собственников и постепенным подчинением мелких собственников знати, которая пользовалась их покровительством. Его развитие в Бельгии было значительно ускорено вторжениями норманнов. Они были особенно суровыми в стране, которая при Карле Великом стала самой богатой в Европе и до которой было легко добраться с моря благодаря судоходному характеру ее рек. Они совпали с датскими вторжениями в Англию и со скандинавскими набегами на побережья Германии и Франции. Одно время казалось, что захватчики собираются обосноваться в Голландии, как позже они обосновались в Нормандии. В 834 году они обосновались в устьях Мааса, Рейна и Шельды и из этого центра почти беспрепятственно продолжали свои систематические экспедиции. Они организовали большие лагеря в Лувене и Местрихте, на самой дальней судоходной границе рек Дайл и Маас, где были собраны все сокровища окрестных монастырей, церквей и дворцов.

Лотарь II позволил Рюрику обосноваться на нижнем Маасе, а Годфрид, другой нормандский вождь, получил Фрисландию от Карла Толстого. Когда победа Арнульфа Каринтийского при Лувене (891 г.) положила конец их деятельности и вынудила отступить, норманны оставили после себя только бесплодные пустыни, усеянные руинами, разделенные рядом укрепленных лагерей, где арендаторы жили под защитой крепостей своих хозяев.

НОРМАННЫ

Норманны не только ускорили приход феодализма, они разрушили каролингскую цивилизацию так же эффективно, как франки разрушили белго-римскую культуру. И снова нити должны были быть подобраны одна за другой, и ткань европейской цивилизации терпеливо перестраивалась, и снова Церковь стала самым важным фактором в этой работе по восстановлению и преуспела в сохранении духовного наследия святого Аманда. В третий раз она попыталась привнести благотворительность, искусство и культуру в мир насилия и варварства. После цивилизования кельтов-язычников в третьем веке и франков-язычников в седьмом, она должна была теперь цивилизовать христиан десятого века, и этому не суждено было стать более легкой задачей.

ГЛАВА IV

РЕГНЕР С ДЛИННОЙ ШЕЕЙ

Давайте теперь кратко рассмотрим общий ход событий в Восточной Бельгии, или Лотарингии, присоединенной к Германской империи с 879 года. Это всего лишь, как мы уже говорили, история усилий, предпринятых дворянами, которые впервые проявляют себя как сила в государстве, чтобы освободиться от контроля своего имперского сюзерена. Аристократия была разделена между сторонниками германских императоров и местных вождей, и между этими партиями никакой компромисс был невозможен.

Британскому читателю было бы неинтересно следить за каждым эпизодом этой ссоры, но некоторые из ее аспектов нельзя игнорировать при изучении формирования бельгийского гражданства.

феодалная Бельгия.

[Увеличить изображение](#)

ЛОТАРИНГСКАЯ ЗНАТЬ

Политику местной аристократии характеризуют две особенности: их привязанность к династии Каролингов и то, как они пытались сохранить свою свободу действий, заключая ряд союзов либо с Францией против Германии, либо с Германией против Франции. Легко понять, что в этих округах, которые столь многим были обязаны каролингскому режиму, каролингская традиция сохранила свой престиж. То, как Карл и Людовик лишили потомков Лотаря их наследия, стало предлогом для серии восстаний против новых хозяев, навязанных стране вторым Верденским мирным договором. Первое из этих движений возглавил Гуго, побочный сын Лотаря; оно потерпело неудачу из-за поимки своего лидера. Вторую, которая была гораздо более важной, возглавлял местный лорд, Регнер Длинная Шея, сын одной из дочерей Лотаря, владевший обширными владениями в Эно, Арденнах, Льеже и на нижнем Маасе, то есть по обе стороны языковой границы. Регнера можно рассматривать как типичного представителя лотарингской знати, которая, хотя и потерпела первое поражение, в конце концов преуспела в освобождении от имперского контроля. Владея обоими языками, он не был привязан ни к французской, ни к немецкой партии, но был готов переходить от одной к другой в соответствии с интересами своей

политики, которая заключалась лишь в сохранении его собственной независимости. Регнер полностью отличался от других дворян Империи, таких как герцоги Саксонии, Баварии и т.д., поскольку не представлял никакой этнографической группы. Он был идеальным типом феодала, для которого никакие интересы не превалируют над его собственными. Благодаря своему союзу с французским королем ему удалось победить Цвентибольда, сына императора, и установить свою власть над Лотарингией. Его столица находилась в Меерсене, недалеко от Местрихта, на языковой границе, на полпути между его валлонскими и фламандскими владениями. С точки зрения международной политики его сын Гислеберт - еще более яркая личность. Находясь под угрозой со стороны Карла Простого, он заключил союз с императором Генрихом и преуспел, таким образом, в перемещении своего положения из Франции в Германию и из Германии во Францию не менее четырех раз. В конце концов он был вынужден подчиниться императору, власть которого неуклонно росла, и женился на его дочери (925). Восстав против Оттона, преемника Генриха, он потерпел поражение при Андернахе и утонул в Рейне. Отто испытывал дальнейшие трудности с контролем над своими бельгийскими владениями, и преуспел в этом, только передав свою власть своему брату Бруно, архиепископу Кельна, и германизировав лотарингские епископства Льеж и Камбре.

На протяжении более чем столетия немецкое или германизированное высшее духовенство становилось самыми сильными сторонниками влияния императора в стране. Их преданность никогда не подводила, и это было подчеркнуто Вазо, епископом Льежским, который заявил, что "даже если императору выколют правый глаз, он не преминет использовать левый для чести и служения своему господину". Бруно и Нотгер Льежские (974-1005) предприняли реформу своего духовенства и поощрение интеллектуальной культуры. Под их руководством Льеж снова стал крупным центром образования. Помимо теологии, грамматики, риторики и поэзии, в городе преподавались музыка и математика, который мог похвастаться тем, что был "Северными Афинами". Движение достигло Камбре и Утрехта, и в монастыре Жамблу была написана одна из самых важных хроник того времени, "*De Scriptoribus Ecclesiasticis*" *Курберма*— первая попытка создать всеобщую историю Европы. Престиж, полученный от этого интеллектуального движения, значительно способствовал усилению влияния Германии и привлек в Льеж ряд иностранных студентов из Германии, Франции, Англии и даже из славянских стран.

БОЛДУИН V

На какое-то время сопротивление местной аристократии было преодолено. Реннер Эно, племянник Гислеберта, был изгнан Бруно, династия Каролингов была вытеснена во Франции Капетингами, а ее последние представители, герцог Карл и его сын, были похоронены бок о бок в Местрихте. Потомки Регнера Длинная Шея, тем не менее, оставались могущественными, отчасти благодаря браку Регнера V Эно с дочерью Гуго Капета и женитьбе Ламбера Лувенского на дочери герцога Карла. С первых лет XI века феодализм господствовал не только в Эно и Брабанте, но также в Намюре, Голландии и Люксембурге, так что единственным средством, которым располагали император и верные ему епископы для поддержания своей власти, было разжигание соперничества между знатью. Таким образом, титул герцога Лотарингии был присвоен не одному из потомков Регнера, а Годфри Верденскому, которому удалось разгромить своих противников при Флоренне (1015), где он был убит. Его преемники не проявляли такой же лояльности к Германии, и когда император Генрих III попытался разделить герцогство, чтобы ослабить власть герцога, он оказался лицом к лицу с могущественной конфедерацией,

включавшей не только Годфри Бородатого, графов Лувена, Эно, Намюра и Голландии, но и Балдуина V Фландрского (1044).

Дата важна, поскольку она знаменует поворотный момент в средневековой истории Бельгии. В течение двух столетий Фландрия и Лотарингия оставались разделенными и зависели в своей политической жизни соответственно от Франции и Германии. Пересекая границу, установленную Верденским договором, и непосредственно вмешиваясь во внутренние дела Лотарингии, Балдуин положил начало новой политике и сделал возможной систему союзов между бельгийской знатью, которая привела к воссоединению обеих частей страны под властью одного суверена и, в конечном счете, к созданию бельгийского гражданства.

Императоры могли бы сопротивляться более успешно, если бы они до последнего сохраняли поддержку епископов, которые так долго были их надежными агентами. Чтобы понять, как они потеряли эту поддержку, мы должны кратко описать условия религиозной жизни в десятом и одиннадцатом веках.

Когда норманны покинули страну, она снова погрузилась в варварство. Монастыри были во всех отношениях похожи на любую другую феодальную резиденцию, и аскетическое правило святого Бенедикта было полностью забыто. Аббаты скорее отличались от других дворян своей жадностью и жестокостью. Они женились и предавались попойкам и грабительским экспедициям. Срочно требовалась реформа. И снова это было совершено не высшим духовенством, а совершенно спонтанно самим народом, чья вера пережила испытание вторжениями.

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Жерар де Бронь, малоизвестный дворянин, владелец небольшого владения Бронь, недалеко от Намюра, после посещения аббатства Святого Дениса решил восстановить бенедиктинские традиции. Вернувшись, он основал аббатство на своей собственной земле, отрекся от мира и удалился с несколькими учениками в уединение леса. Дворяне вскоре слышали о его образцовой жизни и попытались заручиться его услугами. Почти против его воли его заставляли переходить из одного монастыря в другой под покровительством герцога Гислеберта и Арнульфа Фландрского. Святой Гислен, Святой Пьер, Святой Бавон (Гент), Святой Аман и Святой Омер посещали его по очереди, и к середине десятого века старое правление было восстановлено от Мааса до моря. Епископы Льежа, Камбре и Утрехта присоединились к движению, и с их помощью и помощью знати за очень короткое время по обе стороны языковой границы возник ряд новых монастырей. Произошло необычайное религиозное возрождение, которое не ограничивалось интеллектуальной аристократией, подобно реформе, проведенной почти в одно и то же время Бруно и Нотгеном в школах Кельна и Льежа. Она не была связана с наукой или политикой и носила, по сути, религиозный и популярный характер. Хроники того времени рассказывают нам о многих примерах религиозного рвения. В Сент-Тронде жители вызвались привезти с Рейна камни и колонны для возведения новой церкви. Недалеко от Турне колония монахов, обосновавшаяся на развалинах старого аббатства, год за годом кормилась за счет горожан. В конце XI века в этом городе была учреждена великая процессия, в которой

приняло участие все население соседних округов, без какого-либо различия ранга или сословия, люди шли босиком за чудотворным образом Богородицы. Чтобы положить конец местным конфликтам, столь частым в то время, было достаточно послать нескольких монахов с какой-нибудь священной реликвией. При виде реликвий сражающиеся воины сложили оружие, забыли о своих ссорах и примирились.

Жерар де Бронь подготовил путь клюнийским реформаторам, которые, будучи выходцами из Лотарингии, быстро распространились в первой половине XI века через Бельгию в направлении Германии. Однако это новое движение, ставшее чрезвычайно популярным не только среди народа и знати, но и среди высшего духовенства, не могло не отразиться на политической ситуации Лотарингии в то время, когда вопрос о верховенстве духовной власти над светской был выдвинут на первый план. Клюнийцы, как и большинство мистиков того времени, были вынуждены отвергать любое вмешательство императоров в дела Церкви. Они признавали только одну власть - духовную власть папы Римского. В борьбе за инвеституры все их влияние было брошено против Генриха IV и его немецких епископов. Последние после длительного сопротивления были вынуждены уступить перед народным возмущением и непримиримой оппозицией феодалов, которые нашли в новом движении могущественного и неожиданного союзника. Французское влияние снова пришло им на помощь в их усилиях избавиться от немецкой гегемонии.

ГОДФРИ БУЛЬОНСКИЙ

Против совместных действий клюнийцев, лотарингской знати и их новых союзников, графов Фландрии, императоры по-прежнему были бессильны. После смерти Генриха III граф Балдуин V получил некоторые территории между Шельдой и Дендре (имперская Фландрия) и господство над Эно благодаря женитьбе своего сына на графине Ричильде (1051). Герцог Лотарингии Годфри Горбун, последний бельгийский сторонник имперского правления, после проверки успехов коалиции скончался, убитый в Зеландии (1076). Его сын, Годфри Бульонский, продал свою землю епископу Льежскому и покинул страну во главе первого крестового похода.

Бельгийским принцам, говорящим на обоих языках, состоявшим в тесных отношениях с Францией и Германией, суждено было принять важное участие в великом европейском приключении. Они были, насколько это слово может быть использовано в данный период истории, скорее европейцами, чем национальными властителями. И, без сомнения, именно благодаря этому по сути бельгийскому характеру, а также его личным качествам крестоносцы выбрали Годфри своим вождем, а не других принцев, которые, несмотря на свое большее богатство и власть, были не в состоянии понять и примирить соперничающие притязания.

По тем же причинам, которые сделали Экс-ла-Шапель столицей империи Карла Великого, руководство самой могущественной европейской экспедицией Средневековья досталось скромному и разорившемуся бельгийскому принцу.

Первые годы XII века знаменуют триумф местного феодализма над имперским правлением. В то время как Генрих IV, находясь под запретом отлучения от церкви, нашел последнее убежище в Льеже, его сын передал герцогское достоинство Годфри Лувенскому. Таким образом, дом Регнера Длинная Шея после двух столетий остракизма снова вступил в свои права.

ГЛАВА V

БОРОДАТЫЙ БОЛДУИН

В то время как в течение десятого и одиннадцатого веков лотарингские лорды стремились сохранить свою независимость под властью Германии, графы Фландрии очень быстро приобрели значительное влияние во Франции и были практически свободны управлять своими владениями без какого-либо вмешательства извне. Ни герцог, ни епископы не стояли у них на пути. Они напрямую зависели от французских королей, а последние в то время были настолько слабы, что не могли использовать ту власть, которой обладали. С этой точки зрения история двух частей средневековой Бельгии представляет собой разительный контраст. По одну сторону Шельды ослабленная и разобщенная знать боролась против могущественного сюзерена; по другую сторону бессильный сюзерен тщетно пытался утвердить свою власть над одним из своих самых властных вассалов.

ГРАФЫ ФЛАНДРИИ

Однако есть одна общая черта, которая была у дома Регнеров и дома фламандских графов. Оба были обязаны своим первоначальным могуществом союзу с династией Каролингов. Точно так же, как отец Регнера похитил одну из дочерей Лотаря, Болдуину Железная Рука удалось похитить Юдифь, дочь Карла Лысого и вдову английского короля Этельвульфа (862). Это дало ему предлог для вмешательства во французские дела, которым в полной мере воспользовался его сын Балдуин II (879-918). Расширив свои владения до реки Сомма и аннексировав Валлонскую Фландрию и Артуа, этот принц укрепил свою власть, женившись на дочери Альфреда Великого.

Фландрия определенно считалась одним из богатейших феодальных владений французской короны, находившимся в тесном контакте с Англией. Как и Лотарингия, она обладала двумя по сути бельгийскими особенностями. В ней не было ни расового, ни языкового единства, север был германизирован, а юг романизирован, и она была помещена между двумя соперничающими державами, Францией и Англией. Графы, или "маркизы", как они предпочитали себя называть, стремились к союзу в одно время со своим сюзереном, в другое - со своим соседом, в зависимости от обстоятельств. Когда власть французских королей возросла, они все больше и больше склонялись к Англии, как лотарингская знать к Франции, когда ей угрожали германские императоры.

Арнульф I, захватив Дуэ и Аррас, обратил свое внимание на Нормандию, но вскоре его продвижение в этом направлении было остановлено. Его сохранившаяся печать является старейшей из известных феодальных печатей, а история его жизни, *"Святая прозапись дома Арнульфи, комитет славы"*, легла в основу сборника анналов и хроник на латыни, французском и фламандском языках, который в шестнадцатом веке составил хорошо известную *превосходную хронику ван Влендерена*. Его сын и внук отказались от всех нападений на Нормандию и попытались расширить свои владения на восток и юг. Балдуин IV захватил Валансьен в Эно и некоторое время удерживал его против коалиции, включавшей императора, короля Франции и герцога Нормандии. В конце концов ему пришлось восстановить город в 1007

году, но, несколько лет спустя, ему удалось получить часть Зеландии и Зеландской Фландрии ("Четыре города"). Несмотря на усилия, предпринятые императорами для укрепления линии Шельды у Антверпена и Валансьена, его преемник, Балдуин V Бородатый, переправился через реку и, продвинувшись до Дендре, добился от Генриха II инвеституры страны Алоост и Зеландии. Это называлось "Имперская Фландрия", в отличие от французской Фландрии, и граф, хотя номинально и подчинялся правлению короля и императора, приобрел благодаря своему промежуточному положению новый престиж. Как и герцоги Бургундии четыре столетия спустя, ему не хватало только титула суверена. "Короли, - по словам Вильгельма Пуатье, - боялись и уважали его; герцоги, маркизы, епископы трепетали перед ним". Когда умер король Франции Генрих I, Балдуин был единогласно избран регентом до совершеннолетия юного Филиппа. Последний называл его "своим покровителем, защитником своего детства"; сам он называл себя *"regni procurator et bajulus"*.

Регентство закончилось в 1065 году, в то время, когда Вильгельм Нормандский, женившийся на одной из дочерей Болдуина, готовился вторгнуться в Англию. Простая угроза диверсии на Сомме предотвратила бы эту экспедицию, последствия которой впоследствии оказались столь опасными для Франции. Но Болдуин действовал как бельгиец, а не как французский принц. Его политике соответствовало создание соперника своему сюзерену. Он не только не препятствовал Вильгельму, но и позволил ряду своих подданных принять активное участие в предприятии.

БРЮГГЕ КАК СТОЛИЦА

Брак старшего сына Болдуина с Ричильдой Эно и его второго сына Роберта с Гертрудой Голландской предполагал возможность скорейшего объединения Бельгии под властью графов Фландрии. По словам Жильберта из Брюгге, двое сыновей Болдуина были "подобны мощным крыльям, поддерживающим его в полете".

Однако воссоединению Эно и Фландрии было суждено продлиться недолго. Балдуин VI умер в 1070 году, оставив свою вдову Ричильду с двумя маленькими детьми; Роберт, ее шурин, восстал против нее. После своей победы при Мон-Касселе, где он разбил французскую армию, посланную королем на помощь Ричильде, он оставил Эно своему племяннику и завладел Фландрией.

До этого графы большую часть времени проживали в южной части своих владений, где у них были самые богатые владения. Роберт Фризский основал свою столицу в Брюгге, торговля которого начинала быстро развиваться и который установил отношения с Англией и странами Балтии. Тот факт, что первые владения Роберта находились в Голландии, возможно, повлиял на его выбор, но, тем не менее, это изменение знаменует важный этап в эволюции Фландрии из чисто сельскохозяйственной страны в промышленную и торговую. Одно время казалось, что между Англией и Фландрией вот-вот разразится война, поскольку Завоеватель из-за своего брака имел некоторые притязания на эту страну. Роберт, выдавший свою дочь замуж за датского короля Канута, заключил с ним союз и даже планировал совместное нападение на английское побережье, которое, однако, так и не осуществилось. Он оказался непримиримым врагом германских императоров и вступил в тесные отношения с папой римским. Его паломничество в Иерусалим в 1083 году повысило его престиж, и император Алексей, который с большой помпой принял его в Константинополе, попросил его поддержки против турок. Письмо, которое император адресовал ему в то время как "самому стойкому стороннику

христианства" и которое получило широкое распространение, оказало значительное влияние на подготовку первого крестового похода, в котором его сын Роберт II (1093-1111) принял видное участие под командованием Готфрида Бульонского.

Богатый и могущественный граф Фландрии не остался в Святой Земле, как разорившийся герцог Лотарингии. Его домашние интересы были слишком важны. Он отказался от датской политики своего отца и вступил в союз с королем Франции против английских королей, могущество которых быстро росло. Союз с Францией сослужил ему хорошую службу, когда под предлогом борьбы за инвеституры и своих отношений с папой он возобновил притязания своего предка на владения императора. Более успешный, чем Балдуин IV, он сумел отделить епископство Аррас от Камбре и, несмотря на упорное сопротивление Генриха IV и Генриха V, получить сюзеренитет над Камбре.

ПОЛИТИКА ФЛАНДРИИ

С другой стороны, поощряя и защищая первых капетингов, Роберт Иерусалимский и его сын Балдуин VII совершили очень серьезную политическую ошибку. Слишком озабоченные неминуемой опасностью со стороны Англии, они не понимали, что в силу своего географического положения эта страна никогда не могла угрожать независимости Фландрии таким же образом, как Франция, которая, кроме того, имела право вмешиваться в ее внутренние дела. Однако характерно для политики графа то, что несколько раз, в 1103 и 1109 годах, они подписывали отдельные соглашения с Генрихом I, в которых обещали ему использовать все свое влияние в его пользу в случае, если французский король задумает экспедицию против Англии, и, если их усилия потерпят неудачу, не оказывать своему сюзерену большей помощи, чем они были строго обязаны. Даже в то время, когда союз с Францией был наиболее сердечным, дверь для возможных переговоров с Англией никогда не закрывалась. Называть такую политику явным двуличием означало бы неправильно понимать дух того периода и особое положение, в котором находились бельгийские принцы, будь то Лотарингия или Фландрия. Их дипломатия была необходимым результатом центрального положения, занимаемого их владениями. Если они не попытаются сохранить определенный баланс сил между своими соседями, им грозила прямая опасность потерять свою независимость. Периоды колебаний совпадали с разделением угроз. Как только опасность становилась очевидной с одной стороны, бельгийские принцы неизменно поворачивались к другой. Те же причины, которые связали потомков Регнера Длинная Шея с Францией, вскоре привели к более тесному сотрудничеству между графами и коммунами Фландрии и английским королем.

ГЛАВА VI

КОЛОКОЛЬНИ

Несколько раз в течение XI века казалось, что конституция бельгийского единства находится в пределах видимости. Шельда больше не делила страну на две отдельные политические единицы. Могущественные графы Фландрии все еще были практически независимы от своего французского сюзерена, в то время как борьба за инвеституры подорвала власть императоров в регионе Маас, где местная знать снова проявляла свое превосходство. Обе части страны все

больше и больше соприкасались благодаря военным союзам и династическим бракам. Несмотря на эти тенденции, еще должно было пройти три столетия, прежде чем различные графства и герцогства объединились под одной крышей и было положено начало тому, что можно считать бельгийской нацией в современном смысле этого слова. В то время как во Франции и Англии центральная власть добивалась больших успехов в борьбе с сепаратистскими тенденциями феодальных баронов, в Бельгии работа по политической централизации была отложена из-за значительного влияния, оказываемого на социальные условия городами, или коммунами.

суконный цех и колокольня ипра (разрушены в 1914 году).
(Тринадцатый век.)

[Увеличить изображение](#)

Степень доктора философии

ПЕРВЫЕ КОММУНЫ

Развитие городских институтов в двенадцатом веке не было характерным для Бельгии. Почти в каждой европейской стране развитие торговли и промышленности имело одинаковый результат, но точно так же, как феодализм был более феодальным в регионе Мааса и Шельды, чем в любой другой части Северной Европы, коммунализм стал более общинным. Те же причины, которые благоприятствовали сепаратизму с точки зрения феодалов, позволили духу гильдий заявить о себе более энергично, чем в соседних странах. Сама удаленность от любого сильного централизирующего влияния, языковые и расовые различия благоприятствовали новому режиму, в то время как ресурсы страны и ее географическое положение на карте Европы способствовали необычайному расцвету ее торговли и промышленности. Коммуны Бельгии нашли хорошо подготовленную почву. В политическом плане они встретили минимальное сопротивление; в экономическом они получили максимум преимуществ.

графский замок, Гент.

(Двенадцатый век).

[Увеличить изображение](#)

Степень доктора философии

Следует помнить, что до XII века только мирской и церковной аристократии было позволено играть определенную роль в бельгийской и, если уж на то пошло, в европейской истории. Феодалная система превратила древних свободных крестьян в рабов; большинство из них были привязаны к земле и, конечно, лишены всех политических прав. Основание крупных городов с населением от 50 000 до 80 000 человек, граждане которых обладали собственным ополчением, собственными судами и собственными привилегиями, было не чем иным, как социальной революцией. Купцы и ремесленники сильно ощущали свое влияние в государстве; у них были деньги и военная мощь, и обедневшая знать становилась все более и более зависимой от них. Дух сепаратизма и местного индивидуализма, таким образом, перешел из замка в город, и только когда было восстановлено некоторое равновесие между различными классами общества и когда изменившиеся экономические условия потребовали более тесного сотрудничества всей нации, объединение стало возможным в первые дни пятнадцатого века.

История образования первых коммун хорошо известна. Она одинакова во всех частях Западной Европы, хотя основные характеристики нигде не проявляются так ярко, как в Бельгии. Первый импульс дала торговля. Она была практически уничтожена вторжениями норманнов и войнами девятого века. Используя естественные водные пути страны и морские пути, она медленно возрождалась, и благодаря находкам фламандских монет в Дании, Пруссии и России мы знаем, что бельгийское побережье уже в конце десятого века находилось в постоянном сообщении с Северной Европой. Нормандское завоевание было главной причиной быстрого развития торговли в одиннадцатом веке. Многие фламандцы сопровождали Вильгельма в его экспедиции, еще больше последовали за ним в качестве колонистов, и между Темзой и Шельдой установилось постоянное сообщение. Развитие торговли Брюгге было естественным следствием возрастающего значения Лондона. Распевая *Kyrie Eleison*, фламандские моряки поднимались вверх по Темзе, привозя в Англию вино из Франции и Германии, специи с Востока и ткани из Фландрии.

ТОРГОВЦЫ

Тем временем в Южной Фландрии были организованы большие ярмарки в Лилле, Ипре и Дуэ, где французские и итальянские купцы встречались с фламандскими торговцами; таким образом, Фландрия поддерживала тесный контакт с романизированными странами континентальными путями, в то время как море приводило ее в соприкосновение с германским миром. На главных реках строились пристани и склады, где купцы устраивали свои зимние квартиры, обычно поблизости и под защитой какого-нибудь монастыря или феодального замка. Хотя торговые поселения в большей степени, чем последние, зависели от географических особенностей страны, большинство наиболее удачно расположенных мест, на пересечении двух главных дорог (Маэстрихт), при слиянии судоходных рек (Льеж, Гент), в самой высокой судоходной точке реки (Камбре) и т.д., привлекали монахов и баронов раньше, чем купцов. Однако новые поселения сильно отличались от старых, и их население жило при совершенно ином режиме. Характерно название, данное им в то время: их называли либо "носильщиками",

либо "эмпориями" (складами); даже после того, как промышленное население присоединилось к торговцам, жители долгое время оставались "торговцами".

Знать — особенно светская — защищала торговцев. В то время, когда земельная собственность значительно упала в цене, она была источником дохода. Они платили дорожную пошлину на реках, на дорогах, на ярмарках. Они поставляли все предметы роскоши, шелка, специи, меха, драгоценности и т.д.; Их корабли могли быть снаряжены для войны. Это было достаточным основанием для князей предоставить бродячим торговцам определенную свободу и привилегированное положение в государстве и даже бороться с любым дворянином, который преследовал их и отнимал у них товары. В начале XII века торговля двигалась не только с юга на север по многочисленным судоходным рекам Бельгии; она также шла с востока на запад по новой дороге, соединяющей Брюгге с Кельном, через Маэстрихт, Сен-Тронд, Лео, Лувен, Брюссель, Аlost и Гент, причем все эти места занимали то или иное выгодное географическое положение. Начало процветания Антверпена относится к этому периоду, поскольку определенная часть товаров доставлялась сюда по Шельде из Гента. Дорога Брюгге-Кельн в конечном итоге разрушила торговлю последнего места, к большой выгоде сельскохозяйственного Брабанта, который, таким образом, был вовлечен в экономическое движение, которое тогда революционизировало социальные условия на Маасе и Шельде.

РЕМЕСЛЕННИКИ

Если бы это движение продолжало носить чисто коммерческий характер, социальные условия не претерпели бы столь быстрых изменений, поскольку число поселенцев оставалось бы относительно небольшим. Но уже в XI веке "носильщики" и "торговые центры" оказались центром притяжения не только недовольных крепостных и потенциальных торговцев, но и квалифицированных ремесленников, в основном суконщиков во Фландрии и металлостов на Маасе. С первых дней менапии жители Северной Бельгии славились обработкой шерсти своих овец. При Карле Великом это уже стало их основной отраслью промышленности. В одиннадцатом веке, с завоеванием новых "польдеров" на море и расширением площади богатых низинных лугов, количество шерсти значительно возросло, и, поскольку стало доступно больше сырья, соответственно развилась суконная промышленность. От строительства защитной дамбы до ткача, склонившегося над своим ткацким станком, и до корабля, перевозящего ценную фламандскую ткань из Брюгге в Лондон или любую другую часть европейского побережья, существует естественная цепочка мыслей. Но прогресс, достигнутый на побережье, также может быть связан с основанием и развитием первых городов и звоном колоколен.

На холмах юга промышленность, скорее всего, определялась наличием медных и оловянных рудников. Последние, однако, быстро истощались, и уже в десятом веке ремесленники Мааса были вынуждены привозить свое сырье из Германии, особенно из рудников Геслара. Промышленность, однако, оставалась в Динане и Хае, и медники и торговцы встречались в этих местах, как суконщики и торговцы встречались во фламандских городах. Таким образом, в раннем Средневековье контраст между сельскохозяйственной и промышленной Бельгией был уже очевиден.

Миграцию ремесленников в торговые центры в XI веке понять так же легко, как и то притяжение, которое торговля оказывает на промышленность в наши дни. Но в Средние века союз должен был стать еще теснее из-за сопротивления, оказываемого старым режимом социальным

преобразованиям, и из-за необходимости, которую ощущали "гильдии" (либо купцов, либо ремесленников) объединиться против общего врага.

Хотя в некоторых случаях новые города получали свои привилегии от князей, которые скорее поощряли, чем противодействовали их развитию, горожанам часто приходилось сражаться, чтобы получить свою свободу. Типичным примером является Камбре. Поселение торговцев и ремесленников было основано недалеко от стен епископского замка в начале одиннадцатого века. В 1070 году он был обнесен стенами и стал "бургом" (местечком). "Бург" был передан под юрисдикцию должностных лиц епископа, которые управляли им, не делая никаких поправок на новые условия, законы, применяемые к крестьянам и крепостным, энергично применялись к торговцам и ремесленникам. Собрания проходили в "Галле" (Зале гильдий), и члены гильдий поклялись сбросить с себя иго епископа, как только представится возможность. Когда в 1077 году епископ Жерар покинул Камбре, чтобы получить инвеституру от Генриха IV, горожане разбили солдат, захватили ворота и провозгласили Коммуну. Это не было восстанием бедных против богатых, поскольку лидерами были богатейшие купцы в городе, и это не было восстанием гвельфов против гибеллинов, хотя епископ во многом потерял свой престиж из-за своей лояльности императору. По сути, это была борьба новой "буржуазии" против феодализма, торгово-промышленной культуры против чисто аграрной цивилизации. Восстание вскоре было подавлено, но несколько лет спустя епископ Вальхер был вынужден предоставить горожанам хартии, в которых им отказал епископ Жерар, и даже когда в 1107 году император Генрих V разорвал хартию Камбре, город сохранил своих шерифов и магистратов. Горожане продолжали борьбу в течение двух столетий, пока им не удалось отнять у епископов все остатки светской власти и получить полный контроль над городом.

ДВОРЯНЕ И КОММУНЫ

Камбре был, наряду с Гюи, одной из первых коммун в Бельгии, и восстание оказало большое влияние на Север Франции. Это крайний пример сопротивления феодалов подъему буржуазии. Вообще говоря, это сопротивление было сильнее среди церковников, чем среди светской знати, и в небольших феодах, где князь находился в прямой оппозиции к народу, чем в более крупных, где коммуны часто поддерживали его против его вассалов или даже против его сюзерена.

Например, в то время как имперские епископы выступали против этого движения, графы Фландрии поощряли его. В течение одиннадцатого века торговцы уже пользовались покровительством графов, а в начале двенадцатого века возведение стены, окружающей "привратников", сопровождалось предоставлением особых привилегий. Когда Карл Добрый был убит в 1127 году, народ восстал, чтобы отомстить за его смерть, и осадил его убийц в замке Брюгге. Граф не оставил наследника, и король Франции Людовик VI поддержал притязания Вильгельма Нормандского, но горожане, опасаясь, что герцог не сохранит их привилегии, выступили против его кандидатуры и выбрали Тьерри Эльзасского. Последовала война, в ходе которой большинство дворян встало на сторону первого, в то время как города и свободные крестьяне приняли сторону второго. После своей победы Тьерри выразил свою благодарность, распространив одинаковую свободу на все города страны, будь то валлонские или фламандские. Как ни странно, была выбрана хартия не Брюгге, а Арраса. Города пользовались своего рода самоуправлением. Граждан судили их собственные шерифы ("эшевины"), принца в их совете представлял "байли". У них была своя печать, свой зал заседаний и архивы. Они были

присягнуты на верность своему князю и в случае войны должны были оказать ему военную помощь. Об их правах свидетельствовала виселица, установленная у городских ворот, и колокольня, колокол которой призывал горожан к оружию, когда городу угрожал враг.

суконный зал и колокольня, Брюгге.
(Тринадцатый-четырнадцатый века).

[Увеличить изображение](#)

Степень доктора философии

В Брабанте коммуны также пользовались покровительством герцога, но они развились позже из-за сельскохозяйственного характера региона. Значение Лувена и Брюсселя восходит к двенадцатому веку, когда дорога Кельн-Брюгге принесла в страну коммерческую активность и когда в герцогстве начала распространяться ткацкая промышленность. Что касается Льежа, который был чисто церковным городом, где долгое время число священников и монахов превышало число обычных граждан, то он пользовался меньшей долей местных свобод, чем другие центры долины Мааса, где промышленность была более развита, и горожанам так и не удалось полностью освободиться от власти епископа.

КРЕСТЬЯНЕ

Если имперские епископы выступали против нового движения, то главным образом благодаря влиянию монахов, и особенно монахов-цистерцианцев, оно распространилось на сельскохозяйственные районы и что возникновение коммун совпало с отменой крепостного права. Прямым следствием развития торговли и промышленности стало обесценивание земли, и возникла необходимость открыть новые районы для сельского хозяйства. Цистерцианцы были пионерами в этом направлении. Они построили свои дома на бесплодных пустошах и болотистых местностях и применили свое мастерство и терпение, чтобы превратить их в плодородные поля. Не имея возможности выполнять эту работу без посторонней помощи, они обратились к братьям-мирянам, которые основали фермы по соседству с монастырями. Эти крестьяне были уже не крепостными, а свободными крестьянами, какими были их предки после франкского вторжения. Под наблюдением монахов и управляющих герцогов и графов, которые вскоре осознали преимущества цистерцианского метода, они создали новые "польдеры" вдоль фламандского побережья, расчистили леса Эно и Намюра, а также восстановили вересковые пустоши и болота Фландрии и Брабанта. Отвоеванная земля была разделена между рабочими, так что в начале XIII века новый класс свободных крестьян пришел на смену старому классу феодальных крепостных. Сельскохозяйственная продукция больше не предназначалась только для местного потребления; ее доставляли на рыночную площадь, где фермеры встречались с торговцами и ремесленниками. Социальные преобразования, начавшиеся в ратушах, распространились оттуда на сельскую местность, и вся страна начала разделять одни и те же экономические и политические интересы.

Колокольня остается живым символом этой быстрой и повсеместной трансформации, и те немногие средневековые колокольни, которые сохранились в Бельгии, относятся к тому периоду. Башни Гента и Турне, построенные в конце двенадцатого века, стоят особняком, в центре города, в то время как в Ипре и Брюгге (тринадцатый век) башня была возведена над центром "холлов". Однако в обоих случаях значение этих древних памятников одно и то же. Они гораздо более типичны для бельгийской средневековой цивилизации, чем готические церкви тринадцатого и четырнадцатого веков, такие как Санкт-Бавон (Гент), Ste. Гудуле (Брюссель) и Нотр-Дам (Брюгге), и даже больше, чем великие соборы, построенные позже в Антверпене и Малине. Церковная архитектура Бельгии, хотя и отличается от французской, находится под сильным влиянием французского готического стиля, в то время как ее гражданские памятники можно сравнить только с общественными палаццо Флоренции и Сиены. Они являются живыми свидетелями героических времен, когда принцы стремились к союзу гильдий и когда простые ремесленники без колебаний бросали вызов власти французских королей. Дух, поднявший их, наложил свой отпечаток на людей, которые до сих пор в исключительной степени дорожат своими местными институтами и для которых общинные привилегии составляют саму основу социальной свободы. Эта "любовь к башенным часам" присуща не только бельгийцам, итальянцам или англичанам; по сути, это европейская черта, противоположная азиатскому империализму, и ее можно найти даже в республиканском Риме и Древней Греции.

ГРАЖДАНСТВО ГОРОДА

Небезынтересно отметить, что эта европейская концепция городского гражданства совпала с исключительным художественным и экономическим развитием, сильно подверженным как латинскому, так и германскому влияниям. В то время как в XIII и XIV веках Гент стал центром фламандско-немецкой торговли, благодаря своему привилегированному положению на Кельнской дороге, Брюгге был самым космополитичным центром в Европе. Он сообщался с

морем каналом, огромные дамбы которого упоминаются Данте (Ад, XV, 4, 6), и его рыночная площадь, пустынная сегодня, была тогда переполнена торговцами из Англии, Франции, Испании и Германии и брокерами из Ломбардии и Тосканы. В городе, где располагались главные склады ганзейских городов, были представлены семнадцать государств. Корабли, груженные припасами со всех концов света, везли с собой фламандские ткани, которые славились своей гибкостью и красотой цвета, и которые экспортировались не только во все части Европы, но даже на восточные базары. Когда местного сырья стало не хватать, шерсть стали импортировать из Англии, и Лондонская Ганза централизовала торговлю между двумя странами. Таким образом, Англия и Фландрия сблизились, и их торговые отношения отразились на политике обеих стран.

В тени колокольни Брюгге, среди английских, французских, немецких и итальянских торговцев родилась новая цивилизация, которая, сочетая латинское и германское влияния, которым она подвергалась, вскоре должна была заявить о своей собственной оригинальности. Бельгия определенно разрушила барьеры феодализма. Те же причины, которые освободили ее народ, привели его к контакту с внешним миром.

ГЛАВА VII

ЗОЛОТЫЕ ШПОРЫ

В политической истории последних веков средневековья всецело доминирует развитие коммун. Их влияние носит двоякий характер. С одной стороны, они предотвратили поглощение страны французскими королями; с другой, они задержали ее объединение под властью национальных князей. Защищая местные свободы, они сдерживали иностранные амбиции, но своими усилиями сохранить свои привилегии и мелким соперничеством они долгое время препятствовали созданию центральных институтов. В течение двенадцатого и тринадцатого веков они поощряли торговлю и промышленность, предоставляя должную защиту горожанам и заставляя князей проводить политику в соответствии с интересами страны. В четырнадцатом веке они были ослаблены внутренней борьбой между классами и городами и из-за своих торговых ограничений стали препятствием для свободного развития экономической жизни нации.

ВЛИЯНИЕ ФЛАНДРИИ

Кардинальным событием того периода является битва при Куртре (1302), также называемая битвой Золотых Шпор, из-за большого количества этих шпор, собранных на поле боя после поражения французских рыцарей фламандским ополчением. В то время это приветствовалось как чудесный триумф простолюдинов, поскольку восторженные современные хронисты несколько преувеличивали диспропорцию между противоборствующими силами. Но его влияние было не только социальным, оно было национальным, поскольку оно определенно обеспечило независимость Фландрии и других бельгийских княжеств от растущей власти французских королей, и это сделало возможным объединение страны, которое было завершено столетием позже при герцогах Бургундских.

герб города дам (1376).

[Увеличить изображение](#)

печать ги де Дампьера, графа Фландрии (1278-1305).

[Увеличить изображение](#)

В начале XII века старое различие между Лотарингией и Фландрией практически прекратило свое существование. Престиж императора, сильно подорванный борьбой за Инвеституры, уже не был достаточно силен, чтобы удерживать бельгийских принцев к востоку от Шельды в рамках их лояльности. Самый лояльный из них, граф Эно, не отступил от нейтралитета даже во время войны, которая велась между Фридрихом Барбароссой и французским королем. "Он не был обязан, - заявил он, - отдавать свое состояние в руки имперских войск и разрешать им проезд через свою территорию, поскольку это привело бы к опустошению его страны". Развитие торговли и промышленности переместило центр интересов из Германии, которая оставалась чисто феодальной и сельскохозяйственной, во Фландрию, которая представляла собой гораздо более развитую цивилизацию, основанную на свободном развитии городов. Когда принцы Брабанта, Эно и других главных городов искали примера или какой-то политической поддержки, им больше не нужно было искать ее за пределами страны. Даже Льеж постепенно был втянут в круг влияния Фландрии. Это лидерство, предоставленное одним бельгийским

княжеством другим через границу Шельды, знаменует прекращение раздела страны между Францией и Германией, провозглашенного Верденским мирным договором, и подготавливает работу по централизации, которая привела к созданию бельгийского гражданства.

Политика Фландрии определялась желанием сохранить мир с Англией и Францией, в то время как Германия играла лишь второстепенную роль в европейских делах. Хорошие отношения с Англией были необходимы для фламандской суконной промышленности, поскольку большая часть шерсти импортировалась из этой страны через Брюгге. По мере роста могущества французских королей фламандские графы также старались избегать любых конфликтов со своими сюзеренами, поскольку их северные союзники не могли оказать им достаточной военной помощи, чтобы предотвратить вторжение в страну. Графства и Коммуны тщетно пытались сохранить нейтралитет. Нейтралитет был невозможен, и всякий раз, когда он нарушался, Фландрия неизменно страдала от последствий либо в результате разорения своей торговли, либо в результате потери своих свобод.

БУВИНЕС

Эльзасский дом пришел к власти после смерти Карла Доброго. Его представителю, Тьерри, воспротивился французский король, который хотел передать графство герцогу Нормандии. Коммуны, опасаясь, что позиция герцога вызовет трудности в отношениях с Англией, поддержали притязания Тьерри, который одержал верх после смерти своего соперника. Его сын Филипп приобрел дополнительные территории во Франции (Амьену, Валуа и Вермандуа). Его влияние и престиж были настолько значительны, что французский король Филипп-Огюст, как предполагается, сказал: "Франция поглотит Фландрию или будет уничтожена ею". Политике своего сюзерена "поглощения" граф Фландрии противопоставил британский союз, который он, однако, разорвал в 1187 году, когда посчитал, что его союзник угрожает ему. Филипп Эльзасский погиб во время крестового похода, во время осады Святого Иоанна Акрского (1191). Филипп-Огюст сразу же попытался захватить его владения, но его попытка была сорвана графом Эно Балдуином V, который вторгся в страну и, получив признание коммун, преуспел в объединении обоих графств.

Балдуин V Эно и IX Фландрский сохраняли дружественный нейтралитет по отношению к Англии во время борьбы между Львиным куртом и Филиппом-Огюстом. Когда граф Фландрии, ставший императором Константинополя, умер под Адрианополем (1205), французский король надеялся, наконец, окончательно аннексировать это богатое графство. Он выдал дочь Балдуина замуж за одного из своих созданий, Феррана Португальского, который, таким образом, стал законным преемником. Однако, как только Ферран прибыл во Фландрию, он осознал, что может удержаться у власти, только проводя независимую политику, дружественную Англии. Хотя он был иностранцем, плохо знавшим страну, он придерживался того же отношения к Франции, что и его предшественники, заключив союз против своего сеньора с герцогом Брабантским, английским королем Иоанном и императором Оттоном. Конфедераты потерпели жестокое поражение при Бувине (1214), и почти на столетие гегемония Франции приобрела первостепенное значение в Нидерландах. Отныне короли не только правили в своих собственных владениях во Фландрии, но и смогли распространить свое влияние на всю страну вплоть до Льежа. Пожелания их представителей рассматривались как приказы, и полное поглощение Бельгии Францией казалось предрешенным результатом их неустанной деятельности.

Однако на этом пути стояли два препятствия — тот факт, что Фландрия черпала большую часть своего сырья из Англии, и независимая политика герцогов Брабанта.

Генрих III взял лондонскую ганзу под свое особое покровительство и пообещал фламандским торговцам, что к ним не будут притесняться, даже если между Англией и Францией начнется война, если только Фландрия не примет активного участия в конфликте. Фламандская торговля представляла собой крупный источник дохода для английских королей, и в то время она была все еще столь же важна для процветания Англии, как и для процветания Фландрии. Поскольку возросшая мощь французской короны сделала прямое противодействие невозможным, британские короли сделали все возможное, чтобы поддержать нейтралитет фламандии и вступить в тесную дружбу с единственными бельгийскими принцами, сохранившими свою полную независимость, герцогами Брабанта.

Последние принадлежали к последней национальной династии, правившей в стране, и поэтому пользовались особой популярностью. Битва при Верингене (1288), в которой герцогу Иоанну I удалось победить могущественного архиепископа Кельнского и его союзников, установила его господство между Маасом и Рейном и дала ему полный контроль над дорогой из Кельна в Гент через Лувен и Брюссель, что привело Брабант в соответствие с торговлей и промышленностью Фландрии. Таким образом, Брабант стал национальным оплотом против иностранного влияния и политической цитаделью Бельгии, с позиции, которую она никогда полностью не сдавала, даже несмотря на жестокие превратности XVII и XVIII веков.

БРАБАНТ

Если процветание Брабанта еще не сравнивалось с процветанием Фландрии, герцоги обладали большей властью над своими подданными и пользовались гораздо большей независимостью. Эдуард I, готовясь к войне против Франции, в полной мере оценил эти преимущества и выдал свою дочь Маргариту замуж за сына Иоанна I. Антверпен в значительной степени выиграл от англо-брабансонского союза, поскольку, когда английские короли запретили ввоз шерсти во Фландрию после некоторого конфликта с Францией, английские купцы нашли подходящий рынок сбыта в порту Шельды, расположенном в тесном сообщении с центрами суконной промышленности Брабанта - Лувеном, Брюсселем и Малином.

Города Фландрии, однако, не были готовы к тому, что их торговля будет разрушена в соответствии с планами французов. Экономические причины, которые запрещали враждебное отношение к Англии, дали бы достаточную почву для антифранцузской реакции. Кризис ускорили внутренние беспорядки. Торговцы и ремесленники коммун не сохранили единства. Богатые и влиятельные торговцы постепенно монополизировали государственные должности и сформировали сильную аристократию, которой противостояли ремесленники. Граф Ги де Дампьер заявил о своей поддержке ремесленников, король Франции Филипп Красивый, воспользовавшись возможностью вмешаться в дела Фландрии, заявил о своей поддержке аристократии. В то же время он выступал против предполагаемого брака дочери графа со старшим сыном короля Эдуарда. Народная партия, или "Clauwaerts" (коготь фламандского льва), не была достаточно организована, чтобы противостоять "Leliaerts" (партизанам лилии), которым помогали войска Филиппа, и в течение пяти лет земля оставалась под французской оккупацией, граф Ги был заключен в тюрьму во Франции. В июле 1302 года в Брюгге вспыхнуло

ужасное восстание, известное как "Утренние бруга" и возглавляемое ткачом Питером де Конинком, когда все французы в городе были убиты ранним утром. Филипп немедленно послал мощную армию для наказания мятежников, которая была разбита под стенами Куртраи фламандским ополчением, к которому поспешно присоединились некоторые дворяне, сторонники графа.

Последствия битвы при Золотых Шпорах были значительными. Она изменила ситуацию, созданную столетием ранее Бувинем. С социальной точки зрения это дало огромный импульс демократической свободе по всей Бельгии. В результате жители Льежа получили в 1316 году свои первые свободы, символом которых стало возведение "Перрона". "Веселое блюдо" Брабанта было опубликовано в 1354 году и стало действующей конституцией центрального княжества. Хартии были расширены и утверждены даже в наименее промышленных районах Эно и Намюра, Люксембург оставался практически единственным чисто феодальным государством в стране. Герцог Иоанн Люксембургский, ставший королем Богемии и сражавшийся при Креси, считался в то время одним из последних представителей средневекового рыцарства. Предполагалось, что девиз принца Уэльского "Я служу" был позаимствован Черным принцем у этого благородного врага.

ФЛАНДРИЯ И АНГЛИЯ

С национальной точки зрения битва при Куртраи не менее важна. Если бы фламандцы снова потерпели неудачу в своем смелом стремлении к свободе, принцип бельгийского гражданства мог быть безвозвратно поставлен под угрозу накануне периода, когда ему предстояло заявить о себе, и многовековые усилия по восстановлению политического единства могли оказаться бесполезными. Конечно, совершенно неправильно приписывать восстание 1302 года чисто патриотическим мотивам, как пытались сделать некоторые романтически настроенные бельгийские историки; но можно с полным основанием полагать, что, по крайней мере, часть слепого и упрямого героизма, проявленного во время борьбы, могла быть вдохновлена неясным инстинктом, что Фландрия в данный момент вела битву за Бельгию, то есть за все земли, лежащие между Францией и Германией, и которые, в случае постоянной аннексии той или иной из держав, неизбежно нарушат равновесие в Европе и разрушат все надежды на европейский мир, основанный на национальной свободе. .

Однако Фландрия не воспользовалась всеми преимуществами своей победы в полной мере. Мир, заключенный в 1319 году, после дальнейших военных действий, отнял у графства весь валлонский округ, значительно сократив площадь выпаса скота и сделав промышленность Фламандии более зависимой, чем когда-либо, от Англии в плане сырья. С начала четырнадцатого века графы, которые до тех пор были на стороне народа, перешли на сторону Франции, так что, когда разразилась Столетняя война, Фландрия снова оказалась перед жестокой альтернативой: нарушить присягу и подвергнуться бедствиям вооруженного вторжения с Юга или сохранить ее и увидеть, как ее промышленность будет разрушена из-за прекращения торговли с Англией.

Еще в 1336 году граф Луи де Невер приказал арестовать английских купцов, и Эдуард III в качестве ответной меры прервал все сношения между двумя странами. Эта мера была тем более катастрофической для Фландрии, что благодаря иммиграции некоторых фламандских ткачей и валяльщиков в Англию по ту сторону Ла-Манша была налажена английская суконная промышленность. Таким образом, англичане были гораздо менее зависимы от фламандцев, чем

фламандцы от англичан, и следовало опасаться, что новая промышленность значительно выиграет от монополии, созданной прекращением торговли. Процветание Брюгге оказалось под дальнейшей угрозой, поскольку сухой закон не распространялся на Брабант, а Антверпен оставался открытым для британской торговли.

ВАН АРТЕВЕЛЬДЕ

В 1338 году народ восстал против своего графа, и Жак Ван Артевельде из Гента стал признанным лидером движения. Эти восстания отличались от "Утренних бруга" тем, что в них принимала участие как аристократия, так и ремесленники. Ван Артевельде не был рабочим, как Де Конинк. Он был богатым землевладельцем и имел большие интересы в торговле тканями. Его целью было не только сохранить независимость страны, но и обеспечить ее процветание. Обратившись к делегатам Эдуарда III, он сначала пытался сохранять чисто нейтральную позицию, но, когда английский король высадился в Антверпене с запасами шерсти, он был вынужден встать на сторону Англии. Однако "Мудрец из Гента" предположил, что для того, чтобы освободить коммуны от присяги на верность Филиппу Валуа, сменившему Капетингов, Эдуарду следует объявить себя истинным королем Франции. Борьба, последовавшая за уничтожением французского флота при Слуйсе (1340), была затяжной, при осаде Турне никакого решения принято не было. Эдуард был отозван в Англию из-за беспокойства его собственных подданных, в то время как фламандские ремесленники не желали до бесконечности удерживать поле боя против французских армий. Уход английских войск вызвал большую горечь среди народа, который обвинил Ван Артевельде в предательстве, и в ходе беспорядков некогда популярный трибун был убит толпой (1345). Фруассар, его враг, платит ему щедрую дань уважения: "Бедняк возвысил его, нечестивый убил".

Его сын Филипп, крестник королевы Филиппы, тщетно пытался добиться успеха там, где потерпел неудачу его отец. Возглавив восстание против профранцузски настроенного графа Луи де Маля, он потерпел поражение от французов в 1382 году и погиб на поле боя.

Вся эта борьба значительно ослабила Фландрию. Преследуя немецких купцов из Брюгге (1380), Луи де Маль привел к упадку этого порта в пользу Антверпена, куда англичане вскоре должны были перенести шерстяной рынок. Политические преследования вынудили великое множество ремесленников перебраться в Англию, что принесло огромную пользу английской промышленности. Сотни домов в Брюгге оставались пустыми, Ипр был наполовину разрушен, а Гент потерял значительную часть своего населения. Гражданская война истощила ресурсы страны в последние годы четырнадцатого века. В сельской местности дамбы были заброшены, огромные участки "польдеров" снова были затоплены морем, а в лесах кишели волки и медведи. Восстановление Фландрии к ее прежнему процветанию произошло не ранее середины XV века в результате мудрого правления герцогов Бургундских.

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР ТУРНЕ

Литература, пожалуй, в наши дни является наиболее характерным выражением цивилизации, точно так же, как живопись была самым ярким способом выражения в эпоху Возрождения, а архитектура - в средние века. Мы видели, что в Нидерландах гражданские памятники представляют собой типичную черту средневековой архитектуры, но, хотя важно настаивать на условиях, которые благоприятствовали и вдохновляли строительство колоколен и суконных мастерских, тем не менее, следует признать важную роль, которую играли церкви в Нидерландах, как и во Франции и Англии. Это правда, что, учитывая интенсивную религиозную жизнь Нидерландов с десятого по пятнадцатый века, количество хорошо сохранившихся старых церквей, которые все еще существуют, довольно разочаровывает, но это впечатление было бы значительно изменено, если бы было возможно возродить здания, ставшие жертвами разрушения или, что еще хуже, массовой реставрации.

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

На протяжении всего средневековья Бельгия была чрезвычайно активным центром религиозного учения и мистицизма, и, пожалуй, нигде больше в Европе христианская вера не проникала так глубоко среди простых людей. Совершенно независимо от интеллектуальных и аристократических движений, которым в десятом и одиннадцатом веках покровительствовали имперские епископы Льежа и их знаменитые школы, от более глубокого влияния, оказанного в других частях Ключиз монахами (одиннадцатый век) и цистерцианцами и премонтрессами (двенадцатый век), энтузиазм, вызванный крестовыми походами, является достаточным доказательством религиозного рвения страны. Преобладающую роль играли не только дворяне, такие как Годфруа Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, возглавлявший первый крестовый поход, и графы Фландрии Роберт II, Тьерри Эльзасский, Филипп Эльзасский и Балдуин IX, принимавшие большое участие в том же самом и последующих походах, но и низшие классы, завербовавшиеся с тем же энтузиазмом и собравшиеся вокруг креста, воздвигнутого Петром Отшельником и его последователями. Сообщается, что во время второго крестового похода некоторые населенные пункты потеряли более половины своего мужского населения.

Позже, с развитием коммун, буржуа и горожане попытались назначить своих собственных священников и капелланов, были основаны гражданские больницы, а в XIII веке нищенствующие ордена пользовались огромной популярностью благодаря фамильярности, с которой они общались с народом. Они следовали за армиями на поле боя, и именно среди них горожане находили своих любимых проповедников в мирное время.

Огромное скопление купцов и ремесленников в городах способствовало распространению ереси, и на какое-то время манихеи под предводительством Танхельма обратили в свою веру многих антверпенских ткачей; но Церковь в то время была достаточно сильна, чтобы не прибегать поспешно к насильственным репрессиям. С еретическими проповедниками боролись на их собственной территории францисканцы, доминиканцы и другие священнослужители, которым удалось победить их благодаря своему личному престижу. Один из этих проповедников, почитаемый как святой, Ламбер ле Бег (Заика), оказал большое влияние на духовную жизнь Льежа и прилегающих районов. Основание типично бельгийского института

"бегинов", или "Нищих", можно, по крайней мере частично, отнести к его религиозной деятельности.

Это учреждение, распространившееся по всей стране в XIII веке, еще раз демонстрирует успех всех попыток Нидерландов привнести религиозное вдохновение в повседневную жизнь и установить тесный контакт со скромными и бедными. Это было особенно успешно среди женщин и поглотило великое множество избыточного женского населения. "Бегины" не давали вечных обетов и могли, если бы захотели, вернуться в мир. Они вели очень активный образ жизни, селились в маленьких домиках, образующих большую площадь, засаженную деревьями, вокруг часовни, где они проводили свои службы. Все время, не посвященное молитве, было отдано какой-нибудь ручной работе, обучению или посещению бедных. Из Нивеля движение распространилось на Гент, Брюгге, Лилль, Ипр, Ауденарде, Дамме, Куртре, Алост, Диксмуд и др. и даже на Север Франции и Западную Германию. Совершенным типом "Бегины" является Мари д'Уаньи, которая после нескольких месяцев супружеской жизни разошлась со своим мужем, провела много лет среди прокаженных и, наконец, поселилась с несколькими товарищами в маленьком монастыре Уаньи, недалеко от Намюра.

РОМАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Таков был дух, вдохновлявший строителей бельгийских церквей. Безусловно, самым типичным и, возможно, самым красивым является Собор Парижской Богоматери Турне с его романским нефом, построенным в одиннадцатом веке, раннеготическими хорами (тринадцатый век) и позднеготическим крыльцом (четырнадцатый век). Это прекрасно иллюстрирует преемственность стилей, использовавшихся в стране в Средние века, и ряд влияний, которым эти стили подвергались с Востока и Юга. Большинство романских церквей десятого и одиннадцатого веков были построены либо немецкими архитекторами, либо их бельгийскими учениками. Хотя лучшие образцы того периода сейчас находятся либо в Турне (кафедральный собор и Сен-Кантен), либо в Суаньи (Сент-Винсент), либо в Нивеле (улица Гертруды), центром школы был Льеж, где располагались Сен-Дени, Сен-Жак, Сен-Бартелеми и особенно Сент. На Крестах до сих пор сохранились некоторые следы этой ранней работы. Основными особенностями этих зданий в их первоначальном состоянии, помимо использования закругленной арки, являются круглые или восьмиугольные башенки с остроконечными крышами над фасадом, а иногда и над трансептом.

кафедральный собор, Турне.
(Двенадцатый-четырнадцатый века).

[Увеличить изображение](#)

Степень доктора философии

С ослаблением политического и интеллектуального влияния Германии готика была привнесена в страну французскими архитекторами. Таким образом, в последние годы XII века Турне стал местом встречи двух течений и, благодаря своему выгодному положению на Шельде и имеющимся в округе материалам, доминировал во всей религиозной архитектуре Фландрии. Переходный период длился более столетия и привел к появлению некоторых из самых характерных религиозных сооружений страны, в которых удачно сочетаются как закругленные, так и заостренные арки. К этому периоду относятся Сен-Жак и Сент-Луис. Мадлен Турнейская, святые Николай и Святой Жак Гентские и прелестная маленькая церковь Памеле, построенная Арнольдом из Бинша (недалеко от Турне) между 1238 и 1242 годами, где рядом с романскими башенками фасада можно найти короткую центральную восьмиугольную готическую башню. Хорошо известная церковь Святого Совера в Брюгге, построенная в 1137 году, относится к тому же периоду, но при ее возведении использовался кирпич, а не камень Турне. Та же особенность обнаруживается во многих готических церквях приморской Фландрии и Голландии, которые находились слишком далеко от каменоломен Эно.

Турне снова, на хорах своего собора, представляет собой хороший образец бельгийской ранней готики (XIII век), шедевром которой считался разрушенный ипрский собор Святого Мартина. Все следы круглой арки теперь исчезли, и колонны образованы массивными опорами.

По мере развития готического стиля в его вторичный период (конец тринадцатого - начало четырнадцатого века) окна увеличиваются в размерах, колонны становятся рифлеными, а узор окон становится все более и более сложным. Лучшими образцами этой особой готики, сохранившимися до сих пор, являются хор Святого Павла в Льеже и Собор Парижской Богоматери в Юи (начат в 1311 году).

бронзовая купель в церкви святого варфоломея, Льеж (1107-1118).

Крещение Христа.

Святой Петр крестит Корнилия.

[Просмотреть увеличенное изображение](#)

ГОТИЧЕСКИЕ СОБОРЫ

Однако наиболее важные и лучше всего сохранившиеся бельгийские церкви относятся к третьему периоду готики, когда колонны заменяются гроздьями, ажурный орнамент становится ярким, а шпили вздымаются все выше и выше над нефами. Брабант особенно богат церквями четырнадцатого и пятнадцатого веков. Обладая собственными каменоломнями, он был независим от Турне и может претендовать на оригинальный стиль, полностью свободный от Эно или французского влияния. В этой группе следует упомянуть Нотр-Дам де Халь; собор Святого Ромбо в Малине, начатый в 1350 году, башня с плоской крышей которого была закончена только в 1452 году; Ste. Гудуле в Брюсселе, старейший из них, некоторые части которого датируются тринадцатым веком, с ярким крыльцом и двумя башнями с плоской крышей, похожими на башни Святого Ромбо; и, наконец, великий кафедральный собор Антверпена, строительство которого началось в 1387 году, с одной из самых высоких башен в Европе и, безусловно, самой тонкой, различные истории которой отмечают трансформацию стиля, поскольку они заканчиваются чисто ренессансным шпилем.

коллегиальная церковь святой Гудулы, Брюссель.
(Тринадцатый-четырнадцатый века).

[Увеличить изображение](#)

Степень доктора философии

Большинство этих романских и готических церквей не имеют единства стиля из-за длительного периода их строительства. С чисто архитектурной точки зрения им, возможно, не хватает чистоты некоторых из их французских и немецких соперников, но тем более они интересны историку и позволяют ему близко познакомиться с трансформацией сознания и нравов от средневековья к Ренессансу.

Чтобы не дробить нашу тему, мы перешли от цивилизации Средневековья к раннему Возрождению. Давайте теперь вернемся к Собору Парижской Богоматери в Турне с его пятиконечными башнями и посмотрим, что мы можем узнать от него об интеллектуальном и литературном развитии того периода. Точно так же, как здание хора в начале XIII века демонстрирует явные следы французского влияния, использование французского языка среди высших классов и в литературе того периода становится все более и более преобладающим.

В первые века средневековья французское влияние во Фландрии было особенно заметно в монастырях. Почти в каждом монастыре валлонские и фламандские монахи жили бок о бок, и стало необходимым, чтобы их настоятели могли быть поняты обеими частями общины. Тьерри из Сен-Тронда был избран монахами монастыря Святого Петра в Генте "quoniam Theutonica et Gaulonica lingua expeditus". Существует множество примеров епископов, учителей и проповедников, способных изъясняться по-фламандски и по-французски. "Кантилена Св. "Евлалия", старейшее стихотворение, написанное на французском языке, было обнаружено в монастыре Святого Аманда вместе с одним из старейших немецких произведений -

"Людвигслед". Ключийское влияние также имело тенденцию к распространению французского языка в северных районах.

ДВУЯЗЫЧИЕ

Такую же двуязычность можно обнаружить и у знати, которые часто встречались во время своих военных экспедиций или мирных турниров. Частыми были смешанные браки между семьями, принадлежащими к обеим частям Лотарингии и Фландрии. Кроме того, большинство крупных владений лежало по ту сторону языковой границы. Знание французского вскоре стало необходимым условием хорошего образования, и детей фламандских лордов отправляли во французские аббатства, чтобы усовершенствовать свои знания языка. Можно предположить, что в конце XI века большинство аристократии говорило на двух языках. Это была одна из причин, обеспечивших бельгийской знати такое видное положение в крестовых походах. Современный писатель Отто Фризингенский объясняет, что Годфри Бульонский был поставлен во главе крестоносцев потому, что, "выросший на границе между романизированным и тевтонским народами, он одинаково хорошо знал оба языка".

Это проникновение французского языка не только во Фландрию, которая номинально была присоединена к королевству Франции, но и в Лотарингию и даже в Льеж, центр немецкого влияния, тем более примечательно, что оно не предполагало политической гегемонии, поскольку графы Фландрии в то время были практически независимы, а другие дворяне присоединены к империи. Он не был введен путем завоевания, как в Англии в XI веке, или путем иммиграции, как немцы в Богемию или в Прибалтику. Расовый состав северных провинций оставался относительно чистым, и принятие аристократией второго языка может быть объяснено только близкими отношениями, сложившимися между индейцами (фламандцами) и валлонами в силу политических условий, епархиальных границ и социальных связей.

Влияние французского языка еще больше возросло в XII веке, который является классической эпохой французской литературы в средние века, и в течение которого торговля стала намного более активной благодаря образованию коммун. На нем не только говорили почти все графы Фландрии и использовали его в своей частной переписке, но и он стал, в определенной степени, официальным языком, когда латынь была лишена своей монополии. Его употребление перестало ограничиваться аристократией и распространилось на буржуазию благодаря частым сношениям между фламандскими и французскими купцами на ярмарках Шампани. Все переводные векселя были выписаны на французском, и даже ломбардцы и флорентийские банкиры использовали его в своих операциях. В то время знание английского языка было так же необходимо, как знание английского языка сегодня может быть необходимо всем экспортерам. Еще в 1250 году это был единственный популярный язык, на котором писались государственные документы. Это правда, что в Северной Фландрии к нему примешано много германских терминов, но это практически не оказывает влияния на раннее развитие фламандского языка. Языковую ситуацию во Фландрии в XIII веке интересно сравнить с той, что существовала в то же время в Англии, где импортированный язык постепенно поглощался местным, точно так же, как норманны были поглощены саксами. Опять же, для мирного характера проникновения Франции типично то, что, когда в середине XIII века фламандская проза, получившая достаточное развитие, была принята для публичных выступлений, на этот обычай не было наложено никаких ограничений. Французский, однако, оставался языком, которым пользовались графы и их

офицеры. Документы того периода представляют собой необычайную смесь латинских, французских и фламандских текстов.

Брабант не пользовался столь сильным влиянием, отчасти потому, что герцоги принадлежали к старой местной династии, а отчасти потому, что герцогство позже вошло в поток торговых отношений. Французский язык использовался при дворе, и знание его считалось необходимым достижением для дворянина. Но герцоги использовали фламандский в своих отношениях со своими фламандскими подданными, и когда латынь постепенно исчезла, популярный язык занял свое место в публичных актах.

ПИСАТЕЛИ-ПИКАРДИЙЦЫ

Этот расцвет французского языка, должно быть, связан с великим процветанием Валлонской Фландрии и развитием в Аррасе, Дуэ, Лилле, Турне и Валансьене интенсивного литературного движения, включающего поэтов, хронистов и переводчиков, наделенных ярко выраженной оригинальностью. Еще в XIII веке эти писатели, усвоившие пикардийский диалект, провозгласили свою независимость от чисто французской литературы, так что в своих собственных владениях они играют ту же роль, что и мастера-строители Турне в их собственных владениях. Графы Фландрии и Эно, среди них Филипп Эльзасский, Балдуин V и Балдуин VI, покровительствовали местной литературе и даже привлекли к своему двору некоторых величайших французских поэтов того периода, таких как Кретьен де Труа и Готье д'Эпиналь. Герцоги Брабанта подражали этому примеру и покровительствовали Адене ле Руа, который считался самым выдающимся бельгийским трувером. У нас до сих пор сохранилось несколько песен, сочиненных герцогом Генрихом III. Ничто не может дать нам лучшего представления об интеллектуальной жизни некоторых представителей знати того времени, чем следующие строки, в которых Ламберт д'Ардр описывает разнообразную деятельность Балдуина II, графа Гвинейского (1169-1206). Этот князь "окружил себя приказчиками и мастерами, беспрестанно задавал им вопросы и внимательно их слушал. Но, поскольку он хотел бы знать все и не мог запомнить все наизусть, он приказал мастеру Ландри де Вабену перевести для него с латыни на романский "Песнь Песней Соломона" вместе с ее мистическим толкованием и часто заставлял читать ему ее вслух. Таким же образом он выучил Евангелия, сопровождаемые соответствующими проповедями, которые были переведены, как и "Жизнь аббата святого Антония", неким Альфредом. Он также получил от мастера Годфри большую часть "Лекарства", переведенного с латыни на романский язык. Всем известно, что почтенный отец Симон Болонский перевел для него с латыни на романский язык книгу Солина по естественной истории и, чтобы получить вознаграждение за свой труд, публично предложил ему эту книгу и прочитал ее вслух".

Переводы играют важнейшую роль в литературе того времени, и важно, что Бельгия с этой точки зрения, без сомнения, из-за своей языковой двойственности, выступила первопроходцем для Франции. Точно так же, как валлонские провинции первыми отказались от латыни в публичных актах и заменили ее французским, именно среди их авторов можно найти первых и наиболее известных переводчиков. Вкусы переводчиков и их покровителей были очень католическими; наука, теология, история и поэзия оказались одинаково привлекательными. Еще одной характерной чертой французской литературы в Бельгии является значение, придаваемое истории. Первым историческим трудом, написанным на французском языке, является перевод Николя де Санлиса *Хроники Тюрпена*, сделанный для Иоланды, сестры

Балдуина V из Эно. В 1225 году клерк составил для Роже, кастеляна Лилля, серию исторических рассказов, *Livre des Histoires*, взятых из самых разных источников, от сотворения мира до его собственного времени. Вскоре оригинальные произведения, посвященные местным и современным событиям, заменили переводы и компиляции. Таковы "*История Эно*", написанная для Болдуина Авенского, и рифмованная "*Хроника Турне*" Филиппа Муске.

РОМАНСЫ

Буржуазия вскоре заинтересовалась движением. Но горожанам не нравились ни поэзия придворных, ни эпосы, ни военные истории. Сатира и дидактические произведения были им гораздо больше по вкусу. Еще в первой половине двенадцатого века священник Нивардус собрал многочисленные истории о животных, которые рассказывали в его время и в которых лис Ренар, волк Изенгрейн, лев Нобл и многие другие герои-животные играют очень живую роль. Эти сказки, несмотря на их восточное или греческое происхождение, обрели новое значение среди горожан двенадцатого века, которые восхищались проделками Ренара, чья хитрость перехитрила силу знатных баронов и гордость их сюзерена. Переводы с Нивардуса послужили источником французских версий *Романа дю Ренара* и фламандской поэмы *Рейнерта*, написанной Виллемом в тринадцатом веке и превосходящей все другие вариации темы.

"*Рейнерт*" - первое заметное произведение средневековой фламандской литературы. Предшественник Виллема, Хендрик ван Вельдеке, был всего лишь переводчиком. Одно из его самых популярных стихотворений того времени, "*Энеида*", представляет собой фламандскую версию французского *романа д'Энея*. Однако количество и успех этих фламандских переводов французских рыцарских романов XIII века примечательны, особенно потому, что это было средством распространения этих историй в Германии, где они получили новую, а иногда и оригинальную трактовку. С самого своего зарождения фламандская литература выступала, таким образом, посредником между Францией и Германией. Вельдеке был дворянином, и его произведения ценились только в замках. Якоб ван Маерлант, которого в свое время называли "Отцом фламандских поэтов", был буржуазным писцом. Хотя поначалу ему пришлось написать несколько переводов французских романсов, он не мог не чувствовать, что этот вид литературы не соответствует ни стремлениям, ни темпераменту людей, среди которых он жил. Отвернувшись от этих легкомысленных историй, он искал в произведениях Винсента де Бове и Пьера Коместора более мудрое и серьезное вдохновение. Его честолобивое намерение состояло в том, чтобы сделать доступной для мирян научную, философскую и религиозную мысль своего времени, чтобы они могли получить те же шансы на приобретение знаний, что и образованные священнослужители. Именно этот дух пронизывает его основные и наиболее популярные работы "*О природе бляма*", "*Римбибель*" и "*Шпигель историаэль*", в которых автор имеет дело с естественными знаниями, священной и светской историей.

В своем раздражении против "прекрасных, фальшивых французских поэтов, которые рифмуют больше, чем им кажется", ван Маерлант заявил, что все французское фальшиво: "ват вельш - это вальш", но тщетно было бы искать какую-либо систематическую враждебность по отношению к Франции в энциклопедическом труде поэта. Напротив, несколько раз он воздает должное интеллектуальному великолепию Франции, особенно в лице Парижского университета, и не без удивления мы обнаруживаем вышедший из-под его пера накануне битвы при Золотых Шпорах панегирик французскому режиму.

ВАН МАЕРЛАНТ

Причина, по которой ван Маерлант нападал на французские рыцарские романы, заключалась не в том, что они были французскими, а в том, что они были Романами. Характерной чертой ранних фламандских писателей, помимо сатирической поэзии Виллема, является серьезность их мыслей и целей. Они твердо чувствуют свою ответственность за влияние на своих современников и редко отказываются от тона проповедника или учителя. Наиболее красноречивые стихи ван Маерланта можно найти в книге *"Ван ден Ланде ван Сюзерен"*, в которой он проповедует новый крестовый поход после падения святого Иоанна Акрского.

С самого начала бельгийская фламандская литература отличалась от французской, но имела много точек соприкосновения с интеллектуальным движением валлонских провинций. На этой ранней стадии не может быть и речи о разногласиях или соперничестве, поскольку французский в то время был всего лишь вторым языком аристократии Фландрии, и по мере развития фламандской письменности он естественным образом проникал в высшие классы. В истории мало примеров, когда цивилизация сочетала в себе с такой гармонией гений двух рас и двух языков.

ГЛАВА IX

ВЕЛИКИЕ ГЕРЦОГИ ЗАПАДА

В жизни наций и отдельных людей бывают определенные периоды, когда благодаря счастливому стечению обстоятельств все их лучшие способности работают в совершенной гармонии. Они дают нам полное и почти идеальное представление о человеке или стране. Именно к таким периодам расцвета мы обращаемся, когда хотим судить о великом реформаторе, великом писателе или великом художнике, и будет только справедливо, если мы обратимся к ним также, когда хотим оценить роль, сыгранную в истории цивилизации всеми нациями, оставившими свой след в мире.

нидерланды под властью герцогов Бургундских.

[Увеличить изображение](#)

Подобный период экономического, политического и художественного расцвета можно встретить в Бельгии, когда вся страна объединилась под властью герцогов Бургундских. Пятнадцатый век для Бельгии - то же самое, что елизаветинский период для Англии и семнадцатый век для Франции. Мало того, что территориальная важность объединенных провинций достигла своей кульминации и национальные князья играли заметную роль в европейской политике, но с точки зрения экономического процветания и интеллектуального расцвета Брюгге, Брюссель и Антверпен в то время соперничали с великими итальянскими республиками эпохи Возрождения.

УПАДОК КОММУН

Учитывая общие интересы, связывающие различные государства, и их удаленность от политических центров Франции и Германии, объединение страны под властью одной короны казалось предрешенным. Фактически, мы видели, что уже в начале XII века разделение страны между двумя великими державами стало чисто номинальным. Лотарингия прекратила свое существование из-за уменьшения влияния империи после борьбы за инвеституры, а графы Фландрии были настолько могущественны, что были практически независимы от своих французских сюзеренов. Они начали принимать важное участие в политической жизни к востоку от Шельды и, без сомнения, преуспели бы в объединении всей страны под своим влиянием, если бы не растущая мощь коммун и политическое восстановление Франции. Коммуны заменили политическое разделение, созданное феодализмом, экономическим. Усилия французских королей, хотя и не смогли сокрушить независимость фламандии, преуспели, тем не менее, в сдерживании могущества графов, в то время как другим государствам, таким как Брабант, было позволено более свободно развиваться за пределами Шельды.

В конце XIV века коммуны, оказавшиеся таким мощным средством освобождения торговли и промышленности от феодальных ограничений, в значительной степени перестали выполнять

свою роль в развитии нации. Вместо того чтобы использовать свои привилегии для развития экономических отношений, крупные города угнетали более мелкие, и сельская местность была полностью принесена в жертву. Внутренние раздоры, война с Францией и упадок суконной промышленности привели к состоянию экономической депрессии и социальных беспорядков, выйти из которого страна могла только при поддержке сильной и централизованной администрации. С другой стороны, французские короли на то время примирились с идеей независимой Фландрии и были слишком измотаны своей борьбой против Англии, чтобы предпринимать дальнейшие военные попытки в этом направлении. Так что, когда Филипп Смелый, герцог Бургундии, стал графом Фландрии в 1384 году, страна, измученная гражданской войной и независимая от иностранной гегемонии, была, наконец, готова отказаться от некоторых своих местных привилегий, чтобы обрести мир и процветание при мудром центральном управлении.

Филипп был братом Карла V, короля Франции, и наследовал Луи де Малю после женитьбы на дочери графа. Предполагалось, что он вернет Фландрию под французское влияние, но на самом деле проводил политику, отличную от французской. И снова, как в случае с Ги де Дампьером и Ферраном, французский король был обманут в своих планах, и интересы страны оказались сильнее личных отношений ее правителя. Одним из первых действий нового графа было захватить Артуа, восстановив таким образом двуязычную Фландрию прошлого века. Затем он продолжил расширять власть своего дома, добившись для своего второго сына Антуана наследования Брабанта в обмен на военную помощь, оказанную герцогине Жанне. Такой план противоречил планам императора, но его влияние не могло перевесить преимуществ, которых брабансонцы ожидали от Бургундского дома. Так случилось, что, когда в 1404 году умер Филипп Смелый, его старший сын Иоанн унаследовал Фландрию и Артуа, а Антуан приобрел Брабант и Лимбург. Владения последнего еще больше увеличились благодаря его браку с Элизабет Горлиц, наследницей Люксембурга.

Два брата поддерживали друг друга, и когда Антуан умер при Азенкуре (1415), Иоанн Бесстрашный получил в аренду Люксембург. Ранее он вмешивался в дела Льежа и получил титул протектора епископства. Только Эно, Голландия, Зеландия и Намюр оставались независимыми от Бургундского дома, когда Иоанн умер в 1419 году, убитый на мосту Монтеро. Как и его отец, его политика в гораздо большей степени руководствовалась интересами Нидерландов, чем интересами Франции. Большую часть своего правления он прожил в Генте.

филипп Добрый.

С портрета кисти Роджера Ван дер Вейдена (Мадрид).

[Увеличить изображение](#)

ФИЛИПП ДОБРЫЙ

Филипп Добрый, его сын, пожал все плоды усилий своего отца. Он завершил работу по объединению, распространив свой протекторат на Турне, Камбре и Утрехт и купив Намюр. Иоанн IV Брабантский, сын Антуана и Елизаветы, женился на Жаклин Баварской, графине Эно, Голландии и Зеландии. Когда он и его брат умерли, не оставив наследников, Брабант и Лимбург вернулись к старшей ветви Бургундского дома. Таким образом, лишив свою кузину Жаклин наследства, Филипп стал практически единоличным хозяином всех княжеств, основанных на бельгийской земле со времен средневековья.

Несомненно, герцогам Бургундским помогал в их работе по объединению ряд наиболее благоприятных обстоятельств. За удивительно короткое время произошло множество браков и смертей, которые в значительной степени способствовали их планам. Но было бы большой ошибкой приписывать их успех только судьбе. Их власть была настолько велика, что с помощью политического давления и предложений денег они могли бы, в любом случае, побудить менее привилегированных князей страны расстаться со своими владениями. И, что гораздо важнее, экономические и политические обстоятельства были таковы, что старая система местного деления устарела и возникла необходимость формирования центральной администрации, объединяющей ресурсы и направляющей общую политику всех частей страны. Бельгия стала нацией не в результате процесса объединения Бургундии. Именно потому, что Бельгия уже практически стала нацией благодаря постепенному взаимодействию различных княжеств, один принц, пользовавшийся в то время большим благоволением, чем его соседи, смог сосредоточить в своих руках власть всех бельгийских принцев.

Тем не менее, не без оснований Юстус Липсиус, бельгийский гуманист семнадцатого века, называет Филиппа Доброго "conditor Belgii", основателем Бельгии. Если этот принц извлек выгоду из усилий своих предшественников, если он пользовался огромными возможностями, он был достаточно мудр, чтобы в полной мере использовать их. Расширяя свои владения и даже подумывая, без сомнения, об основании великой Европейской империи, он продвигался шаг за шагом и не пускался в какие-либо безумные предприятия, которые могли бы поставить под угрозу будущее. Создавая централизованное государство, каким его представляли легисты эпохи Возрождения, государство, независимое от местных институтов и ведущее отдельную жизнь отдельно от народа и выше его, он старался, насколько это было возможно, уважать местные привилегии, накладывая современные институты на средневековые и сохраняя, если не полностью, то хотя бы формально, права каждой провинции и города.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ ЗАПАДА

"Великий герцог Запада", как его называли, "мог бы", по его собственным словам, "стать королем, если бы он только пожелал этого", то есть если бы он был готов засвидетельствовать почтение императору. После нескольких затяжных переговоров он предпочел остаться герцогом и сохранить свою полную независимость. Он был герцогом Бургундии, графом Фландрии, герцогом Брабанта, графом Эно, "Мамбургом" Льежским и т. Д.; Короче говоря, он был главой монархической конфедерации, в которой ему удалось создать несколько центральных институтов, общих для всех княжеств, частный совет, "Совет герцога", правительственный совет, "Большой совет" и "Генеральные штаты", в которых заседали делегаты различных провинциальных штатов и которые герцог созывал, когда считал это подходящим. Одобрение Генеральных штатов было необходимо всякий раз, когда требовалось взимать новые налоги или когда суверен намеревался объявить войну. Следуя примеру французских королей, герцогу почти всегда удавалось примирить Генеральные штаты, отдавая большинство мест представителям духовенства или знати. Последних ему удалось превратить в группу придворных, предоставив деньги, землю или хорошо оплачиваемые должности, а также основав в 1480 году привилегированный орден Золотого руна.

Внешняя политика Филиппа была сурово оценена его английскими современниками, чьи взгляды, без сомнения, отражены в первой части "*Генриха VI*" Шекспира, где мы видим, как Бургундия бросает его союзников по наущению Орлеанской девы. За его "предательством" последовали беспорядки в Лондоне, во время которых погибло несколько фламандских и валлонских торговцев. Однако, рассматриваемое с точки зрения того периода, когда дипломатия и политика не были вдохновлены особенно острым чувством справедливости и морали, решение герцога легко объяснить. Втянутый в союз с Англией традиционной политикой Фландрии, которая всегда искала поддержки в этой стране против Франции, и убийством своего отца, за которое он стремился отомстить, он никогда не упускал из виду возможную угрозу своей власти и независимости, которую когда-нибудь могла представлять подавляющая победа Англии. Английские амбиции в Нидерландах стали очевидны после экспедиции герцога Глостерского, брата Генриха V, который защищал Жаклин Баварскую против герцога. Рассматривался даже постоянный союз Эно, Брабанта и Голландии под английской защитой. Следовательно, было бы вопреки бургундским и бельгийским интересам, если бы могущество Франции было полностью и непоправимо сокрушено, поскольку такая победа нарушила бы баланс сил Запада, от которого зависело само существование новой конфедерации.

Ссора Филиппа с Генрихом VI была, однако, недолгой, и в течение последней части своего правления ему удалось восстановить англо-бургундский союз на более прочной основе. Его жена, Изабелла Португальская, внучка Джона Гонта, использовала свое влияние, чтобы добиться примирения и возобновления торговых отношений. Брак Карла, сына Филиппа, с Маргаритой Йоркской, сестрой Эдуарда IV, который был отпразднован в Брюгге в 1463 году с удивительной демонстрацией роскоши, определенно скрепил узы союза.

карл Смелый.

С портрета Роджера Ван дер Вейдена (Берлинский музей).

[Увеличить изображение](#)

КАРЛ СМЕЛЫЙ

Ибо Франция оправилась от пережитых испытаний; и когда он наследовал своему отцу, Карлу по прозвищу Смелый, ему противостоял противник, тем более грозный, что благодаря своему импульсивному темпераменту он буквально играл на руку хитрому французскому королю. Столкнувшись, как и Филипп, с оппозицией коммун и сепаратистскими тенденциями некоторых городов, новый герцог, презрев дипломатию, попытался навязать свою волю с помощью чистой силы и терроризма. Разграблению Динана в 1466 году было суждено послужить примером для Льежа, где агенты короля Людовика вели постоянную агитацию. Два года спустя герцог заставил своего соперника стать свидетелем сожжения и разграбления последнего города, который восстал во второй раз по наущению французов.

Карл мог бы противостоять интригам своего врага, если бы ограничил свои амбиции Нидерландами. Как и его отец, он вступил в переговоры с императором в надежде получить титул короля. Его бургундские владения были отделены от Нидерландов Эльзасом и Лотарингией. Если бы он смог присоединиться к Нижней и Верхней Бургундии через эти земли, он почти восстановил бы старое королевство Лотарингия, объединив все пограничные земли, лежащие между Францией и Германией, от Северного моря до Средиземного. Успех такого предприятия мог иметь неисчислимые последствия. Но Чарльз был последним человеком, преуспевшим в начинании, требующем по меньшей мере столько же мастерства и дипломатии, сколько материальных ресурсов. Он получил права на Эльзас и завоевал Лотарингию, но стал легкой добычей хитростей Людовика XI, предприняв экспедицию против швейцарцев. Потерпев поражение при Грансоне и Морате, он был убит на глазах у Нанси, переложив всю ответственность за наследование престола на свою юную дочь Мэри.

По словам Филиппа де Коммина: "Он перепробовал так много вещей, что не смог прожить достаточно долго, чтобы довести их до конца, и это действительно были почти невыполнимые предприятия". Но его внешняя политика на всем протяжении оставалась совершенно последовательной. Он был верным другом Дома Йорков и оказал поддержку Эдуарду IV, с которым намеревался разделить Францию, если бы ему удалось победить Людовика.

ПОЗИЦИЯ БЕЛЬГИИ

Филипп Добрый своей работой по территориальной консолидации преуспел в том, чтобы стереть с карты Европы границу по реке Шельда, которая после Верденского мирного договора разделила страну между Францией и Германией. Карлу Смелому не удалось восстановить недолговечное королевство Лотаря, которое в течение нескольких лет служило барьером между двумя соперничающими державами. Такая мечта действительно выходила за рамки практической политики, хотя, рассматриваемая с точки зрения языка и расы, она не была полностью неоправданной, поскольку население Рейна разделяло с населением Нидерландов как романские, так и германские черты и время от времени заявляло о своем желании вести свободную и независимую жизнь. Это желание так и не было реализовано, отчасти из-за главного направления линии расового разграничения, проходящей с севера на юг параллельно политической границе, а отчасти из-за узости соответствующей полосы территории. Если бы такая граница проходила через Бельгию, например, вдоль Шельды, вместо того чтобы отклоняться от Кельна к Булони, произошел бы тот же результат. Бельгия обязана своим независимым государством наличию Угольного леса, который в четвертом веке сломил усилия захватчиков вдоль линии, идущей с востока на запад через политические границы, а не параллельно им. Благодаря исключительному богатству своей обширной равнины, легко доступной с моря, она и в наше время остается последним осколком великой империи Лотаря, которая на несколько лет объединила под одной властью все пограничные земли Западной Европы.

ГЛАВА X

РАТУШИ

Самым характерным памятником XV века в Бельгии является ратуша, точно так же, как самым характерным памятником двух предыдущих столетий является колокольня, с Суконным залом или без него.

ратуша, брюгге.
(Четырнадцатый-пятнадцатый века).

[Увеличить изображение](#)

Степень доктора философии

ГОТИЧЕСКИЕ РАТУШИ

Может показаться странным, что именно большим муниципальным дворцам надлежит выражать дух периода централизации, когда местные привилегии постепенно приносились в жертву общим интересам государства, и когда принц собирал под одной властью различные государства, между которыми были разделены Нидерланды. Глядя на готические ратуши Брюсселя, Лувена и Брюгге с их цветочными узорами и роскошью орнамента, можно было бы ввести в заблуждение, приняв их скорее за дворцы принца, чем за выражение муниципальной свободы. В них нет ничего от силы и непокорности, выраженных в огромных "залах" и колокольнях Ипра, Брюгге и Гента. Последние, как мы видели, были возведены для двух целей. Это была, так сказать, центральная цитадель, возведенная в центре города, с башен которой часовой бил тревогу и призывал горожан к оружию защищать свои привилегии и свои дома от нападений любого врага извне, не исключая и самого принца. За толстыми стенами и зубчатыми стенами ревностно хранились архивы и хартии городов. С другой стороны, "холлы" служили местом встреч иностранных и местных купцов и складом, где хранились их товары. Они представляли собой укрепленные крытые рынки, и сочетание этих военных и экономических характеристик просматривается в каждом очертании здания и раскрывает доминирующие устремления эпохи, которая преуспела в освобождении города от автократического правления сюзерена и в защите торговли и промышленности его жителей.

Ни одна из этих особенностей не проявляется в "городских домах" бургундского периода. Их тонкие очертания и небольшие пропорции исключают какую-либо идею защиты. Сравните, например, изящный шпиль Брюсселя с гордой и массивной колокольной Брюгге, а почти женственный вид ратуши Лувена - с отталкивающей мужественностью разрушенного Ипрского суконного цеха. Опять же, обилие орнамента и статуэток, изящные башни по бокам, особенно в

Брюгге и Лувене, контрастируют со строгостью старых "залов". Эти роскошные особняки не были построены ни для военных, ни для экономических целей. Они слишком малы, чтобы их можно было использовать в качестве крытых рынков. Фактически, новые муниципальные здания пятнадцатого века сохранили только одну характерную черту своих предшественников. Они все еще были резиденцией "эшевинажа", и именно в их стенах городские власти встретились с представителем герцога, "байи".

Экономическая активность покинула центральный зал и переместилась на Биржу. Создание городских домов Брюсселя (1454) и Лувена (1463) совпадает с основанием первой европейской биржи в Антверпене (1460). В этой трансформации муниципальных зданий от средневековья к раннему Возрождению мы можем проследить параллельную трансформацию политических и социальных институтов. Муниципальный дух все еще преобладал, и сопротивление, оказанное Брюгге в 1436 году и еще более энергичным Гентом с 1450 по 1453 год растущему влиянию Филиппа Доброго, ясно показывает, что общинный дух все еще был преобладающим, особенно в старых городах. Но относительно более современные города, такие как Брюссель и Антверпен, были готовы принять благотворное покровительство князей. Деревни и страна, которые долгое время страдали от тирании больших городов, все были на его стороне. Трансформация промышленности и торговли способствовала разрушению местных средневековых обычаев и привилегий к большей выгоде государства. Результатом стал компромисс, и именно этот компромисс раскрывает бургундская муниципальная архитектура. Город все еще был возвышенным, но это уже был не тот свободный непокорный город, который вырвал свои хартии у сопротивляющегося сюзерена; это был, если можно так выразиться, укрощенный город, развивавший свои ресурсы под защитой и контролем своего хозяина, все еще поддерживая свою гордость большой демонстрацией роскоши. Провал Гентского восстания ознаменовал упадок коммунальных ополчений, которые больше не могли противостоять хорошо дисциплинированной герцогской наемной армии. Поражение при Гавере (1453) решило судьбу армий граждан, точно так же, как битва при Золотых Шпорах (1302) показала их силу.

ПОЛИТИКА ГЕРЦГОВ

Следует, однако, отметить, что этот успех был достигнут только благодаря полному изменению политики со стороны герцогов. Они больше не противодействовали развитию городов, как их средневековые предшественники, с помощью репрессивных мер. Напротив, они делали все, что было в их силах, чтобы защитить и расширить это процветание, не только обеспечивая мир и свободу торговли, но и принимая специальные меры на случай чрезвычайной ситуации. Филипп Добрый несколько раз пытался остановить упадок Ипра, вызванный развитием английской суконной промышленности. Несмотря на противодействие Гента и Ипра, Карл Смелый предпринял важные работы по осушению устья реки Цвин, которое быстро заиливалось, и, таким образом, сохранил открытым, по возможности, порт Брюгге. В то же время герцоги поощряли торговлю Антверпена и дали первый импульс морской активности портов Голландии. Бургундские князья не жили изолированно в своих феодальных замках; они взяли за правило проживать в своих крупных городах, будь то Гент, Брюгге или Брюссель, где у них были свои дворы и где они своей демонстрацией роскоши вносили свой вклад в общее процветание. Эта забота о благополучии крупных городов не была полностью бескорыстной. Герцоги поняли, что их власть зиждется не столько на их вооруженных силах, сколько на их богатстве, и что их богатство зависит от богатства их городов. Они понимали, по словам

современного историка (Шастеллена), что "в полноте имущества и денег, а не в достоинствах и возвышенности их ранга, заключались слава и могущество князей".

Замена старого суконного цеха на Отель де Виль эпохи Возрождения также является символом упадка суконной промышленности. Шерстяная промышленность Фландрии прошла три последовательных этапа, которые непосредственно повлияли на отношения между Бельгией и Англией. Мы видели, как в раннее средневековье, когда фламандской шерсти было достаточно для изготовления фламандских ткацких станков, суконная промышленность была почти полностью независимой, и как по мере роста промышленности фламандские ткачи все больше и больше зависели от импорта английской шерсти в течение тринадцатого и четырнадцатого веков. Однако в течение четырнадцатого века отчасти из-за иммиграции фламандских ткачей, поощряемой Эдуардом III, а отчасти из-за естественного хода событий, которые должны были побудить страну перерабатывать собственное сырье, английская суконная промышленность стала очень активной, и, следовательно, количество шерсти, доступной для Фландрии, уменьшилось, в то время как ее цена возросла, и фламандская промышленность столкнулась с двойной трудностью: защитить свой рынок от импорта английских тканей через ганзейские суда и получить необходимое сырье. Ограничительные меры, принятые против импорта английской ткани, оказались безрезультатными, а испанская шерсть, которую пытались заменить английской, оказалась более низкого качества. Ипр пострадал первым, несмотря на заботу герцогов, которые снизили коммерческие налоги в его пользу. Его население сократилось с 12 000 в 1412 году до 10 000 в 1470 году, а в 1486 году треть его жителей была вынуждена просить милостыню. Брюгге удалось какое-то время прокормиться за счет своих банковских учреждений, в то время как Гент извлекал выгоду из основных продуктов питания, Брюссель - из присутствия герцогов, Малин - из своего парламента, Лувен - из недавно созданного университета, а Антверпен - из растущей торговли.

БЕЛЬЕ И ГОБЕЛЕНЫ

Кроме того, когда сопротивление английскому соперничеству оказалось бесплодным, несмотря на неоднократные запреты, введенные Филиппом Добрым, страна с необычайной приспособляемостью обратилась к льняной промышленности в качестве замены шерстяной. Лен заменил ткань, и те же процессы и ткацкие станки, которые применялись в старой промышленности, были успешно применены в новой. Пошив одежды нашел убежище либо во фламандских сельских районах, где заработная плата была ниже, либо в некоторых отдаленных частях Валлонии. Существование Вербье как города по производству тканей датируется 1480 годом. Упадок суконной промышленности также был в определенной степени компенсирован появлением в Северной Фландрии и Брабанте гобеленов, центры которых до тех пор находились в Аррасе и Турне.

Я уже упоминал об орнаментальном характере бургундской готики, контрастирующем с суровостью коммунального периода. Архитекторы ратуши и других известных памятников того периода, таких как отель Gruthuse и часовня Святого Санга в Брюгге, стремились к роскоши, а не к силе. Это богатство реально, а не искусственно ограничено принцем и высшими классами общества.

В начале бургундского правления, при Филиппе Смелом, Фландрия была частично разрушена внутренними и внешними войнами. В его городах не осталось ремесленников, польдеры превратились в болота из-за нашествия моря, а волки и дикие кабаны снова бродили по стране, как в раннем средневековье. Брабант, Голландия, Зеландия и Льеж, хотя и пострадали менее серьезно, пережили время раздоров и гражданской войны. Пятьдесят лет спустя (около 1430 г.) Нидерланды снова стали самыми процветающими государствами Европы, и историк Филипп де Коммин смог назвать их "землей обетованной", в то время как Гашар противопоставляет их южным владениям герцога, "Бургундии, в которой не хватает денег и пахнет Францией". Шастеллен красноречиво расхваливает свои банкеты и великолепные празднества. Сами герцоги пользовались любой возможностью, чтобы продемонстрировать свое богатство, особенно в присутствии иностранных принцев. Создается впечатление, что они хотели компенсировать титул короля, которого тщетно добивались, показной роскошью, которую не мог позволить себе ни один король того времени. Когда в 1456 году дофин Людовик посетил Брюгге вместе с герцогом, убранство города поразило французов, "которые никогда не видели такого богатства" (Chastellain), а когда Маргарита Йоркская въехала в город по случаю своей свадьбы с Карлом Смелым в 1469 году, улицы были покрыты золотыми тканями, шелками и гобеленами, и процессии пришлось останавливаться десять раз, прежде чем достичь рыночной площади, чтобы полюбоваться живыми картинами, иллюстрирующими периоды священной и мирской истории: "Клянусь честью", - писал Джон Пастон, один из английских джентльменов, присутствовавших на свадьбе Маргарет: "Я никогда не слышал о таком изобилии, как здесь, а что касается двора герцога, что касается лордов, леди и благородных дам, рыцарей, оруженосцев и джентльменов, я никогда не слышал ни о ком подобном, кроме двора короля Артура".

ПРАВИЛА ТОГО ВРЕМЕНИ

Это поразительное восстановление экономики, правда, не следует приписывать только благотворным действиям администрации герцогов, но представляется очевидным, что длительный период мира, гарантирующий порядок, безопасность и свободное сообщение с другими странами, в сочетании с мудрыми административными и финансовыми мерами, в значительной степени способствовали его ускорению. Были приняты меры по ослаблению ограничений и монополий городов и корпораций, а также по регулированию и контролю чеканки денег. Еще в 1483 году Филипп Добрый мог похвастаться, что его состояние было лучше, чем у любого из его соседей. Право чеканки денег больше не передавалось по наследству, а было доверено "знати, хорошо известной своим богатством, которая могла обеспечить страну золотыми и серебряными деньгами и обменять любые деньги, которые могли быть привезены им купцами". В 1469 году Эдуард IV Английский и Карл Смелый договорились созвать конференцию в Брюгге, чтобы определить общую валюту для обеих стран и запретить обмен валюты.

АНТВЕРПЕН И БРЮГГЕ

Эти финансовые правила тесно связаны с преобразованиями, которые претерпела торговля в то время и которые были одной из главных причин переноса экономического центра страны из Брюгге в Антверпен. Причина, обычно указываемая для этого изменения, носит географический характер. Следует отметить, что, хотя в начале XV века расширение западного рукава Шельды за счет разливов в Зеландии открыло прямую дорогу из Антверпена в открытое море (раньше

кораблям приходилось огибать остров Вальхерен), все усилия, предпринятые для предотвращения заиливания Цвина с 1470 по 1490 год, были безрезультатными. В 1506 году повозки могли безопасно проезжать во время отлива через конец гавани. Прогресс мореплавания, увеличение тоннажа судов и открытия Испании и Португалии также способствовали созданию более глубокой и безопасной гавани, но есть и другие причины, которые могли бы разорить Брюгге в пользу Антверпена, даже если бы географические преимущества обоих портов оставались равными.

С начала пятнадцатого века условия торговли претерпели полную трансформацию. Могущественные компании, располагавшие крупным капиталом и широким кредитом, заняли место старых местных торговых компаний. Сделки стали настолько значительными и запутанными, что средневековые правила, вместо того чтобы контролировать торговлю, только препятствовали ей. Любая защитная мера, наносящая ущерб иностранцам, становилась фатальной для внутренней торговли. Антверпен, который тогда появился как новая метрополия, без труда адаптировался к современным капиталистическим условиям. В конце четырнадцатого века город уже утратил свой брабансонский характер и стал почти космополитом. Он обрел экономическую свободу. Иностранные купцы, собиравшиеся на его ярмарках, были защищены охранными грамотами. Должности брокеров и менял были открыты для всех, а гражданство - легкодоступным. Брюгге, с другой стороны, стесненный старыми правилами и тесно связанный со своими привилегиями, не смог приспособиться к новой ситуации. Еще в 1477 году были приняты меры, запрещающие иностранцам ввозить на рынок товары, купленные в других местах, и их положение больше не соответствовало принципу свободной торговли. Таким образом, случилось так, что, в то время как население Антверпена росло не по дням, а по часам - с 3440 семей в 1435 году до 8785 в 1526 году, торговля Брюгге неуклонно сокращалась из-за эмиграции иностранных купцов. Защитные меры против импорта английских тканей привели к отчуждению ганзейских купцов, и в 1442 году "торговцы-авантюристы" окончательно обосновались в Антверпене, где вскоре за ними последовали итальянцы, испанцы и португальцы. Это правда, что Брюгге какое-то время оставался центром банковской деятельности, что объясняет тот факт, что он сохранил свое архитектурное и художественное величие в то самое время, когда его торговля терпела крах. Но естественным ходом событий финансистам пришлось последовать за торговцами, и в конце века упадок Брюгге как крупного морского порта был почти таким же полным, как упадка Ипра как промышленного центра. Характерным для новых условий торговли было то, что в Антверпене не было построено ни одного "павильона", а средневековый торговый центр был заменен современной биржей.

Однако у Антверпена и Брюгге была одна общая черта. Он был, как и его предшественник, великой расчетной палатой Западной Европы и черпал свое процветание не из товаров, потребляемых или производимых в его собственной стране, а из своего положения открытого рынка, где все торговцы могли удобно продавать свои товары и покупать товары из далеких стран.

первая антверпенская биржа.

Со старой гравюры (1531).

[Увеличить изображение](#)

Следует также отметить, что, в то время как Брюгге, насколько это было в его силах, сопротивлялся централизованному влиянию герцогов и сменивших их принцев, Антверпен оставался верен новому политическому режиму, который принес ему так много преимуществ. Смуты, возникшие в Брюгге при Максимилиане, можно рассматривать как смертельный удар по процветанию старого города.

ратуша ауденарде.

(Пятнадцатый век).

Правление герцогов было в равной степени благотворно для небольших городов и деревень за городом. Это положило конец средневековому режиму, феодальным и церковным сборам. Дворянство больше не обладало монополией на землевладение, и многие буржуа, обогатившиеся за счет торговли, покупали большие поместья. Это изменение в определенной степени способствовало сокращению числа мелких землевладельцев и созданию более крупного класса фермеров и сельскохозяйственных рабочих. Это было, однако, частично компенсировано рекультивацией земель у моря (польдеры) путем строительства дамб и импульсом, приданным скотоводству, что сделало возможным более интенсивное возделывание. Именно в то время старая система оставления трети земли под паром была в значительной степени отменена за счет более широкого использования навоза. За исключением голода 1348 года, вызванного неурожаем, бургундский режим был свободен от ужасных бедствий, которые не переставали опустошать страну на протяжении предыдущих столетий.

НАСЕЛЕНИЕ

Благодаря переписи, проведенной в Брабанте в 1435 году и во Фландрии в 1469 году, можно оценить общую численность населения Бургундских государств в Нидерландах в два миллиона человек, к которым следует добавить 700 000 человек, если включить Льеж. Это, учитывая размеры этих государств и экономические условия того периода, является очень высокой цифрой и подразумевает экономическую активность, по крайней мере равную экономической активности современной Бельгии. Насколько такой рост населения был обусловлен мудрым правлением Филиппа Доброго, показывает более пристальное изучение фактов. Годы с 1435 по 1464 год отмечены неуклонным ростом, в то время как период с 1464 по 1472 год, когда Карл Смелый своими иностранными войнами поставил под угрозу процветание страны, демонстрирует медленное снижение, которое становится гораздо более заметным после смерти герцога и в смутный период, пришедший на смену бургундскому правлению.

ГЛАВА XI

ПОКЛОНЕНИЕ АГНЦУ

Городские дома, построенные в бургундский период, представляют собой прекрасный пример новых экономических тенденций, преобладавших в то время, но они ни в коем случае не являются величайшими произведениями искусства, иллюстрирующими этот период расцвета Бельгии. Ни в ратуше Брюгге, строительство которой было начато в 1376 году Жаном де Валансьеном, ни в ратушах Брюсселя (с 1402 по 1444 год), построенных Жаком ван Тьеном и Жаном де Рейсбруком, ни в ратуше Лувена, завершенной в 1448 году Матье де Лайеном, ни тем более в красивых муниципальных зданиях Ауденарда или разрушенного Арраса, мы не можем найти сколько-нибудь адекватного представления о замечательном интеллектуальном и художественном движении, которое в пятнадцатом веке поставило Нидерланды во главе

североевропейской цивилизации. Это может быть понято только путем тщательного изучения картин того периода, широко известных как произведения ранней фламандской школы.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Прежде чем попытаться определить положение этой школы в истории искусства, возможно, было бы неплохо дать краткий обзор интеллектуального движения при бургундском режиме и показать, что в каждой области - литературе, архитектуре и музыке - цивилизация того периода создала несколько замечательных произведений. Таким образом, Нидерланды пятнадцатого века сравнимы с итальянскими республиками и княжествами, которые процветали в то же время. В Бельгии, как и в Тоскане и Умбрии, все искусства культивировались в одно и то же время, а иногда одним и тем же человеком, и люди и князья проявляли равный интерес ко всем проявлениям человеческого гения. Чтобы найти такое гармоничное развитие, нужно было бы вернуться в Древнюю Грецию, и с тех пор мир никогда не производил его.

Литературная деятельность была, пожалуй, наименее блестящей, в основном из-за разделения языков. Хотя связи между фламандской и валлонской частями страны были тесными и никогда не служили препятствием в деле объединения, Бельгия едва ли могла похвастаться одной общей литературой в то время, когда была основана ее национальность.

Что касается политической и административной деятельности, то между языками Севера и Юга был достигнут почти точный баланс. Во Фландрии с начала четырнадцатого века влияние Франции значительно уменьшилось, отчасти из-за потери Артуа и Валлонской Фландрии, а также из-за удара, нанесенного престижу Франции поражениями в Столетней войне. Использование французского языка сохранялось только среди знати и богатой буржуазии, а также во всех сношениях с другими странами; фламандский язык добился значительного прогресса и занял место латыни во всех актах общего управления. Его престиж как литературного языка был повышен репутацией ван Маерланта, и он также служил во всех отношениях с Нижней Германией. К концу столетия двуязычие стало освященным институтом как во Фландрии, так и в Брабанте, судьи выносили свои приговоры на языке, на котором говорят стороны, а некоторые должностные лица использовали, в зависимости от обстоятельств, либо французский, либо латынь, либо фламандский. При Иоанне Бесстрашном и Филиппе Добром эта ситуация, благоприятствовавшая централизованному влиянию герцогов, оставалась неизменной. В Голландии и Зеландии, где французский был практически неизвестен, государственные чиновники использовали только фламандский. Сами герцоги знали оба языка, включали фламандские книги в свои библиотеки и поощряли фламандскую литературу. Благодаря экономической привлекательности Антверпена, большое количество валлонских торговцев использовали оба языка, а число тех, кто понимал фламандский и французский, было достаточно значительным, чтобы позволить ставить фламандские пьесы на юге и французские пьесы к северу от разделительной языковой линии. Это правда, что Карл Смелый тщетно пытался внедрить французский язык в административных целях во фламандских округах, но, благодаря дополнительным доказательствам, это следует рассматривать скорее как акт политического абсолютизма, чем как признак враждебности по отношению к фламандцам. На самом деле, мы тщетно искали бы доказательства какой-либо попытки френчифицировать страну в то время. Владея своими дворами в Нидерландах, герцоги Бургундские отказались от своего французского происхождения.

Таким образом, двуязычие следует рассматривать как решение языкового вопроса в Бельгии в пятнадцатом веке. Но хотя народ оставался единым, литературы двух частей страны развивались по-разному.

Со стороны фламандцев поэзия никогда не переставала приходить в упадок после смерти ван Маерланта, несмотря на многочисленные произведения, созданные учениками этого мастера, особенно в Брабанте. Жан Буэндаль (1280-1365) описал в своем замечательном *"Брабантском йестене"* борьбу герцога со своими врагами. Его образ мыслей совершенно типичен для того времени. Буэндаэль - буржуазный поэт, который в равной степени не доверяет демократии городов и дворянства. Он возлагает свою веру на принца, купцов и крестьян.

ЯН РЕЙСБРУК

Мистические трактаты Яна Рейсбрука (1292-1381), которого можно считать основоположником фламандской прозы, точно так же, как ван Маерлант является основателем фламандской поэзии, гораздо важнее рифмованных хроник Буэндаля. Они не только входят в число самых вдохновенных религиозных произведений Средневековья, но и являются выражением глубоко укоренившегося религиозного движения, которое в то время воодушевляло фламандскую буржуазию и которое зародилось при основании института бегинов и нищих, столь активного и влиятельного в XII веке. Это движение было направлено на сближение религии с простыми людьми посредством работы мирян, которые, хотя и были глубоко привязаны к Церкви, осознавали ее ограничения и барьер, который аристократия и привилегии возвели вокруг нее. Один из учеников Рейсбрука, Жерар де Гроот (1340-84), основал ордена *"Frères de la Vie Commune"* (Братья общей жизни) и *"Sustershuysen"*, которые внесли большой вклад в возрождение религиозных исследований и общего образования в начале пятнадцатого века. Подобно Нищим, Братья строго не составляли религиозный орден, они не произносили никаких обязательных обетов и сохраняли свой мирской характер. Отказываясь от каких-либо даров извне, они были вынуждены обеспечивать свои собственные нужды, но, в то время как Нищие посвящали большую часть своего времени ткацкой промышленности, Братья посвятили себя переписыванию рукописей, учебе и преподаванию. Под руководством Флорана Радевина, одного из первых учеников де Гроота, они приобрели очень законченную организацию и основали множество школ, особенно в Брюсселе (1422) и в Генте (1432), их влияние распространилось до Германии. Тьерри Мартенсен, первый известный бельгийский печатник, был одним из их учеников. Это образовательное и религиозное возрождение тесно связано с основанием Лувенского университета в 1426 году. Де Гроот и его ученики часто подвергались нападкам, главным образом со стороны монахов, которые стали завидовать их успеху, но их строгая ортодоксальность и безупречный характер их жизни делали их положение неприступным. Де Гроот был одинаково хорошо известен своей критикой злоупотреблений среди духовенства, своим осуждением роскоши, демонстрируемой богатыми, и мистического характера своей проповеди. Он был столь же суров к еретикам, и современники называли его *"маллеус еретикорум"*. Другой из его последователей основал знаменитый монастырь Виндесхайм, где полвека спустя было написано *"Подражание Христу"*.

В то время как фламандские писатели четырнадцатого и пятнадцатого веков писали в основном для буржуазии и народа и поддерживали тесный контакт с религиозными устремлениями того времени, авторы, принадлежащие к валлонской части страны, почти все были при том или ином дворе и ограничивались созданием хроник и воспоминаний, предназначенных для

аристократии. Несмотря на крайнюю ограниченность, этот жанр с большим успехом культивировался валлонскими писателями и является типичным для бельгийской ветви французской литературы того периода. Еще в четырнадцатом веке Жан Ле Бель из Льежа с необычайной живостью рассказывал о своих приключениях при дворе Эно и о роли, которую сыграл его хозяин Жан де Бомон в экспедиции, возглавляемой Эдуардом III против шотландцев. Ле Бель пишет по-французски, но в том, что касается его политических взглядов, остается невосприимчивым к французскому влиянию и выбирает своим героем английского короля, "благородного короля Эдуарда", в то время как в адрес Филиппа де Валуа у него нет ничего, кроме резких слов.

JEAN FROISSART

Жан Фруассар из Валансьена, который продолжил дело Ле Беля и служил связующим звеном между ним и бургундской школой хронистов, имел гораздо более широкое поле зрения. Будучи последовательно прикрепленным к Альберту Баварскому, английской королеве Филиппе и Вацлаву Люксембургскому, он имел много возможностей изучать европейские дела и, как бельгиец, мог рассматривать их с независимой и даже скептической точки зрения. Хотя его обычно считают французским писателем, он остается независимым от французского влияния. Благодаря Монстреле, Шастелену, Жану Молине и Жану Лемеру де Бельжу, которые писали для герцогов Бургундских, это независимое отношение еще больше укрепилось. Все эти авторы превозносили бургундский режим и поддерживали политику герцога, будь то дружественная или враждебная Франции. С литературной точки зрения они значительно уступают своим предшественникам и часто впадают в риторическое красноречие. Их стиль, который, по-видимому, перегружен цветистыми образами, вызывал в то время большое восхищение, особенно в случае с Шастеленом, которого современники называли "непревзойденным ритором".

Музыке не мешало, в отличие от литературы, разделение языков, и при других обстоятельствах она могла бы дать более точное выражение бельгийскому национальному духу. К сожалению, его стиль все еще был настолько формальным, что национальные особенности не могут быть сразу распознаны в работах Гийома Дюфе из Шимэ (1350-1432) и Жилия де Бинша, капельмейстеров Филиппа Доброго, а также фламандца Жана Окегема (1494-146 декабря) и Жоскена де Пре из Эно (ок. 1450-1521). Эти музыканты, пользовавшиеся европейской известностью и оказавшие широкое влияние на музыкальное движение во Франции и Италии, хорошо известны историкам музыки как внесшие значительный вклад в развитие полифонической музыки в противовес монодии на григорианский распев. Таким образом, они были пионерами в искусстве музыкального орнамента, и их метод может быть связан с цветистыми образами стиля Шастеллена, архитектурной роскошью бургундской готики и проявлением колорита ранних фламандских художников. Во всех отраслях интеллектуальной деятельности Бельгия с начала пятнадцатого века решительно вступает в эпоху Возрождения. Но, в отличие от итальянского, изучение классики поначалу лишь незначительно повлияло на бельгийское возрождение. Оно было более реалистичным по своим целям, чем средневековый период. Он наслаждался проявлением гармонии, будь то в звуке, цвете или форме, и изобилием узоров, но в том, что касалось предмета, он оставался по существу и глубоко христианским.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Хотя произведения бельгийских писателей и художников того периода очень примечательны, они несколько вводят в заблуждение, если мы хотим составить точное представление об общественной жизни XV века. Ни *"Тевтонские книги"*, опубликованные последователями Рейсбрука, ни великие полотна братьев Ван Эйк, Ван дер Вейдена и Мемлинга ни на минуту не свидетельствуют о распушенности нравов, преобладавшей в то время и выявленной авторами Хроник. Число внебрачных детей было необычайно велико, пример подавали сами герцоги: только Филипп Добрый был ответственен за восемнадцать бастардов, а Жан де Хайнсберг, епископ Льежский, - почти за столько же. Следует, однако, отметить, что незаконный характер их рождения не мешал многим выдающимся людям того времени, таким как канцлер Ролин, настоятель церкви святого Донатиана в Брюгге, крупный финансист Пьер Блейдлен, епископ Турне и многие высокопоставленные чиновники. Все они, разумеется, получили свои легитимирующие письма. Многочисленные указы герцогов были неспособны ограничить азартные игры, проституцию и расточительство. Скудное действие правил, касающихся последнего, может быть легко понято, когда мы прочитаем, что по случаю свадьбы Маргариты Йоркской с Карлом Смелым бельгийским художникам и ремесленникам было приказано подготовить и украсить большой деревянный дом, который впоследствии был перевезен по воде из Брюсселя в Брюгге. В башне высотой 41 фут, пристроенной к этому дому, благородная компания, приглашенная на церемонию, стала свидетелем движений и услышала крики множества механических животных, обезьян, волков и кабанов, в то время как кит длиной 60 футов передвигался по залу вместе со слонами среди тридцати больших деревьев, хрустального фонтана и пеликана, "извергающего гиппократа из клюва". Дело в том, что ситуация в Нидерландах во второй половине XV века была во многом такой же, как и во Флоренции в то же время, когда люди колебались между безудержным наслаждением жизнью и суровым аскетизмом. Между Карлом Смелым и Лоренцо Великолепным много точек соприкосновения, и ни одна фигура не может быть ближе к Савонароле, чем картезианец Томас Конекте, который до такой степени возбудил общественные чувства, что люди, толпившиеся на рыночных площадях послушать его пламенные речи, бросали в жаровни, горящие перед его помостом, все инструменты своей мирской жизни — шахматные доски, карты, кости, кегли, шелка и драгоценности.

Как ни странно, ни один религиозный орден не пользовался большим сочувствием и щедростью людей, чем аскетичные картузианцы. Филипп Смелый воздвиг в Дижоне знаменитый Шартрез Шампмоля; Филипп Добрый и Маргарита Йоркская переписывались со знаменитым картезианцем Денисом де Рикелем, "доктором экстатикусом", а лувенский шартрез был подарен богатыми буржуа из окружения герцога. До тех пор, пока это кажущееся противоречие не будет полностью осознано, невозможно понять дух эпохи, которая, хотя и была глубоко поглощена мирской жизнью, создавала произведения, почти полностью посвященные Вере, и в которых роскошные одежды и цвета используются только для усиления славы Божьей.

БРАТЬЯ ВАН ЭЙК

Живопись стоит на первом месте среди достижений бургундского периода. И здесь языковая разница не мешает гениальности нации. В то время как в музыке доминирует валлонский элемент, фламандский доминирует в искусстве; но необходимо четко заявить, что в этой отрасли, как и во всех других отраслях бургундской цивилизации, сильно представлены две

части страны, и поэтому название "фламандская школа живописи" вводит в заблуждение, когда речь идет о бельгийской живописи пятнадцатого века.

Величайшее имя, связанное с этим периодом, принадлежит братьям Яну и Хьюберту Ван Эйкам, и работа, которая естественным образом приходит на ум, когда думаешь о них, - это монументальный алтарный образ, который они написали для Йоса. Вит, лорд Памеле, будет помещен в свою часовню в соборе Святого Иоанна в Генте. Эта работа, широко известная как "Мистический ягненок", состоит из десяти картин меньшего размера, но перегородки, отделяющие различные отделы кулис и кулисы от центральной части, едва ли умаляют величие ансамбля. Композиция хорошо известна: вверху Бог Отец в образе Христа восседает на троне, Его рука поднята в благословении, между святым Иоанном Крестителем и Богородицей, с ангелами по обе стороны поют и играют на различных инструментах. Справа и слева от верхних панелей, исключенные, так сказать, из небесного общества, стоят Адам и Ева во всей реалистичной слабости своей наготы. Внизу, посреди цветущего луга, за источником жизни, в окружении групп святых дев, мучеников и святых, в Новом Раю, под стенами Нового Иерусалима, стоит Агнец, прямо под фигурой Христа и символом Святого Духа, центром, к которому сводится каждая линия, каждое положение на картине. К святому месту идут, справа, паломники и отшельники, слева, добрые судьи и воины Христа. Символизм картины, раскрывающий величественный план искупления человека через жертву Христа, второго творения Духом, в отличие от первого творения плотью, непосредственно вдохновлен мистическими произведениями того времени, в то время как гармония и глубина красок, великолепные одежды и драгоценности, украшающие фигуры Бога, Девы Марии и ангелов, помпезная кавалькада рыцарей и судей и систематическая группировка центральной сцены являются адекватным выражением любви к церемониям и торжественной роскоши, которые характеризовали бургундскую эпоху. Вся картина предстает как священное зрелище, в котором святые, ангелы и блаженные занимают место знати, дам и священнослужителей, какими их видели во время празднеств и шествий, устраиваемых при герцогском дворе.

поклонение агнцу (святой Бавон, Гент).
Ангелы поют и играют.

[Увеличить изображение](#)

МИСТИЧЕСКИЙ АГНЕЦ

Рассматриваемая как чисто религиозная картина, эта работа, как и почти все произведения школы, разительно контрастирует с итальянской живописью четырнадцатого века, особенно с фресками Джотто. Последние характеризуются чрезвычайной простотой изложения и яркой повествовательной силой. В Падуе, например, Джотто рассказывает нам историю Христа такой, какой он видел ее в своем мистическом видении, не заботясь о аксессуарах или деталях. Он цепляется за главное, за фигуры Христа и его апостолов, в то же время презирая любые второстепенные объекты, такие как деревья, архитектура, костюмы и т.д., которые представлены в грубой форме только тогда, когда это необходимо для сюжета. Характерно для работы Хьюберта Ван Эйка (поскольку, согласно всем свидетельствам, Хьюберта следует рассматривать как автора общих очертаний картины, которая была закончена его братом Яном после его смерти), что, возможно, наименее удовлетворительной фигурой поклонения Агнцу является Божество, в то время как наше внимание сразу же привлекает группа ангелов, окружающих Его, и еще больше процессия молящихся в нижней части картины. Короче говоря, в то время как искусство Джотто проявляет себя наилучшим образом, когда имеет дело с божественной стороной христианской драмы, гений Ван Эйка стоит на первом месте в человеческой интерпретации предмета. Его величайшие творения - это фигуры не тех, кому поклоняются, а самих верующих, и мы должны искать религиозное вдохновение не столько в непосредственном видении Божества, сколько в выражении преданности, отражающемся на лицах поклоняющихся толп.

поклонение агнцу (святой бавон, Гент).
Благовещение (внешняя сторона ставен).
Хьюберт и Ян ван Эйк.

[Увеличить изображение](#)

Верно, что мы можем обнаружить ту же настойчивость в отношении пейзажа, костюма и портретов жертвователей в работах итальянских художников раннего Возрождения, которые писали одновременно с Ван Эйком, и что дух того периода может, в определенной степени, объяснить это. Но было бы трудно обнаружить в картинах Мазаччо, фра Филиппо Липпи, Гирландайо, Боттичелли и других итальянских мастеров пятнадцатого века, за единственным исключением фра Анджелико, ту же глубину религиозного вдохновения, которая пронизывает работы Ван Эйков и их учеников. Если евангельская история по-прежнему составляет основу сюжетов итальянской школы, то к ней относятся в более легком ключе, и языческое

вдохновение, вызванное изучением классики, становится все более заметным. Земная красота имеет большее значение, чем христианское учение.

Девственницы Ван Эйка, Пьетра Ван дер Вейдена и святые Мемлинга занимают промежуточное положение между чисто средневековым мироощущением Джотто и скульпторов французских соборов и мирской атмосферой раннего итальянского Возрождения. Они в значительной степени сохраняют религиозную атмосферу первых и уделяют такое же внимание техническому мастерству и реалистичному изображению, как и вторые. Сочетание этих двух элементов является главным источником оригинальности бургундской школы художников, и это действительно характерно для того периода, который, хотя и был сильно привязан к миру и его удовольствиям, основывал свои величайшие произведения на суровых уроках глубокой набожности и общества, в котором Нищие и Братья по простой жизни постоянно стремились приблизить религию к сердцу людей.

"Поклонение агнцу" - это не только наиболее полное выражение духа Бельгии XV века, но и первое великое произведение бельгийских художников. Искусствоведы приложили немало усилий, чтобы объяснить внезапное появление в истории такой высококвалифицированной и законченной постановки. Но более пристальное изучение бельгийской цивилизации XIV века показало бы, что это всего лишь результат предыдущих усилий и расцвет великого индивидуального гения в Искусстве, которое уже нашло в других областях весьма замечательные средства выражения.

СКУЛЬПТУРА

С конца XII века бельгийское искусство, о чем свидетельствуют работы ювелиров, декораторов, скульпторов и миниатюристов, стало независимым от немецкого и французского влияния. Был сформирован высококвалифицированный класс ремесленников, который в середине четырнадцатого века был организован в обычные корпорации. Ювелиры и декораторы посвятили свой талант украшению церквей и церковных сокровищ, а также светских зданий, таких как Суконные мастерские или ратуши, и созданию знамен для гильдий. У нас до сих пор сохранилось огромное количество выгравированных надгробий, которые свидетельствуют о необычайном развитии техники. Вскоре фигура покойного была возведена в горельефе и даже, как в гробнице графа Артуа в соборе Сен-Дени, работы Пепина де Юи, поднята на плечах стоящих фигур. Со второй половины четырнадцатого века самые выдающиеся скульпторы перестали считаться простыми ремесленниками. Хеннекен Льежский был прикреплен ко двору французского короля Карла V, в то время как Андре Бонево (1364-90) остался во Фландрии в качестве скульптора Луи де Маля. Поразительные скульптуры ямы Моисея в Дижоне были выполнены Клаусом Слутером из Зеландии. Этих статуй, которые можно сравнить с работами Гиберти и Донателло, современников Слутера, достаточно, чтобы объяснить чувство формы и линии в драпировках, созданных ранними фламандскими мастерами. На Севере, как и на Юге, скульптура развилась раньше живописи, и точно так же, как Пизано предшествует Джотто, Слутер предшествует братьям Ван Эйк и в определенной степени объясняет их. Влияние скульптуры на живопись становится очевидным из того факта, что многие статуи того времени были позолочены и раскрашены, и для выполнения этой части работы часто приглашали художников. Кроме того, многие скульпторы, такие как Боневе и Хеннекен, были одинаково искусны в искусстве живописи. Результат этих влияний показан в *Часослове* герцога

Беррийского, работе Поля де Лимбурга и картинах, написанных Мельхиором Бродерламом в Дижоне для Филиппа Смелого. Благовещение последнего, Представление в Храме и Бегство в Египет подготавливают почву для Поклонения Агнцу, хотя и далеко не равны ему. Эти картины служат связующим звеном между бельгийским искусством пятнадцатого и четырнадцатого веков. Разница, которую следует учитывать, безусловно, не больше той, что столетием ранее отделяла фрески Джотто от работ Чимабуэ и его школы.

"плурант".

Деталь гробницы Иоанна Бесстрашного (музей Дижона).

Нидерландская школа пятнадцатого века.

[Увеличить изображение](#)

ФЛАМАНДСКАЯ ШКОЛА

Здесь было бы невозможно охарактеризовать работы различных мастеров, последовавших по стопам братьев Ван Эйк. Из двух братьев, родом из Мезейка, мы знаем, что Хьюберт поселился в Генте (ок. 1410 г.), а Ян - в Брюгге в 1425 году. Роджер де ла Пастур, обычно известный как Ван дер Вейден, выдающийся представитель валлонской ветви школы, приехал из Турне в Брюссель в 1435 году. Были и другие валлоны, такие как Роберт Кампен и Жак Дарэ из Турне, но явно преобладал фламандский элемент, представленный, помимо братьев Ван Эйк, брабансонцами Питером Кристусом, Юстусом ван Гентом, Хьюзом Ван дер Гоусом (из Гента) и Тьерри Бутсом из Гарлема, не говоря уже о Мемлинге (из Майнца). Известность, которой пользовались эти художники, распространилась далеко за пределы Бельгии и Франции, и легко прослеживается влияние, оказанное их работами в Италии. Как ни странно, хотя в течение

следующего столетия бельгийские художники были так сильно подвержены итальянскому влиянию, в тот период сами итальянцы приветствовали их как первопроходцев. О уважении, которым пользовались великие художники на родине, свидетельствует интерес, проявляемый к их работам не только принцем, но и его придворными, среди которых канцлер Ролин, и богатыми иностранцами, такими как "Портинари" и "Арнольфини", основанные во Фландрии. Филипп Добрый часто навещал Яна Ван Эйка, был крестным отцом его дочери и несколько раз нанимал его для выполнения секретных миссий. Его положение при бургундском дворе было равно тому, которое позже занимал Рубенс при дворе Альберта и Изабеллы.

ГЛАВА XII

ГАБСБУРГИ И БУРГУНДИЯ

Катастрофа в Нанси, естественно, вызвала бурную реакцию в бельгийских провинциях. Мы видели, что крупные города с большой неохотой переносили централизованное правление Филиппа Доброго, несмотря на умеренность и дипломатические таланты этого правителя. В конце своего правления Карл Смелый полностью пренебрег местными привилегиями и безжалостно подавлял все попытки восстания. Он повысил налоги для своих зарубежных экспедиций, которые тяжелым бременем легли на народ. Все больше и больше поглощенный своей борьбой против Людовика XI, он пренебрегал внутренними делами, а бельгийцы не желали поддерживать дорогостоящую политику иностранных авантюр, которая могла нанести ущерб только их собственным интересам. Таким образом, в 1477 году Мария Бургундская осталась одна, чтобы противостоять, с одной стороны, нуждам городов и государств, а с другой - интригам Людовика XI. Последний не только конфисковал французские владения герцога, как только до него дошла весть о его смерти, но и предложил, при поддержке недовольных городов, присвоить себе также его северные провинции. Опасаясь вмешательства Англии, он подумывал заключить сделку с королем Англии и предложил завоевать для него Брабант. Очень мудро Эдуард IV парировал, что провинцию будет слишком трудно удержать и что "война с Нидерландами не была бы популярна в Англии из-за активной торговли между двумя странами". Предоставленный самому себе, Людовик преуспел в убеждении фламандцев, что брак между Марией и дофином был бы наиболее выгодным выходом из кризиса. После отказа принцессы, которая уже была помолвлена с эрцгерцогом Максимилианом Австрийским, французский король сбросил маску дружбы и вторгся в Эно и Артуа.

"ВЕЛИКАЯ ПРИВИЛЕГИЯ"

К тому времени Мария полностью удовлетворила партикуляристские требования, предоставив "Великую привилегию", которая практически восстановила все провинциальные и городские свободы и свела на нет терпеливую работу по централизации, проделанную герцогами. Под угрозой иностранного вторжения народ сплотился вокруг нее под крик "Да здравствует Бургундия!" и отождествил дело своей национальной династии с делом своей собственной независимости. Аррас был вынужден открыть свои ворота французским армиям, но Валансьен и Сент-Омер оказали отчаянное сопротивление. Однако было очевидно, что в сложившихся обстоятельствах Нидерланды не могли противостоять наступлению Франции без иностранной

помощи. Поэтому штаты согласились на брак Марии с Максимилианом Австрийским, который вступил в страну во главе небольшой армии.

Этот брак оказался роковым для независимости Нидерландов, все больше и больше подпуская их под власть династии Габсбургов. Несмотря на свои французские владения, бургундские князья придерживались национальной политики или, говоря точнее, продвигали свои собственные интересы, за исключением последних авантур Карла, к большей выгоде бельгийских провинций. Что касается внешней политики, то им удавалось сохранять нейтралитет между тремя окружающими их державами и вмешиваться в европейские дела только тогда, когда их владениям угрожала прямая угроза. Не было конфликта между экономическими и политическими интересами Бельгии и интересами бургундской династии. Герцоги оставались в стране, и благосостояние страны было важнейшим условием их собственного процветания. Благодаря союзу Максимилиана с Марией Бургундской эта ситуация полностью изменилась. С конца пятнадцатого века и до времен Французской революции Нидерланды все больше и больше приносились в жертву интересам своих хозяев, независимо от того, принадлежали ли они к австрийской или испанской ветви Габсбургов. Они потеряли преимущество присутствия своих национальных и "природных" князей, которые были поглощены гораздо более важными делами и проводили большую часть своей жизни за пределами страны. Ими управляли регенты или губернаторы, которые, как правило, не обладали достаточной независимостью и авторитетом для проведения нидерландской политики. Они представляли собой своего рода форпост Державы, к которой были прикреплены, и, как следствие, впервые подверглись нападкам врагов этой Державы. Это одна из главных причин революции шестнадцатого века и последующего раздела страны, а также упадка южных провинций, который стал столь очевиден в семнадцатом и восемнадцатом веках.

Однако в течение некоторого времени политика Габсбургов не возобладала, и в определенные моменты даже казалось, что национальная династия может быть восстановлена. Бельгийским государствам, и особенно бельгийской аристократии, удалось повлиять на князей и их правителей, которые время от времени возвращались к национальной политике. История Бельгии пятнадцатого и шестнадцатого веков складывается из борьбы двух противоположных принципов: национальной бургундской политики, основанной на мире и нейтралитете в европейских конфликтах, и политики Габсбургов, увлекающей провинции на волне амбиций и соперничества Габсбургов.

мария Бургундская.

Из мавзолея в церкви Нотр-Дам, Брюгге.

[Увеличить изображение](#)

СМЕРТЬ МАРИИ

Если бы Максимилиан после своей победы при Гвинегейте ограничил свои цели защитой страны и сумел как можно скорее заключить мир с Людовиком, отношение народа, без сомнения, оставалось бы дружелюбным. Но до того, как стать мужем Марии и преемником бургундских герцогов, он был австрийским эрцгерцогом, обязанным проводить политику своего Дома против Франции, отвечала ли она интересам Нидерландов или нет, и выступать против любых местных свобод, которые мешали его действиям. Именно в этом свете следует рассматривать запутанные конфликты, возникшие между эрцгерцогом и городами, особенно Гентом. Последний город восстал против него и даже зашел так далеко, что вновь вступил в переговоры с Францией, гораздо больше для защиты муниципальных свобод, чем из каких-либо дружеских чувств к этой стране. Мария умерла в 1482 году, оставив двоих детей, Филиппа и Маргарет, которые были доверены заботам Гента. Из-за отказа эрцгерцога заключить мир депутаты Гента, вернувшись к проекту французского брака, заключили в Аррасе договор с Людовиком XI, согласно которому юная принцесса Маргарита должна была выйти замуж за дофина. Максимилиану удалось разгромить гентское ополчение, и он перевел Филиппа из Гента в Малин. Но коммуны еще не были обескуражены. В Брюгге произошло восстание, и горожане взяли Максимилиана в плен, обязав его, прежде чем вернуть ему свободу, отменить все монархические реформы, которые он провел с момента предоставления Великой Привилегии. Брюгге, однако, был окончательно разгромлен в 1490 году, а Гент, вступивший в союз с Карлом VIII Французским, - в 1492 году. В следующем году в Санлисе был заключен мир между Максимилианом и Карлом, который был вынужден восстановить Артуа и Франш-Конте. Эта дата знаменует на время окончание упорной борьбы, которую вели города против центральной

власти монарха, и триумф современного принципа государства над средневековым принципом местных привилегий.

максимилиан i.

С портрета Амброзио де Предиса
(Императорский музей, Вена).

[Увеличить изображение](#)

"РАДОСТНЫЙ ВХОД"

С присоединением Максимилиана к империи (1493 г.) и его сына Филиппа Красивого, которому тогда было шестнадцать лет, к управлению Бельгией мы являемся свидетелями возврата к традиционной бургундской политике, основанной исключительно на национальных принципах. Энтузиазм, вызванный переменами, и заявления о лояльности по отношению к "естественному принцу" Бельгии показывают, насколько глубокой была привязанность к бургундской политике и насколько иностранное происхождение Максимилиана сыграло против него. Новый принц, который никогда не покидал своих бельгийских провинций и чье образование было доверено бельгийским наставникам, стал символом национальной независимости, и все ограничения, которые были наложены на Марию Бургундскую и Максимилиана, были отменены в его пользу. Его не просили подтвердить ни Великую Привилегию, ни различные обещания, данные Максимилианом. Его "Радостное вступление в Брабант" во многом совпадало с теми, что были принесены ранее Филиппом Добрым и Карлом Смелым. Комиссары принца были восстановлены в своих должностях и снова получили право выбирать общинных магистратов, тем самым выведя их из-под прямого влияния корпораций. Герцогский совет был назначен повторно, и специальный указ 1495 года предусматривал восстановление владений принца. Парламент Малина был восстановлен под названием "Большой совет". Фактически, все территории, утраченные в результате централизации после смерти Карла Смелого, были быстро отвоеваны без какого-либо сопротивления, и Генеральные штаты без труда распределили

налоги. Такую экстраординарную трансформацию можно объяснить, только если вспомнить, что почти все иностранцы были исключены из Совета принца. Из четырнадцати советников только двое были немцами и трое бургундцами по происхождению. Сам Филипп даже не знал немецкого и отдалился от своего отца. Готовность, с которой он принимал советы своих бельгийских советников, принцев Кроя и графов Берга и Лалена, принесла ему прозвище "Принимающий советы" (Croit-conseil).

Излишне говорить, что его внешняя политика была полностью направлена на установление мира. Тщетно Максимилиан пытался вовлечь его в свои интриги против Франции. Филипп установил самые сердечные отношения с Карлом VIII. Английский король Генрих VII, который оттолкнул симпатии Максимилиана после его примирения с Францией (эрцгерцог даже поощрял самозванца Перкина Уорбека выступить против него), и который в ответ перевез основные английские ткани из Антверпена в Кале и запретил всякую торговлю с Нидерландами, также был умиротворен Филиппом после некоторых переговоров. В 1496 году два монарха подписали "Великий международный курс", который восстановил торговые отношения между двумя странами. Для тесных экономических связей между Англией и Бельгией характерно то, что они первыми подписали самый либеральный торговый договор того времени.

В 1498 году, после новой попытки Максимилиана заручиться его поддержкой против Людовика XII, Филипп обратился к Генеральным штатам, которые решительно поддержали его миролюбивую позицию. По Парижскому мирному договору, заключенному в том же году, бельгийский принц зашел так далеко, что отказался от своих прав на Бургундию, чтобы поддерживать дружеские отношения и сохранить преимущества, предоставленные Санлисским мирным договором. Поступая таким образом, Филипп Красивый пошел дальше самих герцогов: он сознательно принес свои династические интересы в жертву благополучию Северных провинций.

филипп Красивый. хуана Кастильская.

Портреты неизвестного фламандского художника шестнадцатого века.

[Увеличить изображение](#)

ФИЛИПП КРАСИВЫЙ

К сожалению, Филиппу не суждено было долго придерживаться этой бескомпромиссной позиции по отношению к бельгийским интересам. В 1495 году он женился на Хуане Кастильской, дочери союзников своего отца, Фердинанда и Изабеллы. В результате серии смертей в семье Хуана в 1500 году стала наследницей испанского престола. С этого момента линия поведения Филиппа изменилась, и интересы Нидерландов были принесены в жертву его династическим амбициям. Это привело к примирению с Максимилианом, которому наконец удалось заручиться поддержкой своего сына. После смерти Изабеллы в 1504 году Филипп принял титул короля Кастилии, чтобы предотвратить интриги своего тестя Фердинанда. С целью заручиться поддержкой Англии, которая была несколько отчуждена из-за новой политики Филиппа, последний заключил в 1506 году новый торговый договор, весьма неудовлетворительный с бельгийской точки зрения, и который поэтому был назван народом "Intercursus Malus". Новый король Испании умер в том же году в Бургосе, в значительной степени утратив популярность, которой он так пользовался в течение первой части своего правления.

Последовавший за этим кризис был не таким серьезным, как в 1477 году, но был очень похож на него. Заявляя о своей дружбе с юным принцем Карлом Люксембургским, которому тогда было всего шесть лет, Людовик XII заручился поддержкой Эрарда де ла Марка, епископа Льежского, и попытался повлиять на города, чтобы исключить Максимилиана из регентства. Однако под угрозой французских амбиций Генеральные штаты заняли ту же линию, что и после смерти Карла Смелого, и направили депутацию в Германию. Император выбрал свою дочь Маргариту Австрийскую, тетю Карла, для управления Нидерландами. Эта принцесса не забыла оскорбление, нанесенное ей в юности: при первой помолвке с Карлом VIII она была похищена французами и впоследствии возвращена своему отцу. Однако ее враждебность была направлена гораздо больше против Валуа, чем против Франции. Вдова Филиберта Савойского, она была типичной великой принцессой эпохи Возрождения и сочетала в себе большой интерес к искусству и литературе с большой дипломатической проницательностью. В течение двадцати трех лет, что она правила Бельгией, она оставалась иностранкой для народа. Она не знала ни фламандского, ни немецкого, и ее культура, а также ее окружение оставались полностью французскими. Преданная своему племяннику, ее первой целью было продвижение его династических интересов, но, будучи очень независимой от своего отца, австрийскую политику которого ей несколько раз удавалось сдерживать, она была достаточно умна, чтобы понимать, что интересы Чарльза в то время были также интересами Нидерландов. Таким образом, ее правление установило баланс между габсбургскими и династическими тенденциями. Живя уединенной жизнью в своем дворце в Малине и не принимая участия в столь дорогих сердцу народа празднествах, она управляла Нидерландами без сочувствия, но с достаточной мудростью, чтобы ее способности неоднократно признавались как народом, так и знатью.

Это вскоре стало очевидным в течение первого года ее правления. Ей пришлось бороться с подозрениями бельгийской знати во главе с Гийомом де Кроем, сеньором Кьевра, которого Филипп назначил губернатором, покидая страну. Жители Гента снова забеспокоились, в то время как из-за интриг Людовика XII Роберт де ла Марк и герцог Гелдер вызвали серьезные беспорядки в Люксембурге и на Севере. Генеральные штаты, со своей стороны, требовали мира. Приказав взимать налог на военные нужды, несмотря на противодействие штатов, Маргарите удалось заключить с Францией Камбрский мирный договор. Это вызвало большое удовлетворение по всей стране. Кьевреса отозвали ко двору, где он выступал в качестве

наставника принца. Опять же, в 1513 году Маргарите, которая была одним из главных агентов Лиги против Франции, в которую, помимо императора, входили папа римский, король Арагона и король Англии, удалось сохранить нейтралитет Нидерландов, которые, хотя и выиграли от победы союзников при Гвинегате и взятия Турне, не пострадали от военных действий.

Противостояние между Къевром и губернатором, тем не менее, было постоянным. Она была озлоблена проектом брака между Чарльзом и принцессой Марией Английской, который Маргарет продвигала по династическим соображениям и которому Къевр противился, опасаясь оттолкнуть Францию. Таким образом, примирение, состоявшееся в 1514 году между Людовиком XII и Генрихом VIII, и последовавший за этим брак французского короля с сестрой английского короля Марией были большим разочарованием для Маргарет. Къевр воспользовался своим преимуществом, отдалив Максимилиана от его дочери и призвав Генеральные штаты потребовать освобождения Карла, которое в конце концов было предоставлено императором за денежное вознаграждение. Маргарет, которую держали в неведении об этих интригах, хотя и была глубоко уязвлена в своей гордости, не могла ничего поделать, кроме как принять свершившийся факт.

ВОСШЕСТВИЕ На ПРЕСТОЛ КАРЛА V

Восшествие на престол Карла, состоявшееся 5 января 1515 года, стало триумфом Къевра. Ситуация была в точности похожа на ту, которая царила, когда к власти пришел Филипп Красивый. Молодость принца, который, как и его отец, получил бельгийское образование и не знал немецкого и испанского языков, его почитание Къевра и дружба с его бельгийскими советниками привели к возвращению к чисто национальной политике, исключаяющей любые династические тенденции. Все иностранцы были исключены из Совета, доверенные лица Маргариты и Максимилиана попали под подозрение, и произошло сближение с Франциском I французским. С Генрихом VIII был подписан новый торговый договор, благоприятствовавший в то же время отношениям с Англией.

Эта политика не изменилась, когда в 1516 году, после смерти Фердинанда и из-за неспособности Хуаны стать его преемницей, Карл принял титул короля Испании. Вместо того чтобы противодействовать интригам Франциска I и его притязаниям на Неаполитанское королевство военными мерами, Карл, все еще стремившийся поддерживать мир с Францией, заключил Нуайонский мирный договор, и ему удалось убедить Максимилиана согласиться на этот договор, несмотря на противодействие Англии. Несколько месяцев спустя молодой король и его бельгийские придворные отбыли в Испанию (1517), а Карл тем временем согласился стать кандидатом на престол империи.

карл V.

С современной гравюры.

маргарита Австрийская.

С картины Ван Орли (1493-1542).

[Увеличить изображение](#)

Эти события должны были вызвать такую же реакцию на династическую политику, которая была спровоцирована восшествием Филиппа Красивого на трон Испании. Бельгия снова потеряла своего национального принца, и ее интересы были принесены в жертву иностранным амбициям. Но Карл был настолько бельгийцем в своих симпатиях и вкусах, что ему, тем не менее, удалось сохранить дружбу бельгийской знати. Испанские почести и титулы были осыпаны Кьевром, Лаленом, Кроем, Нассау и другими городами, к большому неудовольствию испанцев, которые не испытывали ничего, кроме презрения к буйным манерам бельгийской знати. Между Кьевром и Маргаритой было достигнуто примирение, которое после смерти Максимилиана (1519) усердно добивалось назначения Карла императором. Его избрание шумно праздновалось в Брюсселе и по всей стране, поскольку люди, восхищенные честью, оказанной их принцу, не понимали, что отныне их страна обречена быть потерянной и заброшенной среди огромных владений Карла. Это правда, что сюзеренитет Империи был чисто номинальным, но узы, связывающие судьбу Бельгии с Испанией, были намного прочнее, и страна постепенно приобрела ситуацию, описанную выше: она стала передовым пунктом на Севере испанской державы, что было едва ли не худшим положением, которое она могла занять на карте Европы, будучи отрезанной от Испании и изолированной среди своих противников.

МАДРИДСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

Это, однако, еще не было очевидно, и заверения в дружбе молодого императора, заявившего в 1520 году Генеральным штатам, что его сердце всегда было "par deça" (в Нидерландах), вместе с его военными успехами, которые привели к подписанию Мадридского мирного договора (1525), были расценены как счастливое предзнаменование на будущее. По этому договору Франциск I отказался от всякого суверенитета над Артуа и Фландрией, а также от всех прав на Турне.

Казалось, что в своем сочувствии к своим бельгийским провинциям император был более дальновиден, чем его подданные, поскольку мы знаем, что в 1527 году он вынашивал идею превратить Нидерланды в отдельное королевство. Если бы этот проект был реализован,

независимость Бельгии могла бы быть сохранена. Но само процветание Нидерландов сделало такую реализацию невозможной. Остро нуждаясь в деньгах для своих военных экспедиций, император не мог сознательно пожертвовать своим основным источником дохода — налогами, предоставляемыми Генеральными штатами, и займами, полученными в Антверпене.

С 1522 года Маргарет снова заняла пост губернатора, на этот раз в полном согласии с бельгийской знатью. С этой даты и до конца восемнадцатого века, за единственным исключением короткого правления Альберта и Изабеллы, Бельгией управляли не ее законные принцы, а губернаторы, большинство из которых не обладали властью или инициативой и подчинялись приказам, полученным из центрального офиса. Чарльз провел в стране всего десять лет, пока не отрекся от престола в 1555 году. Филипп II появлялся лишь на короткое время, и до Иосифа II ни один из правителей, отвечавших за правительство, не проявлял достаточного интереса к благополучию своих бельгийских подданных, чтобы посещать провинции.

Маргарет, однако, сохранила большую степень независимости и преуспела в обуздании воли своего племянника в высших интересах Нидерландов, как она обуздавала волю своего отца. Когда в 1528 году снова разразилась война между императором и англо-французской коалицией, ей удалось сохранить торговлю с Англией. Точно так же она постоянно выступала против проекта Карла помочь его родственнику, датскому королю Кристиану II, отвоевать свой трон, поскольку такая политика разрушила бы бельгийскую торговлю с Данией и ганзейскими городами. Наконец, в 1529 году ей удалось заключить Камбре мирный договор, положения которого носят отпечаток подлинно национальной политики. Карл отказался от всех притязаний на Бургундию, в то время как Франциск отказался от всех притязаний на Нидерланды и признал суверенитет Карла над Артуа, Фландрией, Камбре и Турне. Побудив двух соперников признать сложившееся положение и отказаться от древних династических притязаний на владения друг друга, Маргарита надеялась обеспечить длительный мир на благо Нидерландов. Окончательный отказ Франции от ее прав на свои старые феоды должен был также укрепить бельгийское единство, поскольку связь, связывающая провинции с Империей, была чисто номинальной. Таким образом, после семисотлетней борьбы Западные Нидерланды были окончательно отделены от Франции. Чтобы отпраздновать это событие, Ланселот Блондил спроектировал монументальную каминную доску из резного дерева, которой до сих пор можно любоваться во Дворце правосудия Брюгге, где император-победитель изображен с одной стороны Фердинандом и Изабеллой, а с другой - Максимилианом и Марией Бургундскими, его предками по материнской и отцовской линиям.

СМЕРТЬ МАРГАРИТЫ АВСТРИЙСКОЙ

Маргарита Австрийская умерла в 1530 году в своем дворце в Малине "без всякого сожаления, если не считать того, что ее племянник был лишен присутствия". В своем последнем письме Карлу она утверждает, что под ее правлением Нидерланды значительно расширились, и выражает желание получить за свою работу божественную награду, благодарность своего государя и добрую волю его подданных. Она произносит последнюю рекомендацию, которая показывает, насколько бельгийский народ сохранил бургундскую традицию. Она убеждает Карла не упразднить название Бургундии, а оставить титул своему преемнику в Нидерландах.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

После смерти Маргариты политика императора стала полностью независимой. Хотя он был поглощен делами Империи, дальними военными экспедициями и повторяющейся войной с Францией, он сумел уделить большое внимание Нидерландам и в последние годы своего правления, с 1544 по 1555 год, почти не покидал страну. Нидерланды были гораздо важнее для правителя Германии, Испании и половины Нового Света, чем можно предположить по их фактическим размерам. Они не только обеспечивали один из основных источников его доходов, но и их центральное положение позволяло ему сравнительно легко добираться до различных частей своей Империи, где его присутствие могло стать необходимым.

Разрозненные владения Карла V трудно сравнить с однородными владениями Карла Великого, которые простирались по всей Западной Европе, но, тем не менее, мы можем заметить, что в обеих империях Нидерландам было позволено играть роль, непропорциональную их размеру и населению. Хотя Франция оставалась в руках его соперника, великий император эпохи Возрождения, как и великий император Средневековья, был вынужден делить свое внимание между Востоком и Западом, и Брюсселю было позволено играть роль, подобную роли Экс-ла-Шапель. Примечательно, что во время отречения Карла V от престола этот город был выбран предпочтительнее Мадрида или Вены в качестве места проведения церемонии.

Вторая часть правления Карла V характеризуется завершением деятельности бургундских герцогов, когда семнадцать провинций были окончательно подчинены одному правлению. В то же время последнее местное сопротивление было безжалостно подавлено, и политическая централизация была полностью установлена.

МАРГАРИТА ВЕНГЕРСКАЯ

Мария Венгерская, сестра Карла V, избранная им преемницей Маргариты Австрийской, не пользовалась независимостью своей предшественницы. Она ограничилась точным выполнением полученных инструкций, даже ценой своей популярности. Император назначил ее в Брюссель в 1531 году. Ранее папа освободил его от присяги во время Радостного вступления в Брабант и приступил к укреплению Центрального правительства путем создания трех вспомогательных советов и провозглашения Бессрочного эдикта, устанавливающего общую конституцию для всех провинций Нидерландов. После его отъезда Мария сразу же столкнулась с военными трудностями. Кристиан II, которого Маргарита больше не сдерживала, сосредоточил войска в Голландии, чтобы напасть на Фридриха Гольштейнского. Его нарушение нейтралитета Нидерландов вызвало репрессии против голландского торгового флота, но Антверпен и Брюссель отказались вести войну в его защиту. Благодаря смерти Гольштейна Марии удалось заключить удовлетворительный мирный договор с Данией в Генте (1533). Сопротивление Генеральных штатов и городов воинственной политике Карла вызвало еще больше проблем, когда в 1536 году возобновились военные действия между двумя соперниками. Напрасно Мария пыталась добиться нейтрализации Нидерландов, напрасно она предлагала свою отставку. Несмотря на серьезные неудачи, император сохранил свою позицию, в то время как Генеральные штаты заявили, "что они недостаточно богаты, чтобы помочь ему завоевать Францию и Италию". Их сопротивление было подавлено только тогда,

когда в 1537 году французские армии вторглись в Нидерланды. Под этой угрозой они проголосовали за налоги и организовали сопротивление. Французский король, разочаровавшись в своих надеждах, подписал Ниццкое перемирие 1538 года.

Восстание в Генте, вспыхнувшее в следующем году, следует рассматривать как последнюю попытку городов сохранить свои старые привилегии. В последний раз Коммуна подняла голову, чтобы бросить вызов центральной власти. Несмотря на Кадзандский мир, Генту удалось сохранить привилегированное положение в государстве, и многие популярные лидеры с тревогой наблюдали за прогрессом, достигнутым в 1531 году благодаря централизаторским тенденциям. Помимо защиты местных свобод, целью революционеров было восстановление положения старых корпораций, которому непосредственно угрожали экономические преобразования современного режима. В новых условиях "хозяевам" удалось обогатиться, но "компаньоны" и подмастерья утратили все преимущества старой корпоративной системы. Беспорядки, вызванные нестабильными условиями труда, уже имели место в Буа-ле-Дюке (1525) и Брюсселе (1532). Однако в Генте движение приобрело более угрожающие масштабы: магистраты были подавлены толпой, а рабочие взяли руководство делами в свои руки. Карл, получивший от Франциска I разрешение пересечь Францию с армией, приговорил к пыткам большинство лидеров движения, отменил все привилегии города "каролинской концессией" (1540) и даже приказал снять с крюка хорошо известный колокол "Роланд". Это последнее наказание осталось в памяти народа как символ глубочайшего унижения, которое могло быть нанесено любому городу.

ВЕНЛОО - СКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

Как только Карл отправился в свою экспедицию в Алжир, Нидерланды снова подверглись нападкам его врагов, включая Франциска I, короля Дании, и герцога Клевского, унаследовавшего графство Гелдер. На этот раз Марию решительно поддержали Генеральные штаты, и ей удалось отразить нападения с обеих сторон до возвращения императора (1543). Последний воспользовался возможностью, предоставленной ему быстрой победой, чтобы раз и навсегда решить вопрос о Гелдере с помощью Венлоо-мирного договора. Герцог Клевский был вынужден отказаться от всех прав на Гелдер и Зутфен, которые стали неотъемлемыми частями Нидерландов. Это был последний акт работы по объединению территорий, проводимой герцогами Бургундскими. В то же время, чтобы защитить Нидерланды от нападений франции, Карл V укрепил три города Мариенбург, Шарлемон и Филиппвиль, названные в честь Марии Венгерской, самого Карла и его сына Филиппа.

Таким образом, наконец, Нидерланды извлекли некоторую выгоду из постоянных расходов, которые им приходилось нести из-за непрекращающихся европейских войн. Они больше не могли проводить независимую политику, и, если Штаты сохранили определенную свободу, то это было главным образом потому, что их можно было заставить проголосовать за военные налоги, которые были, так сказать, выкупом, который так называемые "свободные" Нидерланды выплачивали своему правителю. Во времена юности Карла почти все доходы государства поступали из владений принца, но к концу его правления поборы, взимаемые с народа, становились все более тяжелыми и частыми. Годовой бюджет вырос с одного миллиона фунтов стерлингов в 1541 году до двух с половиной миллионов в 1542 году и шести с половиной миллионов в 1555 году. К этим ежегодным взносам мы должны добавить многочисленные займы, привлеченные правительством под залог провинций. Проценты по этим займам

тяжелым бременем ложились на бюджет. В 1552 году он составлял 141 300 фунтов стерлингов, в 1555 году - 424 765 фунтов стерлингов, а в 1556 году вырос до 1 357 287 фунтов стерлингов. Фактически Генеральные штаты могли взимать налоги, но не контролировать расходы, так что большая часть денег, собранных в Нидерландах, была потрачена на зарубежные экспедиции, от которых страна не могла извлечь никакой пользы. Вплоть до 1552 года, когда золото из Мексики и Перу прибыло в Испанию, Нидерланды оставались основным источником дохода императора.

С аннексией Турнейсиса, Фрисландии, Утрехта, Гелдера и Зютфена и установлением протектората над князем-епископством Льеж, которое при Эрарде де ла Марке (1506-38) окончательно приняло габсбургский контроль, объединение Нидерландов было завершено. Все еще оставалось придать стране ее определенный статус. Благодаря Мадридскому и Камбре договорам все связи с Францией были разорваны, но рейхстаг несколько раз пытался возродить номинальные права Империи на Нидерланды и заставить провинции платить имперский налог. Император, предвидя, что его сын может не наследовать ему в Германии, вовсе не стремился поощрять подобные притязания. Напротив, он по своей собственной воле освободил Нидерланды от имперского налога и стремился сделать их суверенной страной, присоединенной к Испании, которая должна была остаться наследием семьи Габсбургов. Мы далеки от того времени, когда он вынашивал предложение о создании отдельного королевства в Нидерландах под влиянием своих бургундских советников, и хотя это предложение повторялось в 1539 и 1544 годах, связанных с проектом брака дочери императора с французским принцем, искренность предложений императора в то время, безусловно, может быть поставлена под сомнение.

АУГСБУРГСКАЯ СДЕЛКА

Победа при Мюльберге (1547) предоставила Карлу прекрасную возможность окончательно урегулировать положение Нидерландов по отношению к империи. Вынужденный подчиниться, рейхстаг с готовностью признал Аугсбургскую сделку (1548 г.), по которой Нидерланды стали "бургундским кругом", находящимся под защитой Империи, и чей суверен был представлен в рейхстаге. Круг обязался выплачивать небольшую субсидию, но был полностью независим от имперской юрисдикции и имперских законов. Фактически, это было независимое суверенное государство, которое пользовалось военной защитой Империи без каких-либо обязательств с ее стороны, поскольку у императора не было средств обеспечить уплату налога в случае отказа.

Аугсбургская сделка была завершена в 1549 году Прагматической санкцией, которая объединила наследственные права всех провинций. Этот новый эдикт ознаменовал новый этап в работе по централизации, закрепив наследование всех провинций за одним и тем же князем. Таким образом, из двух существенных характеристик современных государств, единства и независимости, первая была практически достигнута; однако вторая еще не была в пределах видимости. Характерно для статуса Бельгии, установленного Карлом V, что этот период консолидации знаменует окончательный распад бургундской традиции. Принцип национальности, который так ясно проявил себя при Филиппе Красивом и в начале правления Карла V, был окончательно побежден, и в течение двух с половиной столетий династическому принципу Габсбургов было суждено определять судьбу страны.

В том же году, когда была подписана Прагматическая санкция, принц Филипп посетил Нидерланды. Внешность молодого принца и его образование полностью отличались от

образования его отца и деда. Его звали бургундец. Он не знал ни слова по-фламандски и с большим трудом говорил только по-французски. Все его манеры, все его взгляды были манерами испанского аристократа, и бельгийским дворянам и знати, которые познакомились с ним, не потребовалось много времени, чтобы понять, что их будущий правитель навсегда останется иностранцем в стране.

Неспособность Филиппа добиться титула римского короля еще больше укрепила узы, связывавшие Бельгию с Испанией. Его брак с английской королевой Марией, возможно, восстановил бы более здоровый баланс между Югом и Севером к большей пользе Нидерландов, но этот союз был лишь эпизодом в жизни Филиппа, и он, возможно, был более чужд Англии, чем Бельгии, поскольку в бывшей стране он не испытывал никакой сентиментальной привязанности к своей семье.

ОТРЕЧЕНИЕ КАРЛА V ОТ ПРЕСТОЛА

25 октября 1555 года император, страдавший от слабого здоровья и желавший провести свои последние годы в уединении, созвал Генеральные штаты в Брюсселе и торжественно отрекся от власти в пользу своего сына. В своей речи он напомнил о церемонии своего восшествия на престол, которая состоялась сорок лет назад в том же зале, и, кратко описав войны и борьбу своего правления и опасности, которым он подвергался, он рекомендовал своего сына своим подданным, призывая их сохранять единство, отстаивать справедливость и бороться с ересью. В конце своей речи он попросил прощения за совершенные им проступки и был не в состоянии контролировать свои чувства. "Если я плачу, джентльмены, - заключил он, - не думайте, что это потому, что я сожалею о суверенной власти, от которой отказываюсь; это потому, что я вынужден покинуть страну своего рождения и расстаться с такими вассалами, какие были у меня здесь". Его эмоции разделяли бельгийские представители, которые понимали, что, какой бы вред великий император ни причинил своим любимым провинциям, Бельгия, тем не менее, несколько раз находила в нем некоторое сочувствие и понимание. Расставаясь с ним, они, возможно, предвидели, что расстанутся со своим последним естественным и национальным князем. Это чувство только усилилось, когда Чарльз, повернувшись к своему сыну, обратился к нему по-испански, и когда последний в своем ответе на обращение Генеральных штатов извинился за то, что не может говорить с ними по-французски.

Бургундские герцоги пытались превратить Бельгию в современное централизованное государство с общими институтами, постоянной армией, лояльным дворянством и послушными генеральными штатами. Эта часть их работы увенчалась успехом, и знаменательно, что слово "patrie" стало использоваться бельгийскими писателями ближе к середине шестнадцатого века. Но герцоги также проводили независимую политику, свободную от какого-либо иностранного влияния и вдохновляемую интересами страны, поскольку процветание страны было условием их собственного благополучия и стабильности их династии. Эта часть их работы постепенно разрушалась. С тех пор Бельгией управляли не из Брюгге и не из Брюсселя, а из отдаленных столиц, а также министрами и советниками, совершенно незнакомыми с ее экономическими интересами и социальными устремлениями и безразличными к ним.

АНТВЕРПЕН

Экономическое и социальное развитие, сопровождавшее политические преобразования, свидетелями которых мы только что стали, полностью зависело от удивительного процветания города Антверпен. Последний стал в первой половине шестнадцатого века первым рынком и первым банковским центром в мире. Ибо торговля, ограниченная в течение двух предыдущих столетий Европой, теперь распространилась на Новый Свет, и атлантический путь с тех пор играл все более важную роль. Те же причины, которые привели к упадку Венеции, были непосредственными причинами роста Антверпена. Это правда, что Брюгге занимал аналогичное положение на карте и из чисто европейского рынка мог бы превратиться в мировую метрополию. Мы видели, что заиливание реки Цвин не только объясняло быстрый упадок фламандского города, и что консерватизм гильдий и корпораций, их привязанность к своим старым привилегиям и пренебрежение современными тенденциями были главными причинами его падения. В 1513 году Дамме и Слуде частично лежали в руинах, а в середине века целые кварталы Брюгге лишились своих жителей, в то время как более семи тысяч обездоленных зависели от благотворительности. Свободный от средневековых традиций и пользующийся преимуществами более глубокой и доступной гавани, Антверпен был обязан сохранить наследие своего бывшего конкурента и добавить к нему процветание, полученное от открытия новых рынков и быстрого расширения круга торговой деятельности в эпоху Возрождения.

В отличие от Брюгге, Антверпен характеризует современные капиталистические тенденции, основанные на свободе торговли и индивидуальной инициативе. Преимущества, которыми пользовались иностранцы в новой метрополии, постепенно привлекли к ней могущественные компании испанских, английских и немецких купцов, чье присутствие было столь необходимо на рынке, где большая часть импортируемых товаров реэкспортировалась в отдаленные страны. Флорентинец Гвиччардини, проживавший в Нидерландах с 1542 по 1589 год, описывает Антверпен как "превосходный и знаменитый город", куда ежегодно прибывают товары на сумму 30 000 000 флоринов и в котором совершаются обменные операции на сумму 40 000 000 дукатов. Из 100 000 его жителей от 10 000 до 15 000 были иностранцами. Здесь было 13 500 "красивых, приятных и просторных" домов, а арендная плата варьировалась от 200 до 500 экю в год. Жители "хорошо и пестро одеты; их дома в хорошем состоянии, в хорошем порядке и обставлены всевозможными предметами домашнего обихода. Воздух в стране густой и влажный, но он полезен для здоровья и способствует аппетиту и плодovitости людей". В своем описании он настаивает на изобильной жизни, которую ведут богатые буржуа большого города.

Упадок суконной промышленности, вызванный развитием английского ткачества, не сильно повлиял на процветание Антверпена, поскольку он извлекал выгоду из импорта английской ткани, которая поступала в его доки в грубом виде и была окрашена и подготовлена местными ремесленниками. Кроме того, городская промышленность во Фландрии и Брабанте была в значительной степени заменена сельской промышленностью. Предприниматели находили в сельских районах дешевую рабочую силу, которая была необходима из-за иностранной конкуренции, и на сотню рабочих, потерявших работу в городах, приходились тысячи ткачей, готовых перерабатывать сырье, предоставленное им торговцами. Ленная промышленность, которая все больше и больше занимала лидирующие позиции, набирала рабочую силу таким

же образом не только во Фландрии, но и в Брабанте, Голландии и Эно. Лен в стране давал превосходное сырье, особенно в регионе Лис, вода которого была особенно пригодна для замачивания. В 1530 году Англия закупила у Фландрии льна на сумму 100 000 марок в течение года. Вскоре возникла необходимость импортировать лен из России.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОЦВЕТЕНИЕ

Развитие гобеленового производства также способствовало заполнению пробела, вызванного упадком сукноделия. Из Арраса, где он процветал с одиннадцатого века, в пятнадцатом веке он распространился на регионы Аlost, Ауденард, Энгиен, Турне и Брюссель, а в шестнадцатом - на регионы Бинш, Ат, Лилль, Лувен и Гент. Нидерланды особенно подходили для этой отрасли промышленности благодаря совершенству методов окрашивания и большому количеству художников и рисовальщиков, способных обеспечить рабочих красивыми рисунками. Здесь, опять же, большинство ремесленников были сельскими жителями, несмотря на сопротивление старых корпораций. В 1539 году в окрестностях Ауденарде этой работой было занято около четырнадцати тысяч мужчин, женщин и детей.

Пострадал даже регион Мааса. Помимо огромной гидравлической мощности своих быстрых потоков, он обладал минеральными ресурсами. В начале правления Карла V в Намура было установлено огромное количество кузниц и доменных печей, отапливаемых дровами. По словам Гвиччардини, "постоянно происходиликовка, выплавка и отпуск в стольких печах, среди стольких языков пламени, искр и такого количества дыма, что казалось, будто находишься в раскаленных кузницах Вулкана". Такое описание не следует понимать слишком буквально, и зарождение металлургической промышленности в южных провинциях действительно было очень скромным по сравнению с нынешними условиями. Но даже тогда проводилось четкое различие между работодателями, обычно какими-нибудь богатыми городскими буржуа, у которых были средства для создания этих эмбриональных фабрик, и сельским населением, нанятым для их обработки. В то время как развивались эти новые условия, корпорации Динана, которые долгое время монополизировали медную промышленность, быстро исчезали, отчасти из-за трудностей с получением сырья с рудников Морснета, но главным образом из-за протекционистского духа гильдий, которые не желали приспособливаться к современным потребностям. В тот же период значение угольной промышленности в Льежском округе росло, а использование угля распространялось от внутреннего потребления до металлургии. К концу шестнадцатого века все поверхностные пласты, которые можно было разрабатывать с помощью наклонных плоскостей, были практически исчерпаны, и было сочтено необходимым прибегнуть к взрывным работам и проходке шурфов, чтобы добраться до нижних слоев. Льежская буржуазия выделила необходимые средства для этого нововведения, которое они предприняли первыми в Европе, так что новая промышленность вскоре приобрела тот же капиталистический характер, который мы заметили в металлургии, производстве гобеленов и текстиля.

СЕЛЬСКИЕ УСЛОВИЯ

Хотя положение крестьянства было очень зажиточным и методы ведения сельского хозяйства улучшились, увеличение крупной собственности за счет вложения в землю денег, приобретенных торговлей и промышленностью, способствовало развитию большого класса

сельскохозяйственных рабочих, положение которых неблагоприятно контрастировало с положением крупных арендаторов и мелких фермеров.

Во всех отраслях экономической деятельности современные методы быстро вытесняли средневековые условия. С общей точки зрения процветания страны, перемены были благотворными, и принцы проявили мудрость, поддержав их. Возврат к узким правилам и цеховым монополиям четырнадцатого века оказался бы столь же фатальным в пятнадцатом, как и возврат к феодальной системе в тринадцатом. Князья поддерживали богатых торговцев и работодателей в эпоху Возрождения, как они поддерживали Коммуны в двенадцатом веке. Корпоративная система, которая в то время оказалась благом, стала препятствием для свободной деятельности и инициативы, и поэтому от нее пришлось пожертвовать. Но в то же время формирование большого класса неорганизованных сельских рабочих, у которых не было средств защитить себя от безжалостной эксплуатации своих работодателей, неизбежно должно было стать причиной социальных волнений. Именно среди этих необразованных масс анабаптисты набрали большинство своих последователей, а промышленное население вокруг Хондшута и Армантьера предоставило первые банды иконоборцев, чьи эксцессы внесли такой вклад в запутывание вопроса о революции против Испании. Современная монархия, поддерживавшая новый порядок вещей, стала козлом отпущения недовольных, а страдающие и раздраженные люди больше не могли различать зло, вызванное безудержным капитализмом, и добро, проистекающее из организации сильно централизованного государства.

ГУМАНИЗМ

Антверпен был не только центром экономической активности Нидерландов, но и еще в 1518 году он стал колыбелью лютеранства. Нет нужды напоминать здесь, как доктрины Мартина Лютера, родившегося в Германской империи, постепенно распространились по Северной Европе, и как его критика морали духовенства породила критику догм римско-католической религии. До сих пор подобные движения, такие как те, что были начаты в Нидерландах Жераром де Бронем и "Нищими" в средние века, а в прошлом столетии - Жераром де Гроотом, основателем "Братьев общей жизни", ограничивались борьбой с церковными излишествами, оставаясь ортодоксальными в том, что касалось догм. Теперь принцип свободного индивидуализма был перенесен из экономической сферы в религиозную, а капиталистическая инициатива и свобода торговли нашли соответствующее выражение в свободном толковании Библии. Движение было подготовлено и, в определенной степени, получило поддержку благодаря просветительской деятельности Братьев общей жизни, которые, хотя и оставались строго верными Церкви, тем не менее заменили в своих школах светское преподавание. Интересно отметить, что как гуманизм, представленный его величайшим мастером Эразмом, так и искусство книгопечатания, представленное Тьерри Мартенсом и Жаном Вельденером, которые были его основателями в Алосте и Лувене, были тесно связаны с образовательным движением, продвигаемым Братями. Сначала Эразм учился в Девентере. Необычайный успех его *Адажиу*, опубликованной в 1500 году, и его ранних работ, написанных под влиянием Томаса Мора (с которым он познакомился во время своего пребывания в Англии в качестве протестанта лорда Маунтджоя), кажется, безусловно, странным, учитывая непреклонную позицию Карла V по отношению к лютеранству. Но гуманизм вошел в моду в высших аристократических и церковных кругах, и ни молодой император, ни его правительница Мария Венгерская не

скрывали своего интереса к этому движению. Это правда, что Эразм пытался примирить христианские догмы с новой философией, вдохновленной классиками, но его нападки на аскетизм, безбрачие священников и суеверия и невежество монахов, безусловно, не были бы терпимы, если бы они влияли на общественную жизнь в целом. Ситуация в начале пятнадцатого века среди интеллектуалов и аристократов была во многом такой же, как та, которая царила при дворах Франции, Пруссии и России в конце восемнадцатого века. Принцы и дворяне оказывали Вольтеру подобные услуги и по тем же причинам. Пока их положению в государстве ничего не угрожало, они поощряли доктрины и интеллектуальные занятия, которые, помимо того, что давали им новые интересы и отвлекали, в определенной степени оправдывали распущенность их морали. Но, какими бы ни были их личные убеждения, их отношение должно было полностью измениться, как только доктрина была принята простыми людьми и когда привилегии Церкви и государства, столь тесно связанные друг с другом, начали подвергаться сомнению массами. О том, что политика Карла V была продиктована не только его любовью к Церкви, свидетельствует тот факт, что за несколько лет до этого он подчинил Буллу папы своим "обязанностям", принял меры по ограничению смертной казни (которая освобождала церковную собственность от налогообложения) и получил право назначать епископов.

АНАБАПТИСТЫ

Следует признать, что по мере распространения новых доктрин от аристократии к народу они принимали все более экстремальный характер. Первый шаг в этом направлении было сделано лютеранством, чьи нападки на догмы были гораздо более точными и категоричными, чем у гуманистов. Однако в Нидерландах лютеранство в начале шестнадцатого века все еще было терпимым. В основном оно затронуло нескольких дворян и ряд богатых буржуа. Церковь и государство, по их мнению, были отдельными образованиями, и можно было оставаться абсолютно лояльным князю, отрицая власть папы римского. Другими словами, они исповедовали принцип свободы совести и, сохраняя право отделиться от господствующей Церкви, не предпринимали никаких попыток навязать свои теории каким-либо невольным новообращенным. Первый "плакат", изданный против них императором, был чрезвычайно суровым по выражению, поскольку приговаривал всех еретиков к смертной казни, но применялся очень мягко. Мужчины должны были погибнуть от меча, женщины - быть похоронены заживо, а отрекшиеся - сожжены. Но бельгийские епископы не пожелали осудить лютеран и передать их в руки светских властей. Под влиянием своих испанских советников, некоторые из которых были инициаторами создания испанской инквизиции, Карл в 1523 году передал право судебного преследования от епископов трем специальным инквизиторам, обладающим всеми полномочиями. Первые казни были слишком редки, чтобы произвести впечатление на общественное сознание в эпоху, когда подобные зрелища были столь часты по другим причинам, а "плакаты", получившие санкцию Генеральных штатов, не вызвали особого сопротивления. Новый этап был достигнут в 1530 году появлением анабаптизма, который распространился из Мюнстера в Голландию и Гелдер. Мельхиор Гофман, лидер этого движения, утверждал, что основал царство небесное с помощью меча. Он приводил в ярость бедных людей подстрекательскими речами, в которых призывал их установить новый режим братства на руинах старого мира. Их триумфом станет "день возмездия". Его успех среди моряков и сельскохозяйственных рабочих Севера, перенесших большие страдания в новых экономических условиях и из-за войны с Данией, был очень быстрым и должен был послужить предупреждением правящим классам. Анабаптисты не делали никакого различия между Церковью и государством, как лютеране, и не разделяли идею свободы совести. Они были

такими же экстремистами по своим взглядам, как испанские инквизиторы. Они намеревались навязать свои социальные и мистические доктрины сопротивляющемуся населению и призвали к открытой революции. В борьбе с ними правительство пользовалось поддержкой подавляющего большинства населения, и после падения Мюнстера эта опасность была на время предотвращена.

КАЛЬВИНИСТЫ

Однако несколько лет спустя кальвинизм, распространяемый замаскированными швейцарскими и французскими проповедниками, начал добиваться значительного прогресса среди сельского населения Западных и северных провинций. Кальвинисты, как и анабаптисты, не верили в свободу совести. Они противопоставили фанатизму испанской инквизиции фанатизм реформаторов и начали борьбу без всякой идеи примирения. Они распространяли тайно напечатанные сатирические памфлеты, в которых Церковь и двор были грубо карикатурны, а их отвращение к поклонению Деве Марии и Святым выродилось в богохульство и святотатство. Они не пользовались большой популярностью среди образованных классов, но обратили в свою веру многих недовольных пролетариев, которые вели очень жалкую жизнь по соседству с наиболее важными промышленными центрами. Чтобы противодействовать этой пропаганде, Карл в 1550 году издал новый "плакат", который запрещал печатание, продажу или покупку реформистских брошюр, а также любое публичное или частное обсуждение религиозных вопросов. Даже просить прощения за еретика или воздерживаться от доноса на него считалось преступлением, наказуемым смертной казнью и конфискацией имущества. Половина состояния осужденного переходила к доносчику, другая половина - государству. Только в одной четверти, в номинально независимом епископстве Льеж, где Эрард де ла Марк издал аналогичные указы, репрессии увенчались успехом. Повсюду число новых прозелитов увеличивалось вместе с числом казней, и когда император отрекся от престола, стало очевидно, что религиозной войны предотвратить невозможно. Этой войне было суждено разрушить бельгийское единство, которое только что было полностью достигнуто. Этого можно было бы избежать, если бы Бельгии было позволено справиться с кризисом Реформации со всей независимостью, в соответствии с социальными условиями того времени, как это делали другие европейские государства. По-настоящему национальный князь и правительство, без сомнения, преуспели бы в сохранении единства страны, но Бельгия больше не пользовалась преимуществом того, что ею правили национальные князья. Династические принципы Габсбургов победили бургундские традиции. Приказы исходили больше не из Брюсселя, а из Мадрида, так что к препятствиям, создаваемым религиозными различиями и классовой ненавистью, добавился ожесточенный конфликт между патриотами и иностранными правителями.

ГЛАВА XV

НИЩЕ

По несчастливому стечению обстоятельств принц, на плечах которого лежала судьба страны в грядущие критические времена, был первым с начала объединения, кто оказался совершенно

непопулярным в Нидерландах. Даже Максимилиан, который не мог приспособиться к бельгийским манерам, находил некоторую моральную поддержку в присутствии своей жены, а позже и своего сына и наследника. Но никакой связи симпатии и понимания не могло существовать между надменным и неразговорчивым испанцем и его добродушными подданными, между фанатичным воплощением автократии и свободолюбивым населением Нидерландов, так что даже личный элемент способствовал усложнению задачи правительства.

Первый визит Филиппа в 1549 году вряд ли был успешным. Его второе пребывание в стране не улучшило впечатления, которое он производил на тех, кто обращался к нему. В 1557 году король Франции Генрих II возобновил военные действия. Последовавшая кампания ознаменовалась блестящими операциями графа Эгмонта, который сначала при Сен-Кантене, а на следующий год при Гравелине нанес врагу серьезные поражения. Но, несмотря на удовлетворительные Като-Камбрезийские договоры и брак Филиппа с французской принцессой Елизаветой, что было хорошим предзнаменованием для установления мира, народ Нидерландов оставался недовольным. Им снова пришлось оплачивать расходы на войну, которая их непосредственно не касалась, и они были глубоко возмущены продолжающимся присутствием испанских войск, которые, получая нерегулярную оплату, совершали непрекращающиеся бесчинства. Несколько бельгийских депутатов довольно свободно выражали свое недовольство, призывая короля избавить их от этих "разрушительных разбойников". Филипп, уязвленный в своей гордости, уехал из Нидерландов в Испанию 25 августа 1559 года, не имея ни малейшего намерения когда-либо возвращаться.

МАРГАРИТА ПАРМСКАЯ

Он оставил после себя в качестве правительницы Маргариту Пармскую, внебрачную дочь Карла, которой не хватало ни образования, ни ума, но чья инициатива была парализована полученными ею подробными секретными инструкциями. Ей было велено не принимать никаких важных решений без совета тайного совета под названием "Консула", сформированного тремя придворными, которые были всего лишь ставленниками короля: Гранвелем, епископом Аррасским, юристом Вильюсом д'Айеттой и Шарлем де Берлаймоном. Однако сохранить такое учреждение в тайне было невозможно, и Государственный совет, функции которого были неконституционно отменены действиями Консульты, естественно, возмущился таким вмешательством. Среди наиболее видных представителей оппозиции были Вильгельм Нассауский, принц Оранский, губернатор Голландии, Зеландии и Утрехта; Ламорал, граф Эгмонтский, губернатор Фландрии и Артуа; и Филипп де Монморанси, граф Горнский, великий адмирал фламандских морей. Эти трое дворян были умеренными католиками, причем двое первых находились под сильным влиянием терпимого духа гуманизма, особенно Оранж, который, хотя и был воспитан как католик, имел отца-лютеране.

Положение духовенства также усугубилось из-за создания Филиппом в 1559 году четырнадцати новых епархий, добавленных к четырем древним епископствам Аррас, Камбре, Турне и Утрехт. Такая реформа уже была задумана Филиппом Добрым, и она не вызвала бы сопротивления, если бы епископы были назначены папой римским, как в средневековые времена. Но из-за религиозной политики Карла V теперь они были выбраны королем, и его выбор, в который входили несколько инквизиторов, подвергся резкой критике со стороны бельгийского духовенства и аббатов. Возведение парвеню Гранвелле в высший сан архиепископа Малинского в 1561 году еще больше усилило недовольство.

В том же году, уступив мольбам Маргариты, Филипп согласился вывести испанские войска. Эта мера принесла удовлетворение народу, но не успокоила недовольство знати и духовенства. По наущению Вильгельма Оранского штаты Брабант открыто поддержали Государственный совет в его противостоянии Гранвелле и Консульте. Ситуация достигла апогея из-за отказа Оранжа, Эгмонта и Хорна заседать в Совете до тех пор, пока Гранвель остается в стране. И снова Маргарита поддержала позицию своего Совета, и Филипп неохотно смирился с отзывом своего министра (1564).

ПЛАКАТЫ

Эти первые инциденты были незначительными по сравнению с кризисом, с которым столкнулось правительство из-за неукоснительного применения "плакатов" Карла V. Филипп не издавал никаких новых указов, без сомнения, считая, что указы его отца были достаточно всеобъемлющими, но они должны были неукоснительно исполняться. В своем прощальном послании Генеральным Штатам он заявил, что "смена религии не может произойти без одновременного изменения республики", и это был вопрос, по которому он не был готов идти на компромисс. Растущее число протестантов из-за продолжающейся кальвинистской пропаганды делало плакаты все более и более одиозными, а их применение практически невозможным. Сама Маргарита заявила, что "постоянные казни напрягают общественное мнение сильнее, чем страна могла выдержать". В 1565 году Государственный совет отправил Эгмонта в Испанию, чтобы умолить Филиппа смягчить свои инструкции, но, несмотря на оказанный ему вежливый прием, поездка графа осталась безрезультатной. Ужас, внушаемый инквизицией как католикам, так и протестантам, возрастал с каждым днем, а постоянная эмиграция интеллектуалов и квалифицированных рабочих в Англию вызывала значительное беспокойство.

Королева Елизавета была готова приветствовать бельгийских кальвинистов. Она назначила город Норвич главным центром их поселения. Помимо своей симпатии к последователям Реформы, она понимала, что внедрение различных отраслей промышленности беженцев в Англии, включая производство гобеленов, вероятно, окажется бесценным для этой страны. Она возмущалась экономическим соперничеством Нидерландов и несколько раз пренебрегала торговыми договорами, взимая налоги с импорта из Нидерландов и игнорируя рейды английских каперов в Северном море. Давно пора было найти средства сдерживания эмиграции.

НИЩИЕ

Несколько известных кальвинистов, в том числе Жан де Марникс и Луи Нассауский, брат Вильгельма, задумали план объединения всей знати, выступающей против политики Филиппа. Они выработали компромисс, приемлемый для обеих сторон, в котором подписавшие его стороны поклялись "защищать привилегии страны и не допускать существования инквизиции", не предпринимая ничего, "что могло бы опозорить Бога и короля". Более двух тысяч приверженцев, дворян, буржуа и священнослужителей, подписали этот документ, и 5 апреля 1556 года триста дворян подали Маргарите петицию. Регентша заверила их, что она будет использовать плакаты умеренно, ожидая приказов короля, и они, со своей стороны, пообещали сделать все возможное для поддержания общественного порядка. Два дня спустя делегаты были приглашены на банкет кальвинистом графом Койленбургским. Они явились на этот прием одетыми как нищие в грубые халаты, с кошельками и мисками в руках, и когда Бредероде,

опустошив свою миску, произнес за них тост, крик "Да здравствуют нищие!" был с энтузиазмом повторен всем собранием. Традиция гласит, что причиной такой маскировки было пренебрежительное замечание графа Берлаймона, когда дворяне предстали перед регентом в простой одежде в знак протеста против безрассудных расходов, разорявших провинции. Но медалей, отчеканенных в то время и носимых дворянами и буржуа, достаточно, чтобы объяснить этот инцидент. На одной стороне этих медалей было изображение короля, а на другой - две руки, соединенные над кошельком, с надписью: "Верен королю даже до нищенства".

"Компромисс" подразумевал свободу совести, но это оставалось открытым для толкования. Большинство подписавших считали, что последователей Реформы будут просто терпеть, а католицизм останется единственным государственным и общественным культом. Это были "Государственные попрошайки". Кальвинисты, с другой стороны, "Нищие от религии", требовали полной свободы провозглашать свою веру, "бороться с римским идолопоклонством" посредством своей пропаганды и преобразовывать институты страны. Чтобы сохранить единство двух партий в их борьбе против иностранного вмешательства, было бы необходимо убедить обе стороны занять более умеренную позицию и полностью отделить государственные дела от религиозных убеждений. Оранж пытался добиться этого результата. В то время он черпал основную поддержку у немецких лютеран, которые приняли "Religions Friede". Но лютеране были лишь небольшим меньшинством в Нидерландах по сравнению с кальвинистами, которые были в тесном контакте с французскими гугенотами. Чтобы примирить католиков и протестантов, принц попытался объединить лютеран и кальвинистов и даже вступил в переговоры с лидером кальвинистов Ги де Бре. Его усилия полностью провалились, кальвинисты заявили, что "они скорее умрут, чем станут лютеранами". С этого времени, отчасти из-за политики Филиппа по раздражению народа применением плакатов, а отчасти также из-за фанатичного отношения новой секты, Реформа вступила в новую фазу в Нидерландах. Никакие уступки со стороны правительства не удовлетворили бы экстремистов, стремящихся к полной победе или отделению.

Эти тенденции вскоре стали очевидны благодаря возвращению многих эмигрантов и увеличению числа "предсказателей" под открытым небом, которые проводили собрания, на которые стекались люди, вооруженные палками и другим оружием. Умеренность, проявленная Маргаритой, проявилась слишком поздно. Это было просто расценено как доказательство слабости и придало смелости реформаторам удвоить свои атаки.

Их задача была значительно облегчена нищетой, царившей в стране из-за плохого урожая того года и возросшей стоимости жизни, вызванной параличом многих отраслей торговли. Очень многие купцы покинули Антверпен, и только в районе Ауденарде восемь тысяч ткачей остались без работы. Церковь считалась ответственной за страдания, выпавшие на долю народа; классовая ненависть и фанатизм в сочетании сделали ее козлом отпущения за все обиды. Во Фландрии некоторые агитаторы предъявили письма, якобы скрепленные печатью короля, в которых отдавался приказ о разграблении церквей.

Внезапно, 11 августа, вооруженные банды ворвались в церкви, монастыри и обители региона Хондшут и Армантьер, разбив все статуи, разорвав картины и рукописи, а также уничтожив церковные сокровища и украшения. Движение распространилось на Ипр и Гент, разрушило кафедральный собор Антверпена и подобно урагану пронеслось над Голландией и Зеландией

только для того, чтобы остановиться во Фрисландии 6 сентября. В течение почти месяца власти Западных и Северных провинций позволяли разрушениям продолжаться, не осмеливаясь и не пытаясь остановить их. Под впечатлением, вызванным восстанием "иконоборцев", Государственный совет добился от Маргариты отмены инквизиции и разрешения протестантам проводить свои собрания публично, но без оружия и только в тех местах, где подобные собрания уже были организованы. В обмен на эти последние уступки знать распустила свою конфедерацию и занялась восстановлением порядка.

ИНКВИЗИЦИЯ

Точно так же, как инквизиция углубила пропасть между двумя партиями и усилила сопротивление последователей Реформы, эксцессы иконоборцев приводили в ярость умеренных католиков и делали объединение все более и более трудным. Граф Мансфельд, бельгийский католик, был назначен губернатором Брюсселя Маргаритой, которая взяла себя под его защиту. Очень много умеренных дворян, принявших участие в Компромиссе, сплотились вокруг правительства, и было высказано предположение, что для противодействия революционному движению было бы разумно добиться от всех дворян королевства новой присяги на верность королю. Эта мера должна была вызвать раскол. Небольшая группа знати-кальвинистов, возглавляемая братьями Марниксом, Людовиком Нассауским и Бредеродом, воздержалась от принесения присяги. Сам Оранж был вынужден своими последователями занять непримиримую позицию, хотя он еще не оставил надежды на создание союза.

ГЛАВА XVI

РАЗЛУКА

1567 год знаменует начало гражданской войны в Нидерландах. До этого дворянство и Генеральные штаты работали более или менее сообща, выступая в качестве посредников между правительством и народом. Суверенные права короля никогда не подвергались сомнению. Отныне Нидерланды должны были быть разделены на две партии, штаб-квартиры которых располагались на Юге и на Севере. Обе страны стремились сохранить свои национальные свободы и в равной степени возмущались иностранным гнетом, но, в то время как жители Северных провинций решили разорвать все связи с Испанией, жители Юга не хотели расставаться со своей национальной династией и были легко примирены, как только правительство заняло умеренную позицию; в то время как жители Севера приняли кальвинизм в качестве своей единственной государственной религии, жители Юга остались верны Римской церкви.

СЕВЕР И ЮГ

История революции шестнадцатого века в Нидерландах настолько хорошо известна, что вряд ли есть необходимость снова вспоминать здесь подробности событий. С точки зрения формирования бельгийской национальности революция имеет чрезвычайное значение, поскольку она привела к разделению Нидерландов на две отдельные национальности, которые позже стали известны как бельгийские и голландские. У большинства английских читателей,

помнящих Мотли или любое другое менее ценное произведение, вдохновленное им, создается впечатление, что если бельгийцы не придерживались той же позиции, что и голландцы, на протяжении всей борьбы против Испании, то это было либо потому, что они были ослеплены своими религиозными предрассудками, либо потому, что их патриотизм не поднялся на такую же высоту. Такое мнение вполне правдоподобно, но оно недостаточно учитывает непримиримую и эгоистичную позицию, занятую северными провинциями, политические ошибки, совершенные их лидером, и разницу между стратегической позицией и экономическими интересами революционеров на Севере и Юге страны. Поэтому, возможно, было бы полезно изучить усилия, предпринятые для достижения единства во время борьбы, и причины их провала.

Шаги, предпринятые кальвинистской знатью, которые привели к провалу попытки де Марникса захватить Антверпен (13 марта) и взятию Валансьена правительственными войсками (24 марта), вызвали бурную реакцию. Плакаты снова были приведены в исполнение, и начал распространяться слух, что Филипп отправляет герцога Альбу в Нидерланды во главе сильной армии. При этом известии более ста тысяч протестантов эмигрировали в Англию или на Север.

Однако многие жители Южной Бельгии были не в состоянии поверить в возможность безжалостных репрессий, и даже некоторые из тех, кто принимал активное участие в недавних событиях, остались в стране. Они не знали намерений герцога Альбы и инструкций, которые он получил от своего господина. "Я попытаюсь устроить дела религии в Нидерландах, - писал Филипп в то время, - если возможно, не прибегая к силе, потому что это средство означало бы полное разрушение страны, но я полон решимости использовать его, тем не менее, если я не смогу иначе устроить все так, как я хочу". Когда после двухнедельных празднеств герцог внезапно приказал арестовать графов Эгмонта и Горна (9 сентября), народ был застигнут врасплох. Несмотря на протесты Маргариты и советы папы римского и императора Максимилиана об умеренности, репрессии систематически организовывались Смутным советом, вскоре получившим название "Совета крови". Эгмонт и Хорн были казнены 5 июня, а все те, кто участвовал в агитации за Компромисс и иконоборческое движение, были арестованы. В течение трех последующих лет погибло от шести до восьми тысяч человек. Всякое сопротивление было невозможно. Только несколько банд нищих держались в лесах ("Бошгейзен") и несколько каперов действовали в Северном море ("Зигейзен"). Альба с равным успехом отразила атаки Людовика Нассауского и принца Оранского. "Народ очень доволен, - заявил он. - в мире нет народа, которым было бы легче управлять, когда знаешь, как им управлять". Новые налоги, которые он ввел в 1569 году для покрытия расходов на войну, сделали его режим еще более одиозным. Эти налоги в размере 1% на всю собственность - 5% от продажи недвижимости и 10 процентов от продажи всех товаров, были, конечно, неконституционными, и долгое время Брюссель и Лувен отказывались их выплачивать. Когда, наконец, они вступили в силу, в 1571 году, вся торговля прекратилась, и люди оказали пассивное сопротивление на фоне больших лишений и страданий. Ситуация, наконец, была исправлена смелым ударом Морских попрошайек в порту Ла-Бриэль в Зеландии. До тех пор они искали убежища в английских портах, но в 1572 году королева Елизавета закрыла для них свои порты, и захват военно-морской базы в Нидерландах стал насущной необходимостью. Взятие Ла-Бриэль, произошедшее в худшие времена испанского гнета, вызвало безграничный энтузиазм. Последовательно Флашинг, Роттердам, Схидам, а вскоре и вся Зеландия и Голландия, за исключением нескольких городов, восстали против герцога. Гугеноты были не менее активны на Юге, где Ла Нуэ захватил Валансьен и Луи Нассау-Монс (25 мая). Сам Оранж

победоносно продвигался через Гелдер к Брабанту. Эти успехи пробудили большие надежды в Южных провинциях, но, к несчастью, были омрачены резней монахов в Горкуме и другими эксцессами. Они были внезапно остановлены известием о Варфоломеевской резне, когда французские союзники Оранского были вынуждены покинуть его армию.

УСПЕХИ ПРОТЕСТАНТОВ

Отныне Голландия и Зеландия стали центром сопротивления. Эти провинции не играли важной роли в жизни Нидерландов в средние века. Их процветание произошло сравнительно недавно и в основном благодаря их торговому флоту, который доставлял в Антверпен древесину и кукурузу с Балтики, а вино - из Бордо. Их моряки отважились дойти до Мадейры и Азорских островов, а после того, как Карл V помешал им добраться до Америки южным путем, попытались найти путь в Индию северным. С начала шестнадцатого века Амстердам превратился в крупный рынок зерна, Миддлбург - в центр торговли французским вином, а верфи Вере, Гоес и Арнемюйден были одними из самых активных в Северной Европе. Приток капитала, полученный в результате торговли и судоходства, был использован для рекультивации болот, строительства новых дамб и значительного увеличения посевных площадей. Нигде больше, по словам Гвиччардини, не было такого всеобщего процветания и путешественник не встречал таких "чистых и приятных домов и такой улыбающейся и ухоженной страны". С экономической точки зрения Северные провинции только начинали ощущать преимущества своего положения, уже столь очевидные в Антверпене. Они находились, так сказать, на стадии становления и были гораздо более готовы разорвать связи традиции с неясным прошлым и броситься в какое-нибудь великое приключение, в котором они могли бы испытать свои силы.

Кроме того, они занимали более безопасное положение, чем Юг, контролируя истоки трех великих рек и прилегающих морей, среди низменных земель, которые, в качестве последнего средства, могли быть затоплены, чтобы остановить продвижение врага или отрезать ему путь к отступлению. Эта ситуация удивительно хорошо приспособилась к оборонительной стратегии на суше и агрессивной стратегии на море. Небольшое количество жителей и небольшие имеющиеся силы делали любое наступление по суше против испанских армий чрезвычайно опасным, так что южные провинции, открытые вторжению со всех сторон, были предоставлены самим себе. Так случилось, что принц Оранский, главный лидер оппозиции, будучи губернатором Голландии и Зеландии, приобрел большую популярность в стране, которая значительно возросла после его обращения в кальвинизм. Он был назначен "Стадхаудером" своих провинций и нашел большие средства для конфискации церковной собственности.

Следующая кампания (1572-1573) дает прекрасный пример прочности позиций Оранских. В конце концов ему удалось вынудить герцога снять осаду Алкмара, несмотря на его подавляющее численное превосходство и поразительные успехи, которыми было отмечено его продвижение от Малина к Зутфену, к Наардену и к Гарлему. Отступление испанцев в октябре 1573 года совпало с поражением флота у Энкхейзена. Обескураженный Альба покинул Нидерланды в декабре, и его заменил испанский аристократ Луис де Сунига-и-Рекесенс.

ЗАПРОСЫ

Филипп наконец смирился и пошел на некоторые уступки, но оставался непреклонен в отношении религии. Благодаря победе, одержанной испанцами при Муке, где погиб Людовик Нассауский, Рекесенс смог удовлетворить некоторые требования Генеральных штатов без

потери престижа. Он объявил всеобщую амнистию, отменил налоги в размере 10% и 5% и убедил Смутный совет больше не выносить смертных приговоров. Однако он не стал распускать испанские войска, и Север, отказавшись от переговоров, осадил Лейден. В 1575 году Максимилиан предложил свое посредничество, и в Бреде состоялся конгресс между представителями Филиппа и принца Оранского. Религиозный вопрос, однако, оказался камнем преткновения: Филипп сохранил католицизм в качестве единственной государственной религии, а принц потребовал гарантий в отношении сохранения свободы совести.

После смерти Рекезенса, 15 марта 1576 года, управление перешло к Государственному совету, в который вошли умеренные католики Мансфельд, Берлаймон и Виль. Они поспешили подавить Мятельный совет, но не смогли распустить испанскую армию, несмотря на настойчивые требования провинциальных штатов, из-за нехватки средств для погашения задолженности по жалованью. В начале июля несколько испанских частей заняли Аlost, который стал центром мародерских экспедиций. Эти эксцессы и растущая опасность ситуации привели к примирению между оранжевыми и бельгийской знатью, и мечта об общей стране снова стала близка к осуществлению. Штаты Брабанта объявили испанских солдат вне закона и призвали граждан к оружию. Члены Государственного совета были арестованы, а Генеральные штаты созданы. Несмотря на нерегулярность такой процедуры, все провинции прислали своих представителей, за единственным исключением Люксембурга. Филипп по-прежнему был провозглашен "суверенным лордом и законным принцем", но командование национальными войсками было передано бельгийской знати, и Оранского попросили помочь в усмирении мятежных солдат и в осаде цитаделей Гента и Антверпена. Пока делегаты Штадхаудера и Штатов совещались в Генте, до них дошли известия об ужасных бесчинствах, совершенных 4 ноября испанскими солдатами в Антверпене, в ходе которых погибло семь тысяч человек. Эти беспорядки запомнились как "Испанская ярость".

УМИРОТВОРЕНИЕ ГЕНТА

Какими бы прискорбными они ни были, они не были бы слишком высокой ценой, если бы можно было сохранить национальное единство. Никогда еще это не казалось таким близким. Со свежими воспоминаниями о режиме Альбы и массовых казнях Совета Крови, под прямым влиянием ужасных новостей из Антверпена, бельгийские католики никогда еще не были так готовы забыть старые обиды, забыть святотатства икоборцев, резню в Горкуме и преследование тех, кто исповедовал их веру на Севере. Соглашение о перемирии в Генте было подписано 8 ноября. Семнадцать провинций объединились в конфедерацию, пообещали оказывать друг другу взаимную помощь, изгнать испанские армии, отменить плакаты и постановления герцога Альбы и провозгласить всеобщую амнистию. Свобода совести, однако, была провозглашена только в пятнадцати провинциях. Кальвинизм оставался единственной религией, разрешенной в Голландии и Зеландии. Это правда, что было признано преимущественное положение католицизма и что протестантам не разрешалось никаких публичных выступлений за пределами Голландии и Зеландии, но если мы примем во внимание тот факт, что по всей стране католиков было гораздо больше, чем их соперников, этот последний пункт Гентского соглашения показывает, что кальвинисты были полны решимости использовать все преимущества ситуации, которую они так героически завоевали, и что умеренные жители южных провинций все еще находились между молотом испанского господства и наковальней кальвинистского сектантства.

Принц Оранский не может нести полную ответственность за то, что упустил эту уникальную возможность заключить со своими соотечественниками справедливое и либеральное соглашение. Его переписка показывает, что ему стоило большого труда примирить своих сторонников даже с такими односторонними религиозными выводами, как те, которые были выражены при Умиротворении Гента, и что во многих случаях ему приходилось смиряться с тем, что им руководят, чтобы ему позволили руководить.

ДОН ХУАН

Эта ошибка должна была принести свои плоды, когда новый губернатор, дон Хуан Австрийский, внебрачный сын Карла V, покрывший себя славой в битве при Лепанто, прибыл в страну в ноябре 1576 года. Филипп, понимая, что Нидерланды ускользнут от него, если он не пойдет на некоторые жертвы, дал дону Хуану еще более свободные инструкции, чем те, которые были даны Рекесенсу. Уступки исключали только религиозный вопрос. Кроме того, король надеялся, что бельгийцы будут польщены выбором принца крови и будут очарованы романтической репутацией этого яркого представителя дворянства эпохи Возрождения. Переговоры между доном Хуаном и Генеральными штатами были затруднены противодействием оранских партизан и отсутствием добросовестности со стороны нового губернатора, который, хотя и обещал отозвать испанские войска, был обнаружен в тайных переговорах с ними. Однако первая Брюссельская уния была заключена 9 января 1577 года. Штаты пообещали подчиняться королю и поддерживать католическую религию как единственную государственную религию на всей территории страны. С другой стороны, дон Хуан эдиктом Марке, известным как "Вечный указ", обязался созвать Генеральные штаты, отозвать испанские войска и не преследовать сторонников Реформы. Оранж и его сторонники в Голландии и Зеландии, естественно, отказались ратифицировать такое соглашение, которое нарушало статьи Гентского мирного соглашения.

Дон Хуан вошел в Брюссель в мае, после того как распустил испанские войска, но, несмотря на все свои усилия, не смог снискать расположение населения. Большинство людей возмутилось подписанием Брюссельского союза, и когда переговоры с северянами прервались и Дон Хуан попросил войска для борьбы с ними, он встретил резкий отказ. Встревоженный этой скрытой враждебностью и раздраженный затянувшимися переговорами с Оранским, дон Хуан заперся в крепости Намюр и отозвал испанские войска. С точки зрения патриотов, ничего лучшего и быть не могло, и разногласия, которые в последние месяцы начали подрывать работу по умиротворению Гента, были быстро забыты. Вильгельм Оранский совершил триумфальный въезд в Брюссель 23 сентября. Его приветствовали как освободителя своей страны среди сцен безграничного энтузиазма. Он был провозглашен "Рувартом" Брабанта, и его власть больше не встречала открытого противодействия.

Верный своим принципам, Оранж стремился установить свободу совести в Нидерландах. Однако его идеи разделяли лишь несколько друзей, чьи довольно гибкие религиозные принципы позволяли им пожертвовать сектантством ради высших интересов государства. Они не устраивали католическую аристократию, которая, хотя и была решительно настроена против Испании, оставалась верна легитимистским принципам. Они не устраивали кальвинистских демократов, которые, хотя и находились в меньшинстве, намеревались подавить всю оппозицию. Интеллектуалы среди них выдвигали идею "Монархомагов" о том, что "принц существует для народа, а не народ для принца", в то время как необразованные классы уже

провозгласили принцип современной демократии и всеобщего избирательного права и поставили под сомнение право штатов представлять народ. С августа 1577 года Брюссель практически находился в руках Коммуны, представленной Советом Восемнадцати человек. Подобные Советы захватили власть в некоторых провинциальных городах, а в Генте, где кальвинисты доминировали в коммуне, статьи Мирного соглашения полностью игнорировались, церкви подвергались разграблению, а священники преследованиям. Голландия и Зеландия сохраняли выжидательную и несколько капризную позицию. Они были возмущены уступками своего лидера католикам и не проявляли чрезмерного энтузиазма по поводу объединения. Они чувствовали себя сильнее, чем остальная часть страны, и в значительной степени выиграли от закрытия Шельды и кратковременного прекращения торговли с Антверпеном. Они не хотели жертвовать такими преимуществами ради объединения усилий с "папистами и монархистами".

ОРАНЖЕВАЯ ПОЛИТИКА

Поскольку демократические тенденции и кальвинистские эксцессы становились все более очевидными, после возвращения Оранжа в Брюссель католическая аристократия южных провинций встревожилась. Знать боялась отношения народа к своим привилегиям и личного престижа Оранского. Они пытались ограничить его власть, приглашая иностранных принцев возглавить страну. Герцог Эршотский убедил эрцгерцога Матиаса, брата императора, приехать в Нидерланды, но Оранский легко отразил этот маневр, арестовав герцога и начав переговоры с Матиасом, который подписал вторую Брюссельскую унию 10 декабря 1577 года и гарантировал свободу совести. Отныне молодой эрцгерцог был всего лишь номинальным главой, а Оранский оставался реальным правителем страны.

Чтобы усилить неразбериху, дон Хуан несколько дней спустя перешел в наступление и легко разгромил национальные войска, которые противостояли его продвижению в Люксембурге, Намюре и Эно, вынудив правительство укрыться в Антверпене. Становилось все более и более очевидным, что провинции не могли избавиться от испанцев, не обратившись за иностранной помощью. Поскольку император Рудольф не желал поддерживать Матиаса, последний стал практически бесполезен. Несмотря на неоднократные мольбы, королева Елизавета не соглашалась оказать военную помощь. Она поощряла революцию, поскольку это привело к истощению ресурсов Филиппа и эффективной защите от испанских предприятий против Англии, но она не стала бы открыто порывать с Испанией. Осталась только Франция. Уже в июле 1578 года граф де Лалан попытался повторить с герцогом Анжуйским, братом Генриха III, маневр Эршо. В то же время он стремился освободить страну от Испании с иностранной помощью и сдержать растущую в его глазах власть Оранжевых и всего, за что они выступали. Анжу не уважал свободы и чаяния провинций, и его довольно прохладные религиозные убеждения как католического принца не стояли у него на пути. Он надеялся получить титул суверена Нидерландов и таким образом увеличить свои шансы добиться успеха в своем стремлении добиться руки королевы Елизаветы.

И снова Оранж взял на вооружение планы, предложенные его врагами. Он вел переговоры с Анжу, который получил титул "Защитника свобод Нидерландов" в обмен на некоторую военную помощь. Дон Хуан был вынужден отступить к Намюру, где он умер, совершенно обескураженный, 1 октября 1578 года, оставив своего лейтенанта Александра Фарнезе, герцога Пармского, продолжать борьбу.

НЕДОВОЛЬНЫЕ

Ситуация в последние месяцы 1578 года стала чрезвычайно запутанной. Испанские войска под командованием Фарнезе удерживали южные провинции вплоть до рек Самбр и Маас. Голландия и Зеландия сохранили свои мощные позиции на Севере, но между испанскими и голландскими штаб-квартирами страна была ввергнута в состояние полной анархии, а власть Штадхаудера, который из Антверпена тщетно пытался сохранить единство, все больше и больше игнорировалась. Акт о религиозном мире, который он издал в июне и который поставил две конфессии на равноправную основу, хотя и был направлен на всеобщее примирение, только усилил недовольство. Его положения были полностью проигнорированы кальвинистской республикой Гент, которая проводила свою собственную безжалостную политику под руководством Рыхова и терроризировала католиков. С другой стороны, католическая знать, командовавшая некоторыми подразделениями национальной армии, объединилась в новую партию "Недовольные" и заняла Менин 1 октября. Гражданская война становилась все более и более неизбежной. Рыхов призвал на помощь принца палатина Иоанна Казимира, протеже королевы Елизаветы, в то время как Анжу, встревоженный появлением этого неожиданного соперника, помог недовольным свергнуть кальвинистские коммуны в Аррасе, Лилле и Валансьене.

Вильгельм Оранский, проявивший такие экстраординарные политические способности в первые годы революции, казалось, с момента своего вступления в Брюссель пренебрег некоторыми существенными условиями успеха. Хотя он был проникнут принципом национального единства, он никогда всем сердцем не бросался в борьбу и никогда не давал стране руководства, в котором она так остро нуждалась. Сначала он, казалось, игнорировал предстоящие трудности из-за соперничества религиозных группировок, и, когда ему это стало ясно, он не предпринял никаких решительных мер для навязывания людям принципа свободы совести, который он так громко провозгласил. Повторение эксцессов и жестокостей, совершенных фанатичными лидерами коммун, способствовало созданию у католиков широко распространенного впечатления, что он просто на словах поддерживал их, в то время как был полон решимости терпеть любое неповиновение среди своих собственных последователей. Его отъезд в Антверпен, находящийся в тесном контакте с Голландией и Зеландией, но далеко удаленный от Южных провинций, также неблагоприятно сказался на сохранении Союза под его руководством. Наконец, вмешательство в национальные дела таких авантюристов с сомнительной репутацией, как Иоанн Казимир и Анжу, в определенной степени уменьшило нежелание, с которым католики рассматривали возможность переговоров с Испанией.

АРРАССКИЙ СОЮЗ

6 января 1579 года Артуа, Эно и валлонская Фландрия сформировали "Аррасскую конфедерацию", которая санкционировала первую Брюссельскую унию, то есть сохранение католицизма по всей стране; и с этого времени начались переговоры между католической буржуазией, дворянством и Фарнезе. Если бы Оранжевые оказались более активными, а Фарнезе - менее дипломатичным, Союз все еще мог бы сохраниться даже в самый последний момент. Ибо ничто, кроме религиозной страсти и, возможно, в определенной степени, страха перед властью толпы, не побудило южные провинции принять предложения Испании. Штаты Эно заявили, что они не предпримут ничего, противоречащего общему делу, а хотели только

сохранить свое существование, "поддержать умиротворение Гента против наглой и варварской тирании, худшей, чем испанская" и "предотвратить угасание их святой веры и вероисповедания, дворянства и всего порядка и государства". Они не отказались ни от одной из своих старых претензий к Испании, но отказались признать социальные и религиозные преобразования, произошедшие в стране с момента подписания Мирного соглашения. Защитники новой конфедерации выразили надежду, что во всех городах угнетенные католики возьмутся за руки вместе с ними. Таким образом, Аррасский союз следует рассматривать не как Валлонский, а как чисто Католическую лигу. Это подтверждает первый Брюссельский союз, включая все его антииспанские положения, касающиеся восстановления старых привилегий, голосования штатов по налогам, защиты страны местными войсками, сохранения католической религии во всех провинциях, которые являются единственной общей основой, на которой могли встретиться испанцы и бельгийцы. Тем не менее, это было нарушением Мирного соглашения в Генте, и ему было суждено связать Бельгию с Испанией на многие годы вперед. Это также был определенный и непоправимый шаг к расставанию.

Было высказано предположение, что разница в расе и языках, возможно, повлияла на судьбоносное решение валлонских провинций. Такая интерпретация не учитывает языковую ситуацию в Нидерландах того времени. Тщетно искать какие-либо претензии, которые южные провинции могли иметь на этой почве. Французский использовался во всех актах центрального правительства и на заседаниях Генеральных штатов. Даже принц Оранский сохранил бургундские традиции и считал французский своим родным языком. Он был окружен и поддерживался большим количеством французских гугенотов и валлонских кальвинистов. Из-за меньшей численности населения Южные провинции были довольно перепредставлены в Генеральных штатах, где голосование проводилось по провинциям, а не по номерам. Кроме того, мы не должны упускать из виду тот факт, что конфедераты представляли себя не как раскольники, а как истинные сторонники Акта об объединении, который был нарушен кальвинистами. Они не проявляли никаких сепаратистских тенденций, как Голландия и Зеландия, но противопоставляли свою политику объединения политике принца Оранского. Одним из их самых настоятельных требований было то, чтобы принц Нидерландов отныне был королевской и законной крови, чтобы восстановить национальную политику, аналогичную той, которой придерживались в первые годы правления Филиппа Красивого и Карла V. На протяжении беспокойного периода последних двадцати лет валлоны и фламандцы не переставали подчеркивать свое стремление жить вместе. Их девизы: "Вирибус единитис"; "Бельгия свободна"; "Конкордия против всех"; и почти в каждой речи и публичной манифестации настаивается на необходимости защиты общего "отечества" от общего врага посредством общей обороны. На самом деле, принцип единства был настолько популярен в то время в Южных провинциях, что конфедераты стали бы совершенно непопулярны, если бы осмелились проповедовать отделение, и с обеих сторон экстремистам, движимым классовой ненавистью и религиозными страстями, удалось разрушить Союз, только делая вид, что они защищают его.

Центр католической реакции мог бы образоваться в любой другой части южных провинций при аналогичных обстоятельствах. Регион Армантьер и Валансьен был колыбелью восстания иконоборцев, но репрессии в этом квартале были гораздо более эффективными, чем в любом другом. Значительная часть валлонских рабочих, которые не погибли при правлении Альбы, эмигрировали в Англию. Таким образом, южные города были значительно лишены своего кальвинистского элемента, а крестьяне и буржуа превосходили их численностью гораздо

больше, чем в любой другой части страны. Даже при обычных обстоятельствах городские рабочие оказывали очень незначительное влияние на штаты Эно и Артуа. В Эно (Валансьен и Турне образуют особые границы) Монс остался один, чтобы представлять их интересы. Артуа, Аррас, Сент-Омер и Бетюн были единственными важными центрами, представители которых могли противостоять представителям гораздо более важных сельскохозяйственных округов. Вопрос о расе и языке оказал не большее влияние на отношение валлонских провинций, чем на отношение Голландии, Зеландии и Утрехта. И то, и другое определялось экономическими, социальными и религиозными условиями, а также их стратегическим положением.

УТРЕХТСКИЙ СОЮЗ

Аррасская конфедерация была провозглашена 6 января 1579 года. 23-го числа был учрежден Утрехтский союз с тем же требованием защищать умиротворение Гента. Он объединил вокруг Голландии и Зеландии провинции Утрехт, Гелдер, Фрисландию, Овер-Иссель и Гронинген, а также важнейшие города Фландрии и Брабанта: Гент, Ипр, Брюгге, Антверпен, Брюссель и др. Они обязались действовать совместно в отношении мира, войны, союзов и всех внешних вопросов, сохраняя при этом свою местную автономию. Отправление религиозных обрядов оставалось свободным, за исключением Голландии и Зеландии, из которых католицизм был исключен. Утрехтский союз положил начало Республике Семи Соединенных провинций. В нем полностью доминировала партикуляристская политика Голландии и Зеландии, которые по мере того, как события на Юге развивались все больше и больше в пользу Фарнезе, проявляли все меньше и меньше интереса к своим южным союзникам. Небольшие силы, имевшиеся в их распоряжении, делали очень трудным любое наступление на Фландрию и Брабант, которое обеспечило бы осажденные города продовольствием и оружием, а повторное открытие Шельды, которое должно было произойти в случае полного сохранения Утрехтского союза, неблагоприятно отразилось бы на торговле северных портов.

АЛЕКСАНДР ФАРНЕЗЕ

В последующие годы из-за оборонительной позиции Севера события развивались довольно медленно. После падения Маэстрихта, которое ознаменовалось дальнейшими массовыми убийствами людей испанскими солдатами, Фарнезе, сделавший ставку на политику примирения, постепенно распустил испанские войска и организовал туземные подразделения с помощью недовольных. Теперь, когда все связи между Утрехтским союзом и короной Испании были разорваны, Филипп II попытался отомстить своему противнику, назначив награду за его голову (1580). Извинение, написанное принцем Оранским в ответ на обвинения Филиппа в форме письма, адресованного Генеральным Штатам, является одним из самых достойных заявлений подобного рода в истории. Оранж без труда продемонстрировал искренность своих мотивов и свою преданность общему благу. Однако читатель этого красноречивого документа поймет, что его автору не хватало энергии и уверенности в себе, необходимых для того, чтобы справиться с отчаянной ситуацией, в которой оказалась страна. В своем стремлении спасти бельгийские города и сохранить единство, несмотря на нежелание Голландии и Зеландии отказаться от своей выжидательной позиции, 29 сентября он заключил с герцогом Анжуйским мирный договор Плесси-ле-Тур, по которому в обмен на военную помощь герцог должен был получить титул наследственного суверена Соединенных провинций, обязался уважать права Генеральных штатов и поддерживать представителей Дома Оранских-Нассау в качестве наследственных штатгальтеров Голландии, Зеландии и Утрехта. Этот последний пункт был

введен гораздо больше для того, чтобы умиротворить северян, которые категорически возражали против этих переговоров, чем для продвижения личных амбиций Orange. Это еще раз показывает привилегированное положение, занимаемое тремя провинциями, и их сильные партикуляристские тенденции. Мирному договору Плесси-ле-Тур, который должен был спасти Союз, было суждено нанести ему смертельный удар и укрепить союз между Южными провинциями и Фарнезе. К тому времени центральное правительство в Антверпене стало чисто номинальным. Северные провинции перестали присылать своих представителей, а делегаты с Юга не могли претендовать на то, чтобы представлять народ, который все больше и больше не одобрял их позицию. Генеральные штаты использовались только для регистрации и утверждения решений Оранского. Несмотря на некоторое противодействие, 26 июля 1581 года они, наконец, провозгласили низложение короля.

Военные действия немедленно возобновились, Фарнезе осадил Камбре и Турне, которые еще не присоединились к Конфедерации. Первый город был спасен вмешательством французских войск в Анжу, но второй капитулировал 3 ноября. С того времени Фарнезе старался относиться к своим врагам с величайшим милосердием. Он сурово пресекал все террористические акты или грабежи и предложил почетные условия любому городу, желающему сдаться, при этом протестанты могли свободно покинуть город после улаживания своих дел, а местные свободы оставались нетронутыми. Этими умеренными условиями и верностью, с которой он их соблюдал, он постепенно завоевал уважение, если не симпатию, большого числа своих бывших противников, и его позиция выгодно контрастировала с капризами Анжу, правление которого, в конце концов, было единственной альтернативой, предложенной южным провинциям в то время. После путешествия в Англию, где он получил отпор от королевы Елизаветы, Анжу был встречен с большими почестями в Антверпене (19 февраля 1582 года). В течение следующего года он становился все более и более нетерпеливым по отношению к препятствиям, стоящим на его пути, и ограничениям, налагаемым на его власть. В конце концов он решил претендовать на власть, и в ночь с 16 на 17 января 1583 года его солдаты попытались захватить ворота Антверпена и занять общественные здания. Однако вооруженные горожане нанесли им поражение, и герцог, полностью дискредитированный, был вынужден покинуть страну. Этот эпизод запомнился как "Французская ярость".

Последние надежды на восстановление единства Нидерландов были разрушены убийством 10 июля 1584 года в Делфте принца Оранского, единственного государственного деятеля, который с некоторой последовательностью преследовал эту цель, несмотря на все свои ошибки. Это действие было столь же преступным, сколь и бессмысленным. Принц потерпел неудачу в своем великом предприятии по объединению Нидерландов против Испании, и никакие усилия с его стороны не могли восстановить ситуацию. Благодаря испанскому подкреплению, которое Конфедерация позволила ему получить, Фарнезе систематически блокировал и осаждал все важные фламандские города. Дюнкерк, Ипр и Брюгге уже открыли перед ним свои ворота и получили очень выгодные условия. Сам Гент, оплот кальвинизма во Фландрии, население которого отличилось столь многими жестокостями и эксцессами и которое считалось заклятым врагом недовольных, выиграл от той же политики, когда был вынужден капитулировать 17 сентября. Все старые обычаи были восстановлены, город был обязан выплатить 200 000 золотых экю, заложники были помилованы, и, хотя протестантам не разрешалось публично совершать свои богослужения, они получили отсрочку на два года, прежде чем покинуть город.

ПАДЕНИЕ АНТВЕРПЕНА

В начале 1585 года почти все города были разрушены вплоть до Малинса. Брюссель, тщетно ожидавший какой-либо помощи с Севера, открыл свои ворота Фарнезе 10 марта, а взятие Антверпена 16 августа завершило серию операций, которые окончательно отделили Бельгию от Голландии и снова поставили южные провинции под контроль Испании. Антверпен упорно защищал его бургомистр, кальвинист памфлетист Марникс де Сент-Альдегонде, который искренне надеялся, что его северные союзники устроят диверсию и, по крайней мере, помешают испанцам отрезать большой порт от моря. В случае с Антверпеном Голландия и Зеландия могли бы вмешаться без такой большой опасности, но Оранжевого больше не было рядом, чтобы призывать к единству, и великий порт Южных провинций был брошен на произвол судьбы.

ГЛАВА XVII

МЕЧТА О НЕЗАВИСИМОСТИ

Падение Антверпена обрекло на провал все проекты антииспанского единства. Это на столетия вперед определило судьбу южных провинций, которые отныне были присоединены к иностранной династии и управлялись как иностранные владения. Однако этот конечный результат был очевиден не сразу, и в течение нескольких лет люди лелеяли надежду на возвращение к бургундским традициям и национальной политике. Этот переходный период приходится на правление Альберта и Изабеллы, которые были, по крайней мере номинально, правителями Нидерландов.

бельгия под властью королей Испании.

[Увеличить изображение](#)

Прежде чем отдать Нидерланды в качестве приданого своей дочери Изабелле, Филипп II предпринял несколько попыток сломить сопротивление Голландии и Зеландии. Если бы Фарнезе оставили разбираться с ситуацией после падения Антверпена, он, возможно, преуспел бы в этом трудном предприятии. Но все успехи, которых он добился против Мориса Нассауского в Зеландии, Фландрии, Брабанте и Гелдере, были поставлены под угрозу европейской политикой испанского короля. С 20 августа 1585 года королева Елизавета, наконец, открыто вступила в союз с Соединенными провинциями, и все внимание Филиппа теперь было сосредоточено на Англии и смелом проекте форсирования Темзы мощным флотом. Поэтому Фарнезе был вынужден сосредоточить большую часть своих войск вблизи Дюнкерка ввиду планируемой высадки. Полный провал экспедиции высвободил эти силы, но их отсутствие в Северных провинциях уже дало Морису Нассаускому возможность восстановить ситуацию (1588). В следующем году, вместо того чтобы возобновить кампанию против Соединенных Провинций, Фарнезе был вынужден воевать во Франции, чтобы поддержать Католическую лигу. Именно во время одной из таких экспедиций он умер в Аррасе 3 декабря 1593 года.

инфанта Изабелла.

С картины Рубенса (Брюссельский музей).

эрцгерцог Альберт.

С картины Рубенса (Брюссельский музей).

[Увеличить изображение](#)

АЛЬБЕРТ И ИЗАБЕЛЛА

Филипп был связан своими обещаниями прислать в Бельгию принца крови. Его выбор в пользу эрцгерцога Эрнеста, сына Максимилиана II, был, однако, неудачным, поскольку слабый принц находился полностью во власти своего испанского генерала Фуэнтеса, шурина герцога Альбы. В то время страна пострадала от совместных нападений Мориса Нассауского и Генриха IV Французского. После смерти эрцгерцога Эрнеста Филипп выбрал генерал-губернатором младшего брата эрцгерцога Альберта, который отличился в качестве вице-короля Португалии. Он прибыл как раз вовремя, в 1596 году, чтобы разрядить ситуацию взятием Кале. Этот успех был недолгим, и по Вервинскому мирному договору (2 мая 1597 г.) Филипп был обязан вернуть Кале Франции вместе с Вермандуа и частью Пикардии. В следующем году король договорился о браке своей дочери Изабеллы с эрцгерцогом Альбертом. Он умер 13 сентября 1598 года, не

успев отпраздновать свадьбу. Если бы Филипп II добровольно пришел к этому последнему решению, будущее Нидерландов, по крайней мере Южных провинций, все еще могло быть спасено. Но этот последний поступок суверена, чье правление было столь фатальным для Нидерландов, оказался таким же разочаровывающим, как и другие. Хотя в акте уступки он написал, что "величайшее счастье, которое может случиться со страной, - это быть управляемым на глазах и в присутствии ее естественного принца и повелителя", он почти свел на нет эту очень мудрую уступку бельгийским устремлениям, добавив строгие ограничения. Жителям Нидерландов не разрешалось торговать с Индией; в случае, если у инфанты Изабеллы не будет детей, провинции вернутся к короне. Кроме того, закон содержал несколько секретных положений, согласно которым новые монархи обязывались подчиняться всем приказам, получаемым из Мадрида, и содержать испанские гарнизоны в главных городах. Испанский король оставил за собой право повторно аннексировать Нидерланды в любом случае, при определенных обстоятельствах.

Это половинчатое соглашение, помимо того, что ставило эрцгерцога в ложное положение в отношениях со своими подданными, лишало его всякой инициативы во внешних делах. На самом деле, несмотря на его искренние попытки избавиться от испанского влияния, он пользовался меньшей независимостью, чем некоторые бывшие губернаторы, такие как Маргарита Австрийская.

Эти секретные положения не были известны бельгийскому народу, и он приветствовал своих новых суверенов с безграничным энтузиазмом. Их путешествие из Люксембурга в Брюссель, куда они въехали 15 сентября 1599 года, было триумфальным. После стольких лет войны и иностранного порабощения бельгийцы верили, что Альберт и Изабелла принесут им столь необходимый мир и независимость, подобную той, которой они пользовались при Карле V и Филиппе Красивом. Они рассматривали свое восшествие на престол как возвращение к бургундской политике, которой они были так последовательно верны на протяжении всей своей борьбы с Испанией и память о которой так сильно отделила их от Северных провинций. Несколько раз, и особенно во время Аррасского мира, они выражали желание, чтобы ими правил принц крови, которому было бы позволено действовать как их независимому суверену, и они с уверенностью полагали, что это желание будет реализовано и что при новых правителях страна наконец сможет возместить ущерб, причиненный войной, и восстановить свое экономическое процветание.

КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ

Они знали, что новый режим подразумевал изгнание протестантов из южных провинций, но в то время это не вызывало особого недовольства. На протяжении всей борьбы католики составляли подавляющее большинство не только в стране, но и в главных городах, за единственным исключением Антверпена, который был местом встречи многих беженцев. Хотя во время умиротворения Гента большое количество горожан приняли новую веру, чтобы избежать кальвинистских преследований, они отказались от нее, как только армии Фарнезе вошли в их города. Искренние протестанты были вынуждены эмигрировать в Северные провинции. Хотя число этих эмигрантов было несколько преувеличено, среди них было очень много интеллектуалов, крупных торговцев и искусных ремесленников, потеря которых не могла не сказаться на южных провинциях, поскольку их присутствию было суждено принести пользу

Голландии, где до сих пор помнят имена брюссельцев Ханса ван Эрссена, Гантуа Хайнсиуса и турнейцев Жака и Исаака Лемеров.

Ко времени прибытия Альберта и Изабеллы в Бельгию протестантизм практически исчез из городов и сохранялся лишь в нескольких отдаленных деревнях, таких как Суур (Эно), Хоребеке, Эстер (Фландрия) и Ходимон (Лимбург), где протестантские общины существуют и по сей день. Хотя плакаты не были отменены, они больше не применялись, и все казни прекратились. За исключением случаев публичного проявления, вызывающего скандал, судьи не вмешивались, и даже тогда наказания ограничивались бичеванием или штрафом.

Вопреки некоторым популярным представлениям, протестантизм не был искоренен насилием и жестокостями инквизиции в южных провинциях. Напротив, эти насилия при герцоге Альбе только способствовали расширению его влияния. Кальвинистские эксцессы 1577-79 годов и снисходительность Фарнезе сделали больше для противодействия кальвинистской пропаганде, чем массовые убийства, организованные Советом Крови. Именно против этих преследований, а не против католической религии, боролись южные провинции на протяжении всего периода революции, и разрыв всех отношений с Севером автоматически положил конец влиянию кальвинизма.

Быстрый успех, достигнутый политикой Фарнезе, и тот факт, что его преемникам не пришлось прибегать к насильственным мерам, показывает, что протестантизм не пустил глубоких корней на Юге и что люди были бы только рады согласиться на его исключение, если бы получили взамен мир и независимость. Но война продолжалась, и эрцгерцог был вынужден остаться губернатором Филиппа III.

ОСАДА ОСТЕНДЕ

Это стало очевидным сразу же, когда в 1600 году Генеральные штаты заявили о своем праве голоса в управлении страной и контроле за расходами. Они столкнулись с резким отказом и были вынуждены согласиться выплачивать обычную субсидию вместо старых "специальных субсидий". В том же году Морис Нассауский вторгся в Северную Фландрию в надежде спровоцировать восстание, но народ не откликнулся на его призыв. Испанцы, однако, потерпели поражение в битве при Ньюпоре, где эрцгерцог был тяжело ранен. В следующем году началась осада Остенде, который оставался верен Соединенным провинциям и который мог легко доставлять провизию морем. После трех лет борьбы город был вынужден сдаться благодаря умелым действиям Амброуза Спинолы, который был поставлен во главе испанской армии. После дальнейших нерешительных операций 9 апреля 1609 года было наконец объявлено двенадцатилетнее перемирие между Соединенными провинциями и Испанией. Филипп III фактически признал независимость республики и даже разрешил голландским купцам торговать с Вест-Индией - привилегия, в которой он отказал своим собственным подданным в Бельгии. Южные провинции были дополнительно принесены в жертву признанием блокады Шельды, которая оставалась закрытой для всех судов, желающих войти в Антверпен, к большей выгоде голландских портов.

Как только военные действия возобновились в 1621 году, стало очевидно, что Филипп IV не будет поддерживать Бельгию более энергично, чем это делал его отец. Спиноле, на которого легла вся ответственность за оборону страны после смерти эрцгерцога Альберта (1621), удалось взять Бреду (1625). После опалы испанского генерала из-за придворной интриги армии

Соединенных провинций еще раз добились успеха в укреплении своего положения в Северном Брабанте и Лимбурге, которые они считали оплотами своей независимости. Фридрих Генрих Нассауский, сменивший своего брата на посту командующего армиями Республики, взял Буалле-Дюк в 1629 году и Венлоо, Руремонд и Местрихт в 1632 году. В этих последних операциях его поддерживал Людовик XIII, который по подсказке Ришелье воспользовался случаем, чтобы унижить династию Габсбургов. Испанский командующий, маркиз Санта-Крус, оказался настолько неэффективным, что некоторые бельгийские патриоты попытались взять дело в свои руки и избавить свою страну от иностранного господства, которое было столь пагубным для ее интересов. Однако вскоре стало ясно, что любой шаг, предпринятый против Испании, отдаст Бельгию в руки либо французов, либо голландцев. Первая необдуманная и поспешная попытка была предпринята Генрихом, графом Бергским, и Рене де Ренессом, которые начали секретные переговоры в Гааге с некоторыми голландскими государственными деятелями и французским послом. 18 июня они попытались поднять восстание в Льеже, но были вынуждены укрыться в Соединенных провинциях. Почти в то же время граф Эгмонт и принц д'Эпинау вступили в более серьезный заговор, который с несколькими последователями сформировал Валлонскую лигу. Их целью было изгнать испанцев из страны с помощью французов и основать "Бельгийское федеративное и независимое государство". Получив донос от правительства, заговорщики были вынуждены скрыться до того, как их планы созрели.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ

Падение Мейстрихта побудило Изабеллу еще раз созвать Генеральные штаты. После тридцатидвухлетнего молчания последний выдвинул те же претензии по поводу восстановления старых привилегий и защиты страны местными войсками, а также новые жалобы, касающиеся недавней испанской администрации. Народ стал настолько беспокоен, что маркиз Санта-Крус и кардинал де Ла Куэва, представитель Филиппа IV в Нидерландах, были вынуждены вылететь из Брюсселя. Под давлением общественного мнения Изабелла разрешила Генеральным штатам направить депутацию в Гаагу для ведения мирных переговоров (17 сентября 1632 г.). Депутаты покинули город при большом ликовании. С неустрашимым оптимизмом бельгийцы надеялись, что там, где испанские армии потерпели неудачу, их представители добьются успеха и что новые переговоры принесут им, наконец, мир и независимость, поскольку они понимали, что не смогут добиться одного без другого. По словам современника, они верили, что видят "рассвет дня мира и безмятежности после такой долгой и черной ночи злой войны". Но они не учли требований голландцев, политика которых уже тогда заключалась в обеспечении их собственной безопасности, независимости и процветания путем решительного принесения в жертву интересов Южных провинций. Делегатам было предложено создать в Бельгии Католическую федеративную республику ценой значительных территориальных уступок как Голландии, так и Франции. Они могли бы получить независимость, но на таких условиях, что никогда бы не смогли ее отстоять.

В следующем году (1633), после смерти Изабеллы, Филипп IV отозвал бельгийских делегатов. Несколько месяцев спустя (1634) он распустил Генеральные штаты. С этого времени и до конца восемнадцатого века, во время Брабансонской революции, с представителями бельгийского народа больше не консультировались, и они не имели участия в центральном правительстве Бельгии.

ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЕЕ ПЕРЕМИРИЕ

Перемирие 1609-21 годов было использовано правительством и народом для восстановления, насколько это было возможно, экономического процветания католических Нидерландов. Относительный успех, которым увенчались эти усилия, показывает, что в стране оставалась некоторая энергия, несмотря на блокаду, наложенную на ее торговлю, и эмиграцию некоторых из ее наиболее выдающихся сыновей в Соединенные Провинции. Распространенной ошибкой является предположение, что с начала семнадцатого века вся экономическая и интеллектуальная жизнь покинула Южные провинции и была поглощена Северными. Контраст был действительно разительным между молодой республикой, которая становилась первой морской державой в Европе, и метрополией, от которой она была оторвана и которая перестала занимать видное место в европейских делах. В 1587 году была отчеканена медаль, изображающая, с одной стороны, символы нужды и убожества, применяемые к католическим Нидерландам, а с другой - символы богатства и процветания, применяемые к Северным Нидерландам, в то время как надписи ясно давали понять, что это наказание нечестивых и награда верующих. Но тщательное изучение того периода показало бы, что ее самое ценное сокровище, упрямая энергия ее народа, не покинула Бельгию в этот критический период, и что за удивительно короткое время ей удалось восстановить свой дом или, по крайней мере, те его части, которые ей позволили отремонтировать.

В конце шестнадцатого века ситуация, особенно во Фландрии и Брабанте, была плачевной. Дамбы были пробиты, польдеры затоплены, и гораздо большая часть посевных площадей осталась под паром. Количество невостребованной земли во Фландрии было настолько велико, что возделывать ее разрешалось первому приезжему. В страну вторглись дикие звери, и всего в миле от Гента на путешественников напали волки. Банды разбойников наводнили эти земли, и в 1599 году был издан приказ вырубить все леса вдоль дорог и каналов, чтобы сделать путешествия более безопасными. В Брабанте многие деревни потеряли более половины своих домов, мельницы были разрушены, а стада разбежались. Условия в нескольких городах были еще хуже. В Генте голод среди бедняков был настолько острым, что они даже ели мусор, выбрасываемый на улицы. Население Антверпена со 100 000 человек в пятнадцатом веке сократилось до 56 948 в 1645 году. Лилль, благодаря своей промышленности, и Брюссель, благодаря присутствию двора, были единственными центрами, которым удалось сохранить свое процветание. Бесчинства иностранных гарнизонов, часто плохо оплачиваемых и живущих за счет населения, еще больше усугубляли страдания. Английский путешественник Овербери, посетивший семнадцать провинций в начале перемирия, заявил, что, как только он пересек границу, он обнаружил "провинцию, охваченную войной; люди бессердечны и скорее ропщут на своих губернаторов, затем мстят врагам, храбрость того дворянства, которое осталось, и трудолюбие торговцев совершенно пришли в упадок; земледелец трудится только для того, чтобы выжить, не желая обогащаться за чужую плату; тауны (что бы ни касалось их силы) находятся в упадке. разорительно; И в заключение, люди здесь беднеют за счет меньших налогов, а затем процветают за счет Штатов".

БЛОКАДА

Перемирие провозглашало восстановление свободы торговли, но блокада побережья оставалась такой же строгой, как и прежде. Флашинг, Миддлбург и Амстердам унаследовали транзитную торговлю Антверпена, ныне полностью заброшенную иностранными купцами. В 1609 году здесь оставались только два генуэзца и один купец из Лукки, в то время как последние португальцы и англичане собирались уезжать. Биржа сейчас была настолько заброшена, что в 1648 году ее использовали как библиотеку. В доки заходило всего несколько голландских лодок, которые привозили свой груз зерна и забирали промышленные изделия. Любое иностранное судно, направлявшееся в Антверпен, было обязано выгружать свой груз в Зеландии, поскольку голландский торговый флот монополизировал торговлю на Шельде.

Бельгийцы сами не могли изменить эту ситуацию. Они могли только обратиться за помощью к Испании, а у Испании не было ни ситуации, ни настроения помогать им. Большая часть его военно-морских сил была уничтожена во время авантюры Армады, и ни несколько галер, приведенных Спинолой в Слуис до взятия этого города Морисом Нассауским (1604), ни каперы из Дюнкерка не смогли сделать ничего, кроме как помешать голландской торговле. С поражением реорганизованного испанского флота в битве при Даунсе исчезла последняя надежда на снятие голландской блокады. Мало того, что Нижняя Шельда была прочно удержана, так еще и вражеские корабли постоянно курсировали у Остенде, Ньюпора и Дюнкерка. Попытки правительства противодействовать этим мерам путем закрытия сухопутной границы были в равной степени обречены на провал, поскольку голландцы никоим образом не зависели от своего бельгийского рынка, в то время как бельгийцы нуждались в кукурузе, импортируемой из северных провинций. Необычайное безразличие испанских королей к торговле со своими северными владениями становится очевидным из того факта, что, хотя мирный договор 1609 года разрешал голландцам торговать с Индией, бельгийцы получили такое же разрешение только тридцать один год спустя.

Потерпев неудачу в этом направлении, деятельность народа и правительства сосредоточилась на промышленности и сельском хозяйстве. Были восстановлены дамбы, осушены болота и в страну завезен скот. Хотя торговля была разрушена, сырье осталось. Регион Валансьен, Турне и Лилль оправились первыми. Шерсть, которая больше не могла поступать через Антверпен, импортировалась из Руана, основной продукт производился в Сент-Омере. В 1597 году один восторженный современник сравнил Лилль с маленьким Антверпеном. Провинции Валлонии подверглись менее суровым испытаниям, и угольная промышленность, а также литейные заводы в долине Мааса вскоре восстановили свою прежнюю активность. Производство гобеленов также возобновилось в Ауденарде и Брюсселе, обработка меди в Малине, крашение в Антверпене и ткачество льна во фламандских провинциях. Но экономический переворот, вызванный гражданскими войнами, нанес смертельный удар по загнивающей городской промышленности, парализованной режимом корпораций. Медники Динана и Намюра теперь были полностью разорены, а суконная промышленность в Генте стала настолько незначительной, что в 1613 году суконный цех города был передан обществу "Фехтовальщиков Святого Михаила". Сельская промышленность и капиталистическая организация, которые достигли таких успехов в начале шестнадцатого века, теперь определенно вытеснили средневековые институты.

Именно по тому же принципу были организованы новые отрасли промышленности, которые развивались в стране в то время, их промоутерами. Производство шелковых тканей началось в Антверпене, в то время как государство пыталось выращивать тутовые деревья для получения

сырья. Аналогичное внимание Альберт и Изабелла уделяли кружевоплетению, которое являлось одной из важнейших статей экспорта. Стекловаренные печи были установлены в Генте, Льеже и Эно, бумажные фабрики - в Юи, в Льеже началось производство железных котлов, а в других местах были открыты мыловаренные фабрики и винокурни.

НОВЫЕ КАНАЛЫ

Забота центрального правительства не ограничивалась промышленностью. По всей стране ремонтировались дороги и каналы, проводились новые важные общественные работы. Хотя от проекта канала Рейн-Шельда, одобренного Изабеллой, пришлось отказаться из-за сопротивления голландцев, к этому времени были завершены каналы от Брюгге до Гента (1614), от Брюгге до Остенде (1624-66) и от Брюгге до Ипра (1635-39). Навигация на реке Дендре также была улучшена, и именно в 1656 году был разработан проект соединения Брюсселя водным путем с провинцией Эно. Этот план был реализован только столетие спустя.

Условия, преобладавшие в католических Нидерландах в первой половине семнадцатого века, были, таким образом, в целом благоприятными. Что касается мировой торговли и внешней политики, страна была полностью парализована, но активность народа и забота суверенов позволили осуществить экономическое восстановление страны в той мере, в какой это восстановление зависело от них. Настоящий экономический упадок Бельгии произошел не в день отделения, а пятьдесят лет спустя, во второй половине XVII века, когда ее экспорт сократился из-за протекционистских тарифов Франции, когда Тридцатилетняя война разрушила рынок Германии и когда Испания осталась единственной страной, открытой для ее продукции.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Это относительное процветание продолжалось и после двенадцати лет перемирия. Ибо даже когда военные действия возобновились, они не оказали серьезного влияния на жизнь нации, поскольку большинство операций ограничивалось границей. Некоторые бельгийские историки нарисовали очень лестную картину этого периода и превозносили личные качества Альберта и Изабеллы. Мы должны, однако, понимать, что, несмотря на добрые намерения эрцгерцога, обещания, данные при заключении Аррасского мира, не были выполнены, что Генеральные штаты собирались всего дважды и что все политические гарантии, полученные патриотами от Фарнезе, были проигнорированы. В стране оставались испанские гарнизоны, и представители народа не могли контролировать расходы. Фактически, Бельгия была ближе к абсолютистскому монархическому режиму, чем когда-либо прежде. Государственный совет был собран только для того, чтобы умиротворить дворянство, лояльность которого еще больше поощрялась пожалованием почестей, таких как орден Золотого руна, и поручением им миссий в зарубежных странах. Высшей буржуазии, с другой стороны, в значительной степени разрешалось вступать в ряды дворянства, получая титулы. С 1602 по 1638 год не менее сорока одного поместья было возведено в ранг графств, маркизств и княжеств, и современный автор жалуется, что "сейчас за один год становится дворянами столько же, сколько раньше за сотню". Именно среди этих новых дворян или потенциальных дворян, которые составляли класс, очень похожий на класс английского дворянства того же периода, государство набирало офицеров своей армии и многих чиновников, лояльность которых, конечно, была гарантирована.

Со стороны духовенства, скорее всего, не было никакого противодействия. Новые епископства, основанные Филиппом II, были восстановлены, и епископы, выбранные королем, соблюдали строгую дисциплину в своих епархиях. Кроме того, все религиозные ордена теперь были объединены необходимостью противостоять общим фронтом нападкам протестантов, и они чувствовали, что судьба религии тесно связана с судьбой династии. Принцип Божественного права королей противоречил доктрине о праве народа выбирать своего монарха, выдвинутой монархомаками, и римские католики к тому времени были привязаны к монархии точно так же, как кальвинисты были привязаны к Республике. Опыт прошлого столетия предотвратил какой-либо возврат к ситуации, существовавшей при Карле V, когда по некоторым вопросам духовенство было склонно встать на сторону народа против принца. Тесный союз Церкви и государства теперь стал свершившимся фактом, и ему было суждено оказывать влияние на бельгийскую политику вплоть до наших дней. Этот союз даже стимулировал лояльность народа, поскольку общественная благотворительность все больше и больше забиралась у общинных властей и монополизировалась духовенством. Посещение церкви, а для детей - катехизиса и воскресной школы поощрялось доброжелательностью, раздачей призов и небольших услуг, в то время как религиозная расхлябанность или любая революционная тенденция подразумевали потерю всех подобных преимуществ. И здесь умелая пропаганда против ереси представляла собой мощное оружие в руках государства. Справедливости ради следует добавить, что благотворительность внесла большой вклад в облегчение страданий, столь широко распространенных в первые годы столетия, и что люди были искренне благодарны таким орденам, как Реколеты и капуцины, которые возобновили работу, с таким энтузиазмом начатую Второстепенными Орденами в предыдущие столетия. Они навещали заключенных и больных, давали приют душевнобольным и обездоленным и даже выполняли такие общественные обязанности, как обязанности пожарных. Эти усилия вскоре привели к уничтожению последних следов кальвинистских и республиканских тенденций, которым так и не удалось затронуть основную массу населения.

Как современный монарх, стремящийся увеличить мощь государства, эрцгерцог Альберт возмущался посягательствами духовенства, как это делал до него Карл V. Но он был так же бессилён выпутаться из обстоятельств, которые отождествляли интересы его внутренней политики с интересами Церкви, как и освободиться от суровых ограничений, которыми испанский режим парализовал его инициативу во внешних делах.

ГЛАВА XIX

RUBENS

Если верно, что о духе эпохи лучше всего можно судить по ее интеллектуальным и художественным достижениям, мы, безусловно, должны найти в картинах Рубенса (1577-1640) адекватное выражение тенденций и устремлений контрреформации в Бельгии. По сравнению с религиозными картинами Ван Эйков и Ван дер Вейдена такие работы, как "Удар копьем" (Музей Антверпена), "Воздвижение креста" и "Сошествие с креста" (кафедральный собор Антверпена), образуют полный контраст. В них не осталось и следа от мистической атмосферы, ощущения покоя и глубокой внутренней трагедии, которые пронизывают работы первобытных людей. За

столетие фламандское искусство полностью преобразилось. Она взывает к чувствам больше, чем к душе, и находит величие в проявлении физических усилий и величественных линий больше, чем в каком-либо духовном порыве. Два преобладающих влияния способствовали этому экстраординарному преобразованию — влияние Италии и католической реставрации, особенно выраженной иезуитами.

В то время как в пятнадцатом веке искусство Нидерландов оставалось чисто фламандским, или, говоря точнее, верным местным тенденциям, на протяжении всего шестнадцатого века привлекательность итальянского Возрождения становилась все более и более очевидной. Мы знаем, что Ван дер Вейден в 1450 году и Йоссе ван Гент в 1468 году посетили Италию, но они отправились туда скорее как учителя, чем как ученики. Их работы были оценены итальянскими меценатами за их исключительную оригинальность и техническое совершенство. Жан Госсер, более известный как Мабузе из-за того, что родился в Мобеже (ок. 1472 г.), был первым из многочисленного ряда художников, которые на протяжении всего шестнадцатого века считали подражание итальянскому искусству того периода необходимым условием успеха. Точно так же, как примитивной национальной школе покровительствовали герцоги Бургундии, итальянцам покровительствовали Карл V, Маргарита Австрийская и Мария Венгерская. Поклонение Рафаэлю и Микеланджело, столь очевидное в картинах Ван Орли, Питера Пурбуса, Дж. Мэсси и многих других, знаменует переход между примитивистскими тенденциями Ван Эйка и современными тенденциями Рубенса. Обе тенденции иногда удачно сочетаются в их работах, и их портреты, особенно работы Антуана Моро, по-прежнему ставят антверпенскую школу шестнадцатого века на передний план европейского искусства, но общий упадок местного вдохновения, тем не менее, очевиден. Благосклонность, проявленная к этим художникам губернаторами при Карле V и Филиппе II, весьма показательна. Какими бы ни были их личные мнения, итальянизанты приспособились к помпезности, демонстрируемой монархистами, и к современному духу католицизма, в противоположность Реформации, критические и сатирические тенденции которой были в определенной степени выражены такими реалистами, как Жером Босх (1460-1516) и Питер Брейгель (ок. 1525-69), которые в то же время рисовали жанровые картины популярного характера и оставались абсолютно свободными от итальянского влияния. Та же оппозиция, которая разделяла общество и религию, отразилась и в искусстве.

RUBENS

Несмотря на то, что Рубенс преуспел в преобразовании их методов, он, тем не менее, является духовным потомком итальянцев. Именно от них и от своего непосредственного контакта с работами Микеланджело и Тициана он унаследовал ассоциацию духовного величия с физической силой. Безоговорочно приняв языческое видение христианства Микеланджело, он превратил своих святых и апостолов в могущественных героев и попытался передать благоговейный трепет и величие, навеянные христианской драмой, с помощью впечатляющего сочетания выразительных линий и яркого колорита.

Рубенс был выбран иезуитами для украшения великой церкви, которую они возвели в Антверпене в 1620 году. Такой выбор на первый взгляд кажется странным, учитывая, что в ряде случаев Рубенс, по-видимому, не соответствует строгим правилам, которые могущественному братству удалось навязать другим видам интеллектуальной деятельности. Переведенные на

поэтический язык, такие произведения, как "Похищение дочерей Луциппа", "Суд Париса", "Продвижение Силена", предполагали бы стиль, очень похожий на стиль шекспировских *Венеры и Адониса*, и, само собой разумеется, никогда бы не прошли церковную цензуру. Ибо реакция против моральной распущенности и интеллектуальной свободы предыдущего столетия к настоящему времени завершилась. Высшее образование было монополизировано реформированным университетом Лувена и новым Университетом Дуэ, и ни одному бельгийцу не разрешалось учиться за границей. Все следы гуманизма исчезли из Лувена, где Юстус Липсиус оставался последним представителем ренессансных тенденций, сильно смягченной ортодоксией. Научным новинкам настолько не доверяли, что, когда в 1621 году Ван Гельмонт осмелился обнародовать свои наблюдения над животным магнетизмом, его объявили еретиком и вынудили отречься. Опасаясь подвергнуться подобным преследованиям, историки того времени ограничивались изучением национальных древностей. Театр ограничивался представлением общепринятых Страстей и Мистерий, а также пьесами, которые иезуиты ежегодно ставили в своих школах.

кафедра святой Гудулы, Брюссель.
(Восемнадцатый век).

[Увеличить изображение](#)

Степень доктора философии

На самом деле, терпимость и даже поощрение, проявлявшиеся в то время к буйному проявлению форм и цветов, а также к перегруженной орнаментом архитектуре, не противоречили методам иезуитов. Они были полны решимости всеми имеющимися в их распоряжении средствами превратить Нидерланды в передовую цитадель римского католицизма. Их политика была гораздо более позитивной, чем негативной. Они гораздо больше стремились привести в Церковь новообращенных и стимулировать рвение своей паствы, чем искоренить протестантизм. Они думали, что единственный способ добиться такого

результата - привлечь людей приятной обстановкой, а не упрекать их угрюмым аскетизмом. Они были первыми, кто ввел танцы, музыку и игры в своих колледжах. Они организовывали процессии и священные представления. Они окружили первое торжественное причастие новым церемониалом. Они стимулировали соперничество и осыпали призами всех тех, кто отличился.

ИЕЗУИТЫ

Общество было для них просто более крупной школой, в которой они использовали те же средства для укрепления своего положения. В первые годы семнадцатого века было построено огромное количество новых церквей. Никогда еще архитекторы не были так заняты со времен Филиппа Доброго. Церковь Дуэ, возведенная в 1583 году, была точной копией церкви Гешу в Риме, и повсеместное внедрение иезуитами итальянского "барокко" породило в наше время идею о том, что действительно существовал иезуитский тип архитектуры. Цветочные орнаменты на фасадах этих церквей, их колонны, позолоченные факелы, сложные и тяжелые узоры не идут ни в какое сравнение с шедеврами Рубенса, но с точки зрения пропаганды, которая была единственной точкой зрения, имевшей значение, великолепные картины антверпенского мастера выполняли ту же цель. Они сделали религию привлекательной для масс, они сочетались с музыкой и благовониями, наполняя прихожан священным трепетом, способствующим вере.

Однако не следует предполагать, что художники того периода пользовались полной свободой самовыражения. Если Церковь проявляла большую терпимость в отношении выбора определенных мирских предметов, то реформы, провозглашенные Тридентским собором, оказали непосредственное влияние на христианское искусство. В брошюре, опубликованной в 1570 году Жаном Моланусом *"О живописи и воображении жертвоприношения"*, новые правила строго изложены. Все сюжеты, вдохновленные апокрифическими книгами и популярными легендами, запрещены, и даже такие детали обращения, как изображение святого Иосифа в виде старика и перенос лилии из руки Ангела Благовещения в вазу, подвергаются суровой критике. Цензоры того периода быстро отклонили бы интерпретацию Мемлингом истории святой Урсулы и всех подобных легенд, которые не могли быть подтверждены авторитетом *Священного акта*. Эта замечательная историческая работа, начатая в то время Болландусом, была направлена на то, чтобы исключить из жизнеописаний святых большинство популярных анекдотов, которые вдохновляли средневековых художников. В то же время из церквей исчезли все эпизоды, связанные с рождением и бракосочетанием Богородицы. Иезуиты были суровыми рационалистами и, считая себя защитниками осажденной крепости, были полны решимости не подвергать Церковь нападкам и устранять любые поводы для критики. Их точка зрения полностью противоречила точке зрения средневековых художников. Для последних искусство естественным образом возникло из пылкого мистицизма, подобно тому, как цветы вырастают из почвы. Его глубокая вера не нуждается в каких-либо усилиях, в каких-либо ухищрениях, чтобы проявить себя; даже второстепенные произведения сохраняют религиозную ценность. Священные изображения семнадцатого века, напротив, предстают как гигантское и замечательное произведение религиозной рекламы. Основываясь на чисто языческих мотивах, им удастся привлечь рассеянное внимание к какому-нибудь священному предмету, перегружая его роскошью украшений и избытком жестов, неизвестных первобытным людям. Лечение может быть бесплатным, даже необходимо, чтобы оно было таким, чтобы соответствовать вкусу того периода, но репертуар испытываемых становится все более и более ограниченным. Яркие

цвета, плавающие драпировки, мощное рисовальное мастерство становятся послушными слугами строгого и догматичного ума. Язычники превозносили чувственность, средневековые художники возвеличивали веру, художники Контрреформации использовали все средства первых для достижения цели последних "ad maiorem Dei gloriam".

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Результат этого интеллектуального и художественного движения был ошеломляющим. В то время как реколеты и капуцины, кармелиты, бригиттинки, урсулины и клариссы работали среди бедных, иезуитам удалось захватить высшие классы. Все дети богатой буржуазии и знати посещали свои школы и колледжи, и в 1626 году число учеников вместе с родителями, вступивших в Конгрегацию Пресвятой Богородицы, достигло 13 727. Можно было бы сказать, что иезуиты забрали интеллектуальную власть из рук мирян, чтобы использовать ее на благо Церкви. Из их рядов вышли все самые выдающиеся люди того периода: философы, подобные Лессеусу, экономисты, подобные Скрибани, историки, подобные болландистам, врачи, математики, архитекторы и художники.

Прямым результатом этой клерикализации искусства и литературы стало препятствие прогрессу, достигнутому за последнее столетие вульгарным языком. Латынь заменила французский в философии, истории и науке, и даже в литературе элита предпочитала выражаться на классическом языке. Фламандский язык полностью презирался. По словам Гейлинкса, "это не должно было быть слышно за пределами кухни или гостиницы". Этот период, который с художественной точки зрения был отмечен такими смелыми нововведениями, способствовал реакции на средневековое использование латыни, отдавая предпочтение вульгарному языку. Но люди не читали латынь.

Рубенс был не только самым успешным религиозным художником своего времени, он также был фаворитом и послом Альберта и Изабеллы, великого придворного, портретиста и декоратора Люксембургского дворца в Париже. Он не только ухаживал за Церковью, но и поставил свой талант на службу монархам и знати своего времени, и, конечно, поощрение, оказываемое последними языческим подданным, может служить объяснением снисходительности Церкви к ним. В 1636 году король Испании заказал у антверпенского мастера пятьдесят шесть картин, иллюстрирующих *Метаморфозы* Овидия, предназначенные для его охотничьего домика близ Мадрида. Ученик Рубенса, Ван Дейк, был совершенным типом придворного живописца того периода. Его портреты Карла I и его детей, а также лорда Джона и лорда Бернарда Стюартов являются одними из наиболее известных примеров работ, выполненных им в Англии.

БРЕЙГЕЛЬ И ЙОРДАНС

Есть третий аспект Рубенса, который нельзя игнорировать и благодаря которому он может быть связан с художниками-реалистами семнадцатого века, которым удалось сохранить чисто фламандские и народные традиции, несмотря на итальянское и монархическое влияние. "Кермесы" Лувра и чудесные пейзажи, представленные во многих европейских музеях, являются лучшими доказательствами того, что мастер не терял связи со своей родной землей и с людьми, которые ее возделывали. Этот особый аспект его искусства еще более заметен в работах его последователя Жака Йорданса (1593-1678). Примечательно, что последний стал кальвинистом в 1655 году. В то время как Рубенс и Ван Дейк представляют в основном аристократическую и клерикальную сторону фламандского искусства того периода, Йорданс

предстает прямым потомком Жерома Босха и Питера Брейгеля. Сатиры Брейгеля, такие как "Битва худых и толстых" и "Триумф смерти", ясно показывают, что его симпатии определенно были не на стороне испанского гнета. Его интерпретация "Резни невинных" (Имперский музей, Вена) - не что иное, как трагическое описание налета испанских солдат на фламандскую деревню. Помимо своей необычайной внушительности, эти работы, как и большинство рисунков и живописных полотен Брейгеля, представляют собой замечательные иллюстрации народной жизни Нидерландов во время религиозных войн. Никогда не следует забывать, что на протяжении всего шестнадцатого века, начиная с Квентина Матсиса, основателя антверпенской школы, популярная фламандская традиция оставалась отличной от цветистого стиля итальянцев. Хотя невозможно разделить две группы художников между двумя конфликтующими политическими и религиозными тенденциями, работы Брейгеля и Йорданса можно рассматривать как необходимый аналог работ Франса Флориса и Рубенса, если мы хотим составить полное представление о цивилизации того периода.

массовое убийство невинных (шестнадцатый век).
(Императорский музей, Вена.)

П. Брейггель.^[1]

[Увеличить изображение](#)

ГЛАВА XX

ПОЛИТИЧЕСКИЙ УПАДОК В ИСПАНИИ

Хотя семь северных провинций можно было считать окончательно потерянными после провала последней попытки Фарнезе отвоевать их, в начале XVII века Испанские Нидерланды все еще включали в себя три герцогства Брабант, Лимбург (с его зависимостями за пределами Мааса, Далема, Фокемона и Ролдука), Люксембург и небольшую часть Гелдера с Руремондом; четыре графства Фландрия, Артуа, Эно и Намюр, а также две сеньории Малин и Турне. Когда в 1715 году Южные Нидерланды перешли под суверенитет Австрии, они потеряли Маэстрихт и часть Северного Лимбурга, Северного Брабанта, Зеландской Фландрии, Валлонской Фландрии и Артуа, а также различные небольшие анклав, большинство их укрепленных городов были дополнительно вынуждены принимать иностранные гарнизоны, содержавшиеся за счет

государства. Антверпен оставался закрытым, и усилия, предпринятые в первые годы семнадцатого века для восстановления экономической ситуации посредством промышленной и сельскохозяйственной деятельности, были практически сведены на нет непрекращающимися войнами.

Такая ситуация, очевидно, была вызвана слабостью Испании, которая, хотя и цеплялась за свои северные владения, не располагала средствами для их защиты от амбиций европейских держав, особенно Франции. Это было связано также с политикой Соединенных провинций, которые рассматривали Бельгию всего лишь как буферное государство, которое они могли использовать для собственной защиты и разорение которого из-за закрытия Антверпена было одним из условий их собственного процветания. Вплоть до войны за испанское наследство Англия играла менее заметную роль в различных конфликтах, затрагивающих Южные Нидерланды, но ей несколько раз удавалось сдерживать аннексионистские проекты Франции, чье присутствие на бельгийском побережье представляло гораздо большую опасность, чем присутствие слабой и обедневшей Испании.

СЛАБОСТЬ БЕЛЬГИИ

Нет лучшей иллюстрации первостепенной важности сильной и независимой Бельгии для мира в Европе, чем серия войн, которые так быстро следовали одна за другой в течение семнадцатого века. Верно, что почти в каждом случае новая ситуация, сложившаяся в Нидерландах, не может быть названа прямой причиной этих различных конфликтов, вызванных территориальными амбициями, династической восприимчивостью и даже, как в случае с Тридцатилетней войной, обстоятельствами, совершенно независимыми от тех, которые преобладали на Маасе и Шельде. Но, какой бы номинальной ни была причина этих войн, они, безусловно, приобрели более широкий характер из-за того факта, что Испанские Нидерланды были легкой добычей во власти захватчика и представляли собой своего рода открытую арену, где европейские армии могли встречаться и вести свои сражения на территории противника. То, что разделение Южных и Северных провинций совпало с заметным возрождением воинственного духа по всей Европе, не просто случайность. Контраст между пятнадцатым веком, когда Семнадцать провинций составляли могущественное государство под властью герцогов Бургундских, и семнадцатым, когда большая его часть была разрушена и беззащитна по милости иностранного вторжения, особенно поучителен. На протяжении всего средневековья сначала Фландрия, а затем Бургундские Нидерланды оказывали свое отрезвляющее и регулирующее влияние на отношения между Францией, с одной стороны, и Англией или Германией - с другой. Бельгийские принцы были непосредственно заинтересованы в поддержании мира и в большинстве случаев начинали войну только тогда, когда их независимости, а заодно и миру в Европе, угрожали растущие амбиции одного из их соседей. Система союзов, заключенных с этой целью, возможно, и не могла предотвратить конфликты, но она, безусловно, ограничивала их масштабы и предохраняла Европу от всеобщего пожара, поскольку объединения Нидерландов с одной державой обычно было достаточно, чтобы поддерживать порядок с третьей державой. Ослабление южных провинций под властью Испании, таким образом, создало непоправимую брешь в самом чувствительном и опасном месте на политической карте Европы. Были заключены тройственные и четверные союзы, которые положили начало системе Великих союзов, которая отныне была характерна почти для каждого европейского конфликта и увеличивала в таких больших масштабах численность противостоящих сил и разрушения, сопровождавшие их военные действия.

ПОЛИТИКА НИДЕРЛАНДОВ

Можно сказать, что Соединенные провинции, возможно, и играли ту роль, которую раньше играли Бургундские Нидерланды и графство Фландрия, но, несмотря на их поразительную морскую экспансию и процветание торговли, они не пользовались таким же военным авторитетом на суше. Кроме того, они не хотели брать на себя такую тяжелую ответственность и большую часть времени проводили узко эгоцентричную политику. Хотя у Соединенных Провинций были отличные возможности восстановить единство Нидерландов, и хотя некоторые из их государственных деятелей рассматривали такой шаг, Соединенные Провинции так и не приступили к определенной политике восстановления. Они в первую очередь заботились о безопасности и были слишком осторожны, чтобы пожертвовать солидными материальными преимуществами ради сомнительного европейского престижа. Объединение означало бы повторное открытие Шельды и возрождение Антверпена, соперничества с которым северные порты всегда опасались. Это означало бы допуск гораздо более многочисленного населения на равных основаниях, со свободой вероисповедания, к привилегиям Республики. Это означало бы принести в жертву чрезвычайно сильную стратегическую ситуацию и риски, связанные с защитой слабых и протяженных границ. Сохранение слабого буферного государства в качестве прикрытия от любых атак с Юга казалось гораздо более выгодным, особенно если на его укрепленных позициях располагался голландский гарнизон. Это давало все те же стратегические преимущества, которые могло бы дать объединение, без каких-либо связанных с ним рисков и неудобств. "Гораздо лучше, - писал в то время голландский пенсионер, - защищаться в Брюсселе или Антверпене, чем в Бреде или Дордрехте". Такая позиция была вполне оправдана до тех пор, пока Голландия не стала претендовать на преимущества, связанные с положением умеренной центральной державы, и просить награды, не рискуя при этом.

Мы видели, как в 1632 году делегаты Генеральных штатов были встречены в Гааге с предложением о создании Федеративной католической республики под опекой Франции и Голландии. Этот проект, уже предложенный в 1602 году великим пенсионером Ольденбарневельдом, был очень одобрен кардиналом Ришелье, который в 1634 году подписал секретную конвенцию с Соединенными провинциями, согласно которой такое предложение будет сделано народу Южных Нидерландов. В случае их отказа от этого соглашения страна была бы разделена между двумя союзниками по линии, проходящей от Бланкенберга до Люксембурга. Если мы вспомним позицию бельгийцев во время Заговора знати, возглавляемого графом Бергом (1632 г.), такой отказ должен был быть предвиден, так что предложение действительно сводилось к проекту раздела. Этому проекту в любом случае воспротивилась бы Англия, поскольку, по словам голландского дипломата Гроция, Карл I "не признал бы" присутствия Франции на фламандском побережье.

В 1635 году был объявлен официальный и публичный союз между Соединенными провинциями и Францией, и снова вспыхнула война между Испанией и конфедератами. Последовавшие за этим операции являются частью четвертого этапа Тридцатилетней войны, но здесь нас интересуют только их результаты в отношении Нидерландов. В то время как голландцы заняли Бреду и сосредоточились близ Местрихта, французы продвигались через южные провинции к Лимбургу, где они соединились со своими союзниками, чтобы двинуться на Брюссель. Бельгийцы не ответили на франко-батавский манифест, призывавший их к восстанию, и оказали посильную помощь своему испанскому губернатору, кардиналу инфанту Фердинанду.

Студенты сотрудничали в защите Лувена, и жители проявили величайшую лояльность во время кампании. К этому времени они уже знали, что им не стоит ожидать ничего хорошего от франко-голландского протектората и что даже тень независимости, которую им было позволено сохранить при испанском режиме, будет у них отнята. Бессильные отвоевать полную независимость, они предпочли слабое правление, которое обеспечивало им по крайней мере религиозную свободу, сильному правлению тех, кого они считали иностранцами и врагами своей страны.

РИШЕЛЬЕ И МАЗАРИНИ

Операции проводились с переменным успехом до 1642 года, когда Мазарини сменил Ришелье на посту премьер-министра Франции. Мазарини выступал за более радикальное решение проблемы Нидерландов. Он убедил Людовика XIV в том, что владение левым берегом Рейна необходимо для безопасности королевства, и нацелился на полную аннексию бельгийских провинций. Переговоры, начатые в этом направлении, натолкнулись на противодействие голландии и Англии, а также на резкий отказ Испании отказаться от своих прав на свои северные владения. Эта новая позиция Франции привела к сближению Испании и Соединенных Провинций, которые начали опасаться амбициозных планов Людовика XIV. Две страны урегулировали свои трудности с помощью Мюнстерского мирного договора (1648), в то время как после новой серии поражений, кульминацией которых стала битва при Дюнах, выигранная Тюренном у Дона Хуана в 1658 году, Филипп IV был, наконец, вынужден подчиниться Пиренейскому мирному договору (1659).

У голландских полномочных представителей были практически развязаны руки в урегулировании Мюнстерского договора. Они приобрели все территории, на которые претендовали, и они претендовали только на те территории, которые хотели и которыми уже владели. Их выбор не был продиктован ни территориальными амбициями, ни желанием реализовать единство Нидерландов. Разумеется, они добились официального признания своей полной независимости и сохранения закрытия Шельды и ее зависимостей. Аннексия Зеландской Фландрии, отныне известной как Фландрия Штатов, обеспечила их положение на левом берегу реки, Северного Брабанта с Берген-оп-Зумом, Бредой и Буа-ле-Дюком обеспечила защиту их центральных провинций, в то время как Маэстрихт вместе с Фокемоном, Далемом и Ролдуком обеспечили их положение на Маасе. Это были чисто стратегические аннексии, продиктованные стратегическими мотивами и желанием прочно удержать некоторые ключевые позиции, с которых Соединенные Провинции могли бы с наименьшими усилиями отразить любое нападение со стороны Испании или Франции.

По Пиренейскому мирному договору Филипп IV оставил Франции весь Артуа и ряд укрепленных позиций в Южной Фландрии, Эно, Намюре и Люксембурге. Эти последние требования были продиктованы очевидным желанием расширить французскую территорию в сторону Нидерландов и получить позицию, которая должна была стать хорошей отправной точкой для такого расширения.

Мюнстерский и Пиренейский мир, в широком смысле, определили новый статус Южных провинций, значительно уменьшенный в соответствии с пожеланиями и интересами Соединенных провинций и Франции. Этот статус не был существенно изменен чередой войн, которые происходили во второй половине семнадцатого века и в первые годы восемнадцатого и которые закончились заменой испанского правления австрийским. Однако Людовик XIV счел

это временным, чьи территориальные амбиции простирались далеко за пределы Валлонской Фландрии, и, прежде чем получить право жить в пределах своих новых границ, Бельгии еще предстояло пройти испытание пятью разрушительными войнами.

провозглашение мюнстерского мира перед ратушей антверпена.
Со старой гравюры (1648).

[Увеличить изображение](#)

ПРОЕКТЫ РАЗДЕЛА

На момент смерти Филиппа IV (1665) южные провинции, обнищавшие и недостаточно защищенные, были легкой добычей иностранной территориальной алчности. Голландский великий пенсионер Де Витт вернулся к старому плану 1634 года, согласно которому Голландия и Франция должны согласиться на создание защищенного буферного государства и, в случае, если это предложение не встретит поддержки Штатов, на раздел по линии, простирающейся от Остенде до Маэстрихта. Голландия и Англия, однако, вскоре поняли, что компромисс с Францией невозможен и что их безопасность требует немедленных совместных действий.

Руа-Солей не согласился бы признать права нового короля Испании Карла II на Южные Нидерланды. Несколькими годами ранее король Людовик женился на Марии Терезии, старшей дочери Филиппа IV, и его юридические советники под предлогом невыплаты ее приданого и распространенного в некоторых частях Брабанта обычая, согласно которому дети от первого брака пользовались привилегией ("деволюция") претендовать на эту часть испанского наследства. Королевские войска вступили в Нидерланды в 1667 году, не встретив какого-либо серьезного сопротивления, и военные действия прекратились только тогда, когда после заключения поспешного мира и заручившись поддержкой Швеции, Соединенные провинции и Англия заключили Тройственный союз (1668). По Экс-ла-Шапельскому мирному договору Франция, тем не менее, получила укрепленные города Берг, Фурн, Армантьер, Куртре, Лилль, Ауденарде, Турне, Ат, Дуэ, Бинш и Шарлеруа, еще больше укрепив свои позиции на границах Валлонской Фландрии и в Эно. К тому времени союзники поняли, что амбиции Людовика угрожают самому их существованию. Когда четыре года спустя французы возобновили военные действия, в Голландии произошла революция, в результате которой Де Витт был свергнут в пользу Вильгельма III Оранского, который впоследствии стал самым решительным противником французской политики. Король Англии Карл II занял столь же решительную позицию, следуя

традиционной английской политике не позволять французам закрепляться на фламандском побережье. Выступая в парламенте несколько лет спустя, он заявил, что Англия не может допустить, "чтобы даже такой город, как Остенде, попал в руки Франции, и не может допустить, чтобы даже всего сорок французских солдат заняли такую позицию прямо напротив устья Темзы". Таким образом, Вильгельму не составило труда создать мощный союз, включающий, помимо Соединенных провинций и Англии, Испанию, Германию и Данию. Столкнувшись с таким противодействием, Людовик в конце концов был вынужден подписать Нюмегенский мирный договор, который вернул Испании некоторые передовые позиции, полученные по Экс-ла-Шапельскому мирному договору, но подтвердил потерю Валлонской Фландрии и Южного Эно.

Однако через несколько лет, видя, что союз распался, а его враги занялись другими делами, король Франции занимал все более агрессивную позицию и настолько сильно посягал на права Испании, что Карл II в конце концов был вынужден противостоять его притязаниям. Люксембург был единственным городом, оказавшим сколь-либо серьезное сопротивление; повсюду остальные французские армии применяли свои методы терроризма, бомбардировали города и разоряли страну. Ратисбонское перемирие, заключенное в 1684 году на двадцать лет, добавило к французской добыче Шиме, Бомон и Люксембург.

АУГСБУРГСКАЯ ЛИГА

Вильгельму III, встревоженному этим прогрессом, удалось заручиться поддержкой императора Леопольда I, короля Испании, короля Швеции и герцога Савойского. В Аугсбурге (1686) была основана новая Лига против Франции. Когда два года спустя Вильгельму удалось сместить Якова II с английского престола, эта страна вступила в Лигу, и новый конфликт стал неизбежным. Бельгия не была непосредственно заинтересована в этом и, как и в предыдущих случаях, служила полем битвы иностранных армий. Несмотря на серию побед, одержанных французским генералом, маршалом Люксембурга, при Флерюсе (1690), Стенкерке (1692) и Неервиндене (1693), Вильгельму III всегда удавалось восстановить свою армию. Два года спустя он отвоевал Намюр, несмотря на атаку маршала де Виллеруа на Брюссель, во время которой столица в течение двух дней (с 13 по 15 августа) подвергалась обстрелу раскаленными пулями, более четырех тысяч домов, включая дома на площади Гран-Плас, были уничтожены огнем. Рисвикский мирный договор от 20 сентября 1697 года вернул Испании передовые крепости, аннексированные двумя предыдущими договорами, и Вильгельм был определенно признан королем Англии.

Личный союз между двумя странами несколько повлиял на британскую политику в Нидерландах, эта страна сыграла гораздо более важную роль в последний период борьбы против Людовика XIV. До тех пор Англия довольствовалась сдерживанием посягательств Франции во Фландрии и поддержанием баланса сил в Европе. Более тесные отношения с Соединенными Провинциями во время правления Вильгельма, Марии и королевы Анны возложили на Англию дополнительные обязанности и даже побудили ее на короткое время установить англо-голландский протекторат над бельгийскими провинциями. Такое отношение стало более очевидным из-за личных амбиций Мальборо относительно губернаторства Южных провинций, но провал этих проектов и быстрое возвращение к традиционной политике после Утрехтского мирного договора только делает более очевидной общую территориальную незаинтересованность этой страны в Нидерландах.

КАМПАНИИ МАЛЬБОРО

Король Испании Карл II умер в 1700 году, оставив все свои владения и корону Испании Филиппу, герцогу Анжуйскому, второму внуку Людовика XIV, тем самым лишив его надежд на престолонаследие эрцгерцога Карла, сына императора Леопольда I, который находился в точно таком же отношении к покойному монарху. Император немедленно обратился за поддержкой к Соединенным провинциям, которые, однако, не решались возобновить военные действия. Испанским губернатором в Бельгии в то время был Максимилиан Эммануил Баварский, который вынашивал проект восстановления былого процветания южных провинций и становления сувереном нового государства, с испанским протекторатом или без него. Французские агенты при его дворе поощряли его план и настолько заманили его ложными обещаниями, что в 1701 году он позволил французским войскам беспрепятственно войти в Бельгию и закрепиться в главных городах. Великий альянс, включающий тех же партнеров, что и Аугсбургская лига, был немедленно воссоздан, несмотря на смерть Вильгельма в 1702 году, и герцог Мальборо был поставлен во главе союзных войск. В первые годы войны за испанское наследство операции в Нидерландах носили чисто оборонительный характер, особенно из-за стремления голландцев не рисковать каким-либо наступлением, которое могло бы оставить брешь для атак противника. Только в 1706 году Мальборо смог прорвать оборону противника в Рамиллисе, близ Тирлемонта. За этой победой последовало отступление Франции, и бельгийцы ожидали, что сразу же окажутся под властью Карла III, другого претендента на испанскую корону, вместо которого Государственный совет, созванный в Брюсселе, был подчинен приказам англо-батавской конференции, которая не имела законного права управлять страной. Совет несколько раз протестовал, и притеснения союзников, которых сначала приветствовали как освободителей, вызвали такое возмущение в провинциях, что некоторые города, такие как Гент, открыли свои ворота французам. Поражение Людовика XIV было, однако, завершено при Ауденарде (1708) и Мальплаке (1709). Французские силы были настолько значительно сокращены, что, если бы в то время были выполнены требования Людовика о заключении мира, целостность Южных провинций могла бы быть восстановлена. Союзники были, однако, довольно равнодушны к таким преимуществам, поскольку становилось все более и более очевидным, что из-за англо-голландского соперничества они не могли извлечь из них никакой прямой выгоды, и Нидерланды, в конце концов, должны были быть возвращены Карлу III, который после смерти императора в 1710 году наследовал своему брату под именем Карла VI. Партия вигов отстранилась от власти в Англии в предыдущем году, и Мальборо, лишенный поддержки дома, не мог предпринимать никаких дальнейших операций. В этих условиях переговоры стали возможными, и их результат не нанес такого ущерба престижу Франции, как можно было бы ожидать. По Утрехтскому мирному договору (1713) Южные Нидерланды были переданы австрийской ветви Габсбургов в качестве компенсации за потерю испанской короны. Людовик восстановил Турне и часть Западной Фландрии за Изером, включая Фурнес и Ипр, но Артуа, Валлонская Фландрия, юг Эно и Люксембург остались французскими.

УТРЕХТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

С точки зрения Нидерландов, Раштадтский и Баденский миры (1714 г.) были всего лишь ратификацией императором и Священной Римской Империей положений Утрехтского мирного договора. Но Антверпенский мирный договор, или о барьерах, заключенный в следующем году между Австрией и Соединенными провинциями, включал новые положения, практически ставящие новые Австрийские Нидерланды под опеку Голландии и все еще усиливающие ее

территориальные посягательства. Таков был результат предыдущих конвенций, заключенных между Англией и Соединенными Провинциями и согласно которым последним, помимо некоторых территориальных преимуществ, было обещано владение определенным количеством укрепленных городов, "чтобы они служили барьером безопасности для Генеральных штатов" (1705). Если в Утрехте британцы получили новые владения в Канаде, то в Антверпене голландцы потребовали свою долю преимуществ и потребовали от Карла VI плату за свои услуги. Намюр, Турне, Менин, Ипр, Варнетон, Фурнес, Кнок и Термондэ должны были стать постоянными пунктами Барьера, где Соединенные Провинции могли бы содержать свои войска за счет бельгийских провинций. Дальнейшие преимущества были получены в Зеландской Фландрии и на Маасе в результате аннексии Венлоо, Стивенсверта и Монфора. Укрепления Льежа, Хая и Гента должны были быть снесены, и голландцы также имели право затоплять определенные части страны, если они считали это необходимым для обороны. Шельда, разумеется, оставалась закрытой, поскольку, согласно статье XXVI, "торговля австрийских Нидерландов и всего, что от нее зависит, будет осуществляться на тех же основаниях, что установлены Мюнстерским договором, который был подтвержден".

Договор о барьерах ознаменовал самый низкий уровень бельгийского гражданства. Во время предшествовавшей ей затяжной войны царила полная анархия, империалисты, конференция союзников, Максимилиан Эммануэль и французы управляли различными частями страны. Великая нация, созданная в сердце Европы герцогами Бургундскими, казалась практически уничтоженной, но народ сохранил, несмотря на все неудачи и невзгоды, память о своем прошлом, и из самой глубины своих страданий черпал новую силу и подтвердил свое право на жизнь, несмотря на позицию всех европейских держав, которые, казалось, в то время считали свою национальность несуществующей.

"Мы доведены до последней крайности, - писали государства Брабанта Карлу II в 1691 году, - мы до предела истощены долгими и дорогостоящими войнами, и мы можем только представить вашему Величеству наши немощи, наши раны и наши крики скорби".

бельгия под властью австрийских императоров.

[Увеличить изображение](#)

ОСТЕНДСКАЯ КОМПАНИЯ

Австрийский режим характеризуется возвращением к более мирным условиям, поскольку, за исключением периода с 1740 по 1748 год, страна не была напрямую затронута европейскими конфликтами. При любом правлении этот мирный период должен был быть отмечен экономическим возрождением в стране, располагающей такими природными богатствами, как Южные провинции. Австрийские губернаторы поощряли это движение, как раньше поощряли его эрцгерцоги, но, подобно им, они не смогли избавить страну от экономического рабства в том, что касалось внешней торговли. Приморские страны выдвинули жесткие условия передачи Южных Нидерландов австрийской династии. Договоры предусматривали, что "верноподданные его Императорского Величества не могут ни покупать, ни продавать без согласия своих соседей". В последние годы правления испанского режима небольшая группа торговцев из Остенде зафрахтовала корабль "*Принц Евгений*" и основала фабрики недалеко от Кантона. Так возникло "Генеральное общество Индии по торговле в Бенгалии и на Крайнем Востоке", обычно известное как "Остендская компания", основанное в 1723 году. В течение семи часов был зарегистрирован взнос в размере 6 000 000 флоринов, и вскоре одиннадцать кораблей курсировали между Остенде и рядом фабрик, расположенных на побережье Бенгалии и Южного Китая. Этот успех был с сомнением воспринят морскими державами, которые, обосновывая свои претензии пунктом Мюнстерского мирного договора, запрещающим испанцам торговать в Ост-Индии, сделали ликвидацию новой компании условием принятия Прагматических санкций. Этим актом Карл VI стремился обеспечить наследование Марии Терезии австрийского престола. В очередной раз Бельгия была принесена в жертву династическим интересам, и 31 мая 1727 года концессия Компании Остенде была приостановлена, чтобы быть окончательно отмененной в 1731 году. Аналогичная попытка была предпринята позже в том же столетии Азиатской и Африканской компанией, штаб-квартира которой находилась в Триесте, а филиал - в Остенде. Эта компания выбрала для своих предприятий пустынную группу островов, окружающих Тристан д'Акунья, исходя из того, что такое скромное предприятие никак не могло пробудить зависть Сильных Мира сего. Но точно так же в 1785 году Голландия, Англия и Франция привели к краху новую компанию. Остенде пришлось довольствоваться транзитом испанской шерсти в Империю и временной активностью, которую принесла в ее порт американская война за независимость.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПРОГРЕСС

Несмотря на их кажущуюся незначительность и полный провал, эти попытки возобновить сообщение с внешним миром, несмотря на закрытие Шельды, являются симптомом значительного экономического оживления. За первую половину восемнадцатого века население выросло с двух до трех миллионов, и Брюссель с населением 70 000 человек, Гент и Антверпен с населением по 50 000 человек в каждом восстановили определенную часть своего былого процветания. Местная промышленность, всячески поощряемая защитными мерами, добилась замечательного восстановления. В небольших городах и сельской местности льняная промышленность в значительной степени выиграла от изобретения челнока, в 1765 году было занято более двухсот тысяч ткачей и прядильщиц. Кружевоплетение достигло дальнейшего прогресса, особенно в Брюсселе, где этим ремеслом занимались пятнадцать тысяч женщин. В 1750 году Турне стал важным центром фарфоровой промышленности, его изделия приобрели

большую известность. Добыча угля в более глубоких пластах была облегчена благодаря использованию недавно изобретенных паровых насосов, и шерстяная промышленность вокруг Вербье производила в 1757 году 70 000 единиц материала в год. Такой прогресс в значительной степени компенсировал упадок гобеленов, который был разрушен конкуренцией печатных материалов.

Правительство также активно вмешивалось в вопросы сельского хозяйства, поощряя мелкую собственность за счет крупных поместий и разбивку новых земель. Земельный налог был распределен более равномерно, и великая работа по осушению Моэра (затопленных земель между Фурном и Дюнкерком), начатая эрцгерцогами, была успешно завершена (1780). Крестьяне также извлекали выгоду из выращивания картофеля, который становился все более популярным.

Единственное серьезное препятствие экономической активности было вызвано войной за австрийское наследство, которая началась с восшествием на престол Марии Терезии (1740) и в ходе которой войска Австрии, Англии и Голландии выступили против коалиции Пруссии, Франции, Испании и Польши. Британская высадка в Остенде предотвратила раннее вторжение Франции в Южные Нидерланды в течение первого года борьбы, но в 1744 году французские войска появились в Западной Фландрии, и Бельгия снова стала "Кокпитом Европы".

Победа Мориса де Сакса при Фонтенуа над союзными армиями под командованием герцога Камберлендского поставила Южные Нидерланды под французскую оккупацию. После месячной осады Брюссель был вынужден капитулировать, вскоре за ним последовали Антверпен и другие главные города страны. Маршал Саксен относился к бельгийским провинциям как к завоеванной территории, и взыскания его интенданта Моро де Сейшельского вызвали некоторые протесты, которые были резко пресечены. После двухлетних операций, в ходе которых союзники потерпели несколько поражений на суше, но одержали несколько побед на море, мир был наконец подписан в Экс-ла-Шапель (1748). Бельгийские провинции снова перешли под власть Австрии, а Маэстрихт и Берген-оп-Зом, которые были завоеваны французами, были возвращены Голландии вместе с крепостями Барьера, которые снова были заняты голландскими войсками.

Голландская оккупация с самого начала вызывала сильное возмущение бельгийского народа, который чувствовал унижение от размещения иностранных гарнизонов в своих собственных городах. Теперь, когда голландцы оказались неспособными защитить Барьер, его восстановление было еще менее оправданным и рассматривалось как беспричинное оскорбление. Ничто так не углубило пропасть между Южными и Северными Нидерландами, как поддержание Барьерной системы в сочетании с неоднократными действиями голландцев, направленными на разрушение торговли в Остенде и обеспечение свободного импорта определенных товаров. Популярность, которой пользовался Шарль де Лоррен, шурин Марии Терезии, правивший бельгийскими провинциями с 1744 по 1780 год, была отчасти вызвана недовольством, вызванным превосходством Нидерландов.

АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО

В целом австрийский режим не сильно отличался от испанского. Управление провинциями осуществлялось из Вены, где Совет Нидерландов неизменно принимал решения правительства. Генеральные штаты так и не были созданы, и ни одно важное дело не было

передано на рассмотрение Государственного совета в Брюсселе. Шарль де Лоррен, однако, проявлял большее уважение к местным привилегиям, чем его предшественники, и завоевал симпатии знати своими добродушными манерами. Он держал двор либо в Брюсселе, либо в своих замках Маримон и Тервуэрен, где были представлены французские моды и которые в скромных масштабах напоминали о великолепии Версаля. Некоторые представители аристократии, такие как Шарль Жозеф де Линь, который, кроме того, был замечательным писателем, находились в тесных отношениях с французскими философами, но они составляли лишь незначительное меньшинство, а большинство бельгийской знати были решительно враждебны новым идеям. Вольтер, посетивший Брюссель в 1738 году, не оценил эту провинциальную атмосферу: "Ни искусства, ни Удовольствия не живут в Брюсселе; уединенная и тихая жизнь здесь - удел почти всех, но эта тихая жизнь так похожа на скуку, что одно легко принять за другое".

На самом деле, хотя восемнадцатый век выгодно отличался от семнадцатого, в южных провинциях с экономической точки зрения интеллектуальная жизнь была чрезвычайно бедной. Среди фламандских писателей нет имени, которое можно было бы упомянуть. Действительно, можно даже сказать, что фламандский язык практически перестал быть письменным и стал простым диалектом. Принц де Линь оставался изолированным в своем замке Бельиль, спроектированном Ленотром, и был всего лишь французским интеллектуалом в изгнании. Была основана Королевская академия рисования, но в тот период вряд ли появился хоть один художник, достойный внимания. Императорская и Королевская академии наук и литературы были открыты в 1772 году, но единственными членами были ученые и антиквары, не отличавшиеся оригинальностью. Мария Терезия попыталась противостоять этой интеллектуальной апатии. Она заменила гражданскую цензуру церковной, она поручила графу де Нени, известному юристу, реформировать Лувенский университет. Когда орден иезуитов был упразднен папой римским в 1773 году, она основала пятнадцать новых колледжей для мирян, известных как Collèges Thérésiens, и проявила личный интерес к разработке программы обучения и малейшим деталям организации. Она выступала за преподавание фламандского и французского языков в средних школах, и эти два языка были поставлены на совершенно равные условия. В судебной сфере ей удалось отменить пытки как средство дознания. Она также пыталась бороться с пауперизмом, основывая сиротские приюты и богадельни.

МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ

Несмотря на то, что ни Карл VI, ни Мария Терезия никогда не посещали Бельгию, народ испытывал искреннюю привязанность к монархии. Они жили с памятью о таких суровых испытаниях, что были благодарны за то скудное внимание, которое им уделялось. Кроме того, династия Габсбургов оставалась одним из связующих звеньев с прошлым, и важно, что в то время, когда все взоры были обращены в будущее, бельгийцы, и особенно народные классы, все больше и больше возвращались к своим собственным традициям. Несомненно, экономические ограничения, которым они подвергались, и тот факт, что они были практически изолированы, должны были способствовать такому состоянию ума, но в основном причиной этого является отсутствие политической независимости. Неспособные взять свою судьбу в свои руки, вынужденные подчиняться величайшим бедствиям, не имея возможности избежать или

предотвратить их, бельгийцы цеплялись за последние остатки своих прошлых привилегий, как будто их спасение можно было найти только среди руин их былой славы.

НАРОДНОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Единственные серьезные гражданские беспорядки, произошедшие при испанском и австрийском правлении, были вызваны незначительными нарушениями правительством некоторых старых привилегий корпораций. По таким причинам вспыхнули беспорядки в Брюсселе (1619), Антверпене (1659) и Лувене (1684). Люди восстали не против иностранного господства и не для того, чтобы получить свою долю в управлении страной, а потому, что они думали, справедливо или ошибочно, что какой-то средневековый обычай, который они считали своей священной привилегией, не соблюдался. В последние годы правления испанского режима в Брюсселе часто вспыхивали беспорядки из-за того, что после случайного обрушения башни, в которой хранились старые документы, люди смогли снова ознакомиться с Великой привилегией Марии Бургундской, дарованной два столетия назад. Они сделали перепечатку под названием *Luyster van Brabant* (Украшение Брабанта) и хотели убедить Максимилиана Эммануэля применить старую хартию. После долгих проволочек губернатору, наконец, пришлось ввести в действие строгие правила, известные как "дополнения к регламенту". Этот инцидент послужил источником дальнейших неприятностей в начале австрийского режима, когда принц Евгений, будучи вовлеченным в войну против турок, делегировал маркиза де При представлять его интересы в Нидерландах. Не желая соблюдать новые правила, брюссельские ремесленники отказались платить налоги. Ими руководил производитель стульев Франсуа Аннессен. В 1718 году в Брюсселе и Малине вспыхнули беспорядки, и Прие был вынужден позволить местному ополчению восстановить порядок. Тем временем он послал за войсками, и в октябре 1719 года Брюссель был оккупирован военным путем. Аннессен был казнен, и горечь, вызванная этой тиранической мерой, вынудила правительство отозвать Прие несколько лет спустя (1724). Эти народные движения были лишь первыми признаками растущего беспокойства народа, вызвавшего Брабансонскую революцию 1789 года. Хотя консервативный и даже реакционный характер этих гражданских беспорядков должен быть прояснен, чтобы избежать какой-либо путаницы между бельгийской и французской революциями, в то же время следует признать, что оба движения исходили из одного и того же желания перемен и из одного и того же смутного ощущения, что при новом режиме жизнь станет более сносной. Социальные условия, вызванные "старым режимом", в бельгийских провинциях были далеко не такими тяжелыми, как во Франции, и при просвещенном правлении Марии Терезии и Иосифа II, безусловно, следовало ожидать некоторого улучшения. Но люди страдали от искусственных условий, в которых они жили экономически, и хотя они не видели ясно причину своих проблем, они были склонны хвататься за любой предлог, чтобы выразить свое недовольство. Несмотря ни на что, можно предположить, что закрытие Шельды могло быть как-то связано со свержением австрийского режима.

ГЛАВА XXII

БРАБАНСОНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Политика Филиппа II разорила Южные Нидерланды в конце XVI века. Двести лет спустя методы правления Иосифа II вызвали народную реакцию, которая практически положила конец режиму Габсбургов. Контраст между двумя монархами поразителен. Филипп II представляет собой тип монархического тирана, основывающего свои притязания на суверенитет на Божественном Праве королей и доводящего эти принципы до крайних выводов. Он не только считал своей миссией управлять телами своего народа, но и чувствовал себя обязанным управлять их душами и искренне верил, что, преследуя ересь самыми жестокими средствами, он на самом деле трудился на их благо. В противоположность этому клерикальному фанатику, издающему указы из монастырской кельи, Иосиф II олицетворяет тип современного монарха, воспитанного на просвещенной философии восемнадцатого века, для которого государство должно было не служить Церкви, а быть служимым ею. Для этого молодого философа, отличавшегося величайшей простотой в манерах и привычках, сам государь был первым слугой государства, и его автократическое правление было оправдано только его верой в то, что разумное правительство не может быть подчинено контролю народа.

ИОСИФ II

Но, несмотря на такую разницу в образовании, внешнем облике и мировоззрении, у Филиппа II и Иосифа II были определенные общие черты. Они оба были добросовестными работниками, чрезмерно стремившимися контролировать каждое действие своих представителей, и оба испытывали величайшее презрение к чувствам людей, которыми они управляли. Придя к определенным выводам, они применяли их механически, презирая всякое сопротивление. Они держали в своих руках секрет счастья или спасения своего народа и были полны решимости навязать ему это счастье и это спасение, независимо от того, соглашались они или нет. Они оба обладали жестким, нетерпимым и добродетельным умом, который отличает худших автократов. Единственное разительное различие между желаниями двух монархов заключалось в том, что фанатик философии восемнадцатого века был полон решимости, чтобы его народ обрел счастье в этой жизни, в то время как фанатик католического Возрождения был полон решимости, чтобы они обрели это счастье в следующей.

иосиф ii.

С современной гравюры.

[Увеличить изображение](#)

ВИЗИТ ДЖОЗЕФА В БЕЛЬГИЮ

Такая оценка может показаться странной, если учесть, что одним из кардинальных принципов правления Иосифа II была именно религиозная и философская терпимость и полное отделение государственной политики от личных убеждений. Но в настоящее время нас интересует не личная философия двух королей, а то, как она повлияла на их народ. Что касается Нидерландов, то этот народ был последним в Европе, кто терпел такие жесткие и абстрактные методы правления, и, возможно, ничто не является более поучительным, если мы попытаемся составить адекватное мнение о бельгийском темпераменте, чем потрясения, вызванные реформами, провозглашенными "невежественным" и "просвещенным" монархом. Дело было не столько в том, что бельгийцы восстали против инквизиции, в одном случае, и против секуляризации - в другом. Мы видели, что в шестнадцатом веке подавляющее большинство оставалось католиками, несмотря на кальвинистскую пропаганду, и, хотя Церковь приобрела еще больший авторитет в семнадцатом веке, меньшинство, находящееся под влиянием идей Французской революции, ни в коем случае нельзя было игнорировать. Принципом, против которого бельгийцы больше всего возражали, было государственное богослужение, поскольку оно разрушало все традиции бургундского и постбургундского периодов. До тех пор, пока уважались эти традиции и местные привилегии, дающие им еще тень провинциальной независимости, они без особых трудностей подчинялись навязыванию централизованных институтов и иностранному правлению. Они даже были готовы, когда это правило оказалось хоть сколько-нибудь приемлемым, привести веские доказательства своей лояльности. Они были очень чувствительны к любому проявлению сочувствия и выказывали почти преувеличенную благодарность любому принцу, который снисходил до того, чтобы председательствовать на их празднествах и разделять их удовольствия. В этом был секрет

популярности Карла V, и успешное губернаторство Шарля де Лоррена не имело другой причины. Но Шарль де Лоррен был как раз тем типом людей, которых такой пуританский догматик, как Иосиф II, терпеть не мог. Хотя он посетил большую часть своих поместий в качестве законного наследника, он всегда воздерживался от поездки в Бельгию из-за своей антипатии к своему дяде, популярности которого он завидовал. Когда Чарльз умер, он изменил название полка, который был назван в его честь. Его визит в Бельгию в 1781 году стал большим разочарованием для народа — таким же большим, как и первое появление Филиппа II в Брюсселе. Он начал с намерения "провести серьезное и тщательное исследование" Южных Нидерландов. Когда его попросили председательствовать на празднике в Люксембурге, он ответил, что приехал не "есть, пить и танцевать, а по серьезному делу". Когда в Генте показали великолепный шедевр фламандского искусства, венец славы бургундии - "Поклонение Агнцу" Ван Эйка, он возразил против обнаженных фигур Адама и Евы и приказал убрать их. Он появлялся в простой униформе в сопровождении одного слуги, останавливался в общественной гостинице и путешествовал в общественных каретах. Большую часть своего времени он проводил в правительственных учреждениях, не пользуясь возможностью пообщаться с людьми и в спешке посещая школы, казармы и мастерские. Таковы были его серьезные занятия. Как могли люди понять принца, который так мало понимал их? Видя отсутствие сочувствия, он уже осудил их; для него они были "франтоватыми головами, которых не интересовало ничего, кроме пива".

Мария Терезия, хотя ее политика оставалась строго династической, включая даже возможный обмен ее бельгийских провинций на другие государства, приобрела определенное знание людей и поняла, что их предрассудкам, хотя и абсурдным с ее точки зрения, следует потакать. Она призывала своего сына быть терпеливым по отношению к подобным предрассудкам, "от которых слишком многие уже были избавлены". Она поняла, что принятие правительством местных обычаев и привилегий было важным условием продолжения австрийского правления, что люди, неспособные защитить себя, сосредоточили всю свою привязанность и гордость на этих последних остатках своей былой славы, и что религиозные церемонии и народные праздники были здоровым притоком народной энергии, которая в противном случае могла бы стать опасной. Выбирая возможности, она постепенно работала над секуляризацией образования и ограничением привилегий духовенства, но не предпринимала масштабных реформ.

Иосиф II, напротив, действовал по плану и был настроен уничтожить все, что казалось ему абсурдным в обычаях и институтах страны. Практически все казалось ему таким: анахронизм Радостного Въезда, средневековые Великой Привилегии Марии Бургундской, регионализм провинциальных государств, престиж Церкви, паломничества, нетерпимость, вплоть до народных празднеств, запоев "кermесов" и безумной жажды людей повеселиться. Эта последняя черта была столь же характерна для бельгийского народа в те дни, как в средневековье и в новое время. Все художники-реалисты, от Брейгеля до Йорданса и от Йорданса до Тенирса, превозносили радость народных праздников, и примечательно, что в течение столетия, когда в стране было так мало еды и так мало поводов для веселья, произведения искусства, являющиеся наиболее верным выражением народных чаяний, ни о какой другой теме не говорят с таким удовольствием и настойчивостью. Трагическая сторона жизни не была представлена, и можно рискнуть сказать, что поклонники таких веселых kermесов, должно быть, часто принимали свои желания за реальность. Как и в "Pays de Cocagne" Брейгеля, они описывали земной рай, гораздо более далекий, чем небесный.

ВОЙНА В КОТЛЕ

Только одним способом император понимал чаяния своего народа и поддерживал их до определенного момента. Прежде чем организовать свои владения в соответствии с уже набросанным им идеальным проектом, он намеревался укрепить их политическое положение. Барьерная система была ему так же неприятна, как населению Фландрии и Эно, и он разделял недовольство антверпенских купцов в связи с закрытием Шельды. Еще в 1756 году Мария Терезия отказалась выплачивать ежегодную дань на содержание голландских гарнизонов, которые так мало сделали для защиты Бельгии во время предыдущей войны, но она не смогла помешать принцу Брауншвейгскому восстановить разрушенные крепости и гарнизоны. После распада голландско-британского союза из-за войны в Америке Иосиф II без колебаний разрушил крепости, и голландские гарнизоны были вынуждены уйти (1782). Воодушевленный этим первым успехом и обнаружив, что Англия стремится вновь открыть Шельду из-за блокады голландского побережья, император объявил о свободе реки и вслед за этим довольно опрометчиво отправил из Антверпена в море небольшой бриг "Людовик" под его флагом. Выстрел, произведенный с голландского катера, попал в котел, случайно оказавшийся на палубе, и Европа оказалась перед перспективой новой войны. "Война в котле" была, однако, предотвращена при посредничестве Людовика XVI, и мирный договор в Фонтенбло (1785), признавая снятие Барьера, сохранил закрытие Шельды.

Эта проверка его внешней политики еще больше усилила непопулярность Иосифа II в Бельгии. Ревниво относясь к авторитету герцога Альберта Казимира Саксен-Тешенского и его сестры Марии Кристины, своих представителей в стране, император лишил их всякой инициативы и действовал непосредственно через своего полномочного министра, графа Бельгийозо. Чтобы ограничить влияние духовенства и привести бельгийские институты в полную гармонию с организацией других своих государств, Иосиф II издал с 1781 по 1786 год серию указов, которые не могли не вызвать большого возмущения среди католиков: все государственные функции были доступны как католикам, так и не католикам, была провозглашена полная свобода вероисповедания, были разрешены смешанные браки (между католиками и протестантами), у церковных властей было отобрано ведение приходских книг, все "бесполезные" монастыри были подавлены, все епископальные обвинения были санкционированы империей, все епископальные семинарии были упразднены и заменены контролируемыми семинариями в Лувене и Люксембурге. Границы прихода были изменены, и были введены строгие правила в отношении процессий, паломничеств и даже священнических костюмов, в то время как захоронение в освященной земле было запрещено, чтобы все умершие, независимо от их вероисповедания, пользовались равным почетом.

ВНУТРЕННИЕ РЕФОРМЫ

Некоторые из этих мер могли бы быть вполне оправданы, и пример Марии Терезии показывает, что их можно было бы принимать постепенно, при благоприятных обстоятельствах, не создавая проблем. Что больше всего ранило людей, так это их огульный характер, их частота и мелочная тирания, с которой они применялись. Недаром Фридрих II Прусский прозвал Иосифа "мой брат ризничий". Император зашел так далеко, что заменил католические братства "Братством деятельной любви к ближнему". Все протесты остались без малейшего результата. По словам Иосифа II, они были просто "следствием бреда". В течение пяти лет этот чересчур здравомыслящий государь, называя всех несогласных с ним "безумцами", преуспел в том,

чтобы свести на нет всю хорошую работу, предпринятую Шарлем де Лорреном, и подорвать австрийскую власть в Нидерландах. В 1786 году Иосиф II взялся регулировать удовольствия людей. Чтобы помешать жителям соседних деревень и поселков принимать участие в ярмарках друг друга, он назначил один день в году для празднования всех этих празднеств. Неудивительно, что его благие намерения не были оценены по достоинству и что это постоянное вмешательство государства в самые сокровенные и лелеемые традиции народа встречалось с растущей неприязнью.

Император, тем не менее, не ослабил своей активности и в следующем году издал указ, который полностью нарушил административную и судебную организацию провинций. "Генеральный совет Нидерландов" заменил три вспомогательных совета. Страна была разделена на девять кругов, находившихся в ведении интендантов, каждый из которых был разделен на округа, находившиеся в ведении комиссаров. Все верховные суды, провинциальные, муниципальные, церковные, университетские и корпоративные суды со дня на день заменялись шестьюдесятью четырьмя обычными трибуналами, двумя апелляционными судами и одним ревизионным судом.

Эта последняя мера, которая на самом деле означала окончательный упадок всех привилегий и институтов, столь усердно защищавшихся и сохранявшихся на протяжении веков иностранного гнета, вызвала единодушный протест. К католикам, возглавляемым народным трибуном Ван дер Нутом, присоединилось меньшинство дворян и буржуа, находившихся под влиянием идей Французской революции, главным представителем которого был Франсуа Вонк. Штаты Брабанта отказывались платить налоги до тех пор, пока декреты 1787 года не были отменены, а немногочисленные сторонники Бельгийозо, или "Инжира", подвергались преследованиям со стороны населения. 18 мая 1787 года герцог Альберт Казимир писал Иосифу II: "Убежденный в том, что его самые священные права и сама его свобода подвергаются нападкам, вся нация, от первого до последнего гражданина, проникнута патриотическим энтузиазмом, который заставил бы их скорее пролить последнюю каплю своей крови, чем подчиняться законам, которые власти попытались бы навязать и которые кажутся противоречащими Конституции".

van der noot.

С современной гравюры.

[Увеличить изображение](#)

Тем временем Ван дер Нут и Вонк основали Патриотический комитет, сильно субсидируемый духовенством, который вербовал добровольцев и распространял антиимперские брошюры. В августе 1787 года Иосифа II наконец убедили приостановить действие его последних указов при условии, что Комитет будет распущен, а добровольцы распущены. Он направил в Брюссель, в качестве полномочного представителя, графа Траутмансдорфа с диктаторскими полномочиями и генерала д'Альтона в качестве командующего имперскими войсками. Под угрозой военных Совет Брабанта был вынужден подчиниться.

РЕЛИГИОЗНЫЕ РЕФОРМЫ

Однако религиозные реформы по-прежнему вызывали сильное сопротивление. Генеральная семинария осталась без учеников. Университет Лувена, восставший против новых правил, был закрыт. В Лувене, Малине и Антверпене вспыхнули беспорядки, которые были жестко подавлены. Штаты Эно, отказавшись от субсидий, были распущены. Когда штаты Брабанта заняли аналогичную позицию, император направил пушки на Гран-Плас в Брюсселе и пригрозил "превратить столицу в пустыню, где на улицах будет расти трава". Теперь под догматиком проступал самодержец. Раздраженный сопротивлением, Иосиф II попросил у штатов Брабанта бессрочную субсидию, объявил о своем намерении пересмотреть "Радостную запись", которую он поклялся сохранить, и приступить к реализации своих планов реорганизации судебной системы. Штаты, отказавшиеся от их поддержки, были распущены, а Радостный Въезд аннулирован.

Случилось так, что общественное мнение наиболее остро всколыхнулось в провинциях во время взятия Бастилии жителями Парижа (июль 1789 года). Это великое символическое событие не могло не отразиться на бельгийском кризисе. Вонкистское меньшинство было сильно воодушевлено, а остальные люди увидели в этом событии просто победу свободы над автократией. Ван дер Нут нашел убежище в Бреде, откуда предпринял несколько поездок, чтобы заручиться поддержкой Тройственного союза. Питт отказался предоставить ему аудиенцию, но правительства Нидерландов и Пруссии, не взяв на себя никаких определенных обязательств, по крайней мере, прислушались к его предложениям. Народный лидер, придя к поспешным выводам, объявил, что Власти благосклонны к революции. Вонк, с другой стороны, основал свою штаб-квартиру в княжестве Льеж, где у него было много друзей и где ему удалось завербовать определенное количество добровольцев. Когда австрийцы вошли в княжество, он был вынужден уехать в Бреду, где объединил силы с Ван дер Нутом. Отставной полковник прусской армии Ван дер Меерш был выбран командиром трех тысяч плохо экипированных добровольцев, скопившихся вдоль голландской границы. 23 октября он занял Хоогстратен в Кампине и издал манифест, в котором Иосиф II объявлялся утратившим свои права. Небольшого успеха под Тюрнхаутом несколько дней спустя, за которым последовало отступление австрийских войск, было достаточно, чтобы спровоцировать восстания по всей стране. Покинутый своими валлонскими войсками, генерал д'Альтон был вынужден уехать из Брюсселя в Люксембург, единственный оставшийся лояльным город. 18 декабря Ван дер Нут и Вонк совершили торжественный въезд в Брюссель, за которым последовал благодарственный молебен в Сент. Гудуле. Пораженный этими событиями, Иосиф II написал графу де Сегюру:

"Всеобщее безумие, кажется, овладело всеми народами; жители Брабанта, например, восстали, потому что я хотел дать им то, чего требует ваша собственная нация". Он, безусловно, был ближе к истине, чем Камиль Демулен, который в своей хорошо известной статье объединил две революции, потому что они начались почти в один и тот же день. На самом деле Брабансонская революция была гораздо более консервативной, чем прогрессивной. Интеллектуалы-вонкисты, которые всегда были в меньшинстве, на следующий день после победы были практически проигнорированы, и Ван дер Нут пришел к власти.

сцена брабансонской революции.

(Со старой гравюры)

Делегация из Монса, прибывающая в ратушу Брюсселя.

[Увеличить изображение](#)

"БЕЛЬГИЙСКИЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ"

Новая Конституция, принятая 11 января 1790 года делегатами провинциальных штатов, за исключением Люксембурга, провозгласила "Единый бельгийский уровень" как конфедерацию под руководством Верховного конгресса. Генеральные штаты занимались только вопросами общего управления и разногласиями между провинциями. Конгресс отвечал за иностранные дела, все местные вопросы передавались на рассмотрение провинциальных штатов. Хотя на первый взгляд кажется, что на эту Конституцию сильно повлиял американский пример, она ознаменовала собой всего лишь триумф партикуляристских тенденций средневековья и реакцию против догматического и централизованного правления Иосифа II. Это обеспечило преобладание знати и духовенства и сохранение старых государств, одновременно оберегая Церковь от любых попыток секуляризации. Любые попытки вонкистов внести в новую Конституцию принципы прав человека и народного суверенитета встречали не только сопротивление, но и сильное возмущение, и вскоре "государственники" во главе с Ван дер Нутом организовали регулярное преследование прогрессивной буржуазии и знати. Вонк и его сторонники были вынуждены бежать во Францию, а Ван дер Меерш, вставший на их сторону, был арестован бароном де Шенфельдом, поставленным Конгрессом во главе национальных войск.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АВСТРИЙЦЕВ

Новый император Леопольд II, сменивший своего брата на австрийском престоле (февраль 1790 г.), воспользовался возможностью, предоставленной этими внутренними неурядицами, чтобы возобновить переговоры. Он пообещал полную амнистию, прекращение реформ и назначение бельгийцев на все посты, даже на посты полномочного представителя и командующего национальными силами. Ван дер Нут отказался от этих предложений на том основании, что

Тройственный союз поддержит Конфедерацию. Однако 27 июля Англия, Соединенные провинции и Пруссия подписали Рейхенбахскую конвенцию, восстанавливающую Леопольда II в его владениях над Нидерландами. Это способствовало падению престижа Конгресса. Бельгийские национальные войска не смогли оказать серьезного сопротивления вторгшимся австрийским армиям. 25 ноября маршал Бендер достиг Намюра, а 2 декабря, почти через год после их отъезда из Брюсселя, австрийцы вновь вошли в столицу. Рейхенбахская конвенция гарантировала полную амнистию. Леопольд II сдержал свое обещание и по Гаагскому мирному договору восстановил все институты в том виде, в каком они были во времена правления Марии Терезии.

Так с треском провалилась революция, начатая на фоне горячего энтузиазма. Патриотизм народа не подлежит сомнению. Они примирились с иностранным владычеством только в шестнадцатом веке, потому что это было средством сохранения их веры и древних традиций. Как только этот негласный договор был нарушен, они решили избавиться от иностранной опеки и сделать ставку на независимость. Но если людям и не было недостатка в общественном духе, то они потеряли связь со временем и не смогли воспользоваться своей свободой, когда завоевали ее. Общественное мнение было необразованным, а регионализм лишил людей возможности видеть преимущества, которые они могли бы извлечь из более централизованного режима. Они не были готовы идти ни на какие уступки своим политическим противникам ради единства; им еще предстояло усвоить девиз 1830 года: "Союз - это сила". Таким образом, ужасное испытание, которому им пришлось подвергнуться во время французской оккупации, не осталось полностью бесплодным. Ни испанцам, ни австрийцам не удалось искоренить партикуляристские тенденции. Французы установили централизованный режим и произвели впечатление на людей его социальной ценностью. Когда в 1830 году бельгийцы снова восстали против иностранного гнета, они усвоили свой урок и больше не позволили внутренним разногласиям лишить их плодов своего труда.

ГЛАВА XXIII

СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО

Одной из причин неспособности Иосифа II реформировать бельгийские институты было то, что его монархическая власть опиралась в основном на дворянство, духовенство и крестьян, которые были вынуждены возмущаться отказом от своих привилегий и традиций. Французская Республика и ее результат, наполеоновский режим, были более успешными не потому, что они проявили больше дипломатии и умеренности, а потому, что, несмотря на свои эксцессы и автократические процедуры, они действительно принесли в страну новую идею и основали свою власть на новой концепции общества. Буржуазные элементы школы вонкистов и население крупных городов к этому времени были пропитаны духом Революции. Они приняли принцип прав человека и равного гражданства, и ради этих идеалов они были готовы пойти на некоторые уступки. Тем не менее, первые годы французского режима были горьким разочарованием.

Пильницкой декларацией (1791) Леопольд II, брат французской королевы, заложил основу первой коалиции и заявил о своем намерении вмешаться в пользу Людовика XVI. После его смерти (1792) Франциск II проводил еще более агрессивную политику по отношению к Революции, и жирондисты, только что пришедшие к власти, вынудили короля Франции объявить войну против Австрии. Первые атаки на Бельгию были легко отбиты имперскими войсками под командованием национальных лидеров, но победа при Жемаппе (6 ноября), одержанная Дюмурье с помощью бельгийского легиона, открыла бельгийские провинции для революционных войск. Генерал Дюмурье был умеренным и намеревался оставаться верным принципам свободы. Он издал прокламацию, одобренную Конвентом, в которой заявлял, что его солдаты идут как союзники и как братья. Когда 14 ноября магистраты предложили ему ключи от Брюсселя, он отказался от них, сказав: "Оставьте ключи себе и храните их бережно; пусть ни один иностранец больше не правит вами, ибо вы не созданы для такой судьбы". Находясь под большим впечатлением от теплого приема, оказанного ему вонкистами в Монсе и Брюсселе, он не осознавал, что страна далека от единодушия. Французский генерал объявил Шельду открытой в соответствии с декретом республики, провозгласившим свободу реки.

бельгия под властью Франции.

В то время как бельгийцы колебались, стоит ли объявлять Съезд и организовываться в соответствии с республиканским режимом, они начали ощущать первые последствия оккупации. Французская армия в районе Льежа жила только за счет реквизиций. Камбон представил Конвенту (декабрь 1792 г.) декрет, отменяющий все различия и привилегии на завоеванных территориях, заменяя их суверенитетом народа. Поскольку этот суверенитет в Бельгии не был выражен, провинциями практически управляли несколько якобинских комиссаров, важнейшей задачей которых была конфискация имущества дворян и духовенства и обеспечение обращения революционных бумажных денег (ассигнаций). Эти меры вызвали реакцию в пользу этактизма, и консерваторы получили подавляющее большинство на выборах, состоявшихся в декабре. Тем временем Англия и Соединенные провинции, встревоженные успехами французов в Нидерландах, присоединились к первой коалиции (январь 1793 г.), а якобинцы, доминировавшие в Конвенте, начали аннексионистскую политику, не что иное, как левый берег Рейна, способный, по их мнению, обезопасить Францию от нападков реакции. Чтобы успокоить угрызения совести французских умеренных, якобинцы попытались спровоцировать манифестации в пользу аннексии в бельгийских провинциях. Клубы организовали регулярную пропаганду. Ораторы в алых капюшонах, вооруженные пиками, обращались к толпе на рыночных площадях. Депутат Чепи, взявший на себя руководство

движением, заявил, что он полон решимости добиться воссоединения "силой разума, трогательными намеками на филантропию и всеми средствами революционной тактики". Во многих случаях толпы, загнанные в церковь, были окружены вооруженными "санкюлотами" и вынуждены были громкими возгласами демонстрировать свою приверженность Республике. В марте 1793 года восстание было неминуемо, десять тысяч вооруженных крестьян уже были сосредоточены близ Граммона. Это было предотвращено в последний момент возвращением Дюмурье, который приказал арестовать Чепи, освободил заложников и добился возвращения трофеев, похищенных из церквей и замков. В письме в Конвент он протестовал против безумной политики, проводимой якобинскими комиссарами, и умолял их ознакомиться с историей Нидерландов, где они обнаружат, что доброй воли бельгийского народа никогда нельзя добиться силой.

NEERWINDEN

Потерпев поражение при Неервиндене (март 1793 г.), Дюмурье был вынужден отступить, и 28 апреля австрийцы вновь вошли в Брюссель. Реставрация была благосклонно встречена народом, тем более что Франциск II свято придерживался старых привилегий, воздерживаясь от набора рекрутов после отказа штатов Брабанта и лично принимая присягу при Радостном вступлении (апрель 1794 г.). Это был последний раз, когда проводилась эта древняя церемония.

Несколько дней спустя Пишегрю начал крупное наступление во Фландрии, и 26 июня победа при Флерюсе снова передала бельгийские провинции в руки Франции. В то время как Журден преследовал империалистов к Рейну, по пути захватив Мейстрихт, Пишегрю продолжил кампанию в Голландии. Зеландская Фландрия уже была завоевана Моро, и по Гаагскому мирному договору (май 1795 г.) бельгийским провинциям была возвращена большая часть округов, утраченных по Мюнстерскому мирному договору почти полтора столетия назад. Франция получила Зеландскую Фландрию с левым берегом Шельды, а в Лимбурге - ключевые позиции в Маэстрихте и Венлоо. Кроме того, она получила право размещать гарнизоны в военное время в Буа-ле-Дюке и других городах Северного Брабанта. Голландии была обещана компенсация в Гелдере.

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

В то время как внутренняя политика Республики была завуалирована идеологией и омрачена тиранической алчностью, ее внешняя политика была основана на здравом реализме. Французские полномочные представители, подобно Иосифу II, но гораздо более ясно понимали, что обладание ключевыми позициями на Шельде и Маасе имеет важное значение для безопасности страны и ее коммерческого процветания. Сравнение положений Гаагского и Мюнстерского договоров особенно поучительно. Очевидно, требования французов были умеренными; фактически, они полностью изменили ситуацию, сложившуюся в семнадцатом веке. Никакие массовые аннексии не дали бы Франции эквивалентных преимуществ. Выбор Республики был продиктован здравыми стратегическими принципами и определялся теми же мотивами, которыми руководствовались голландцы в 1648 году.

Но бельгийский народ, страдающий от всех зол иностранной оккупации, мог получить лишь скудное удовлетворение от восстановления утраченных районов. Конвент вел войну со всем миром и обескровил Бельгию, чтобы найти необходимые ресурсы. Провинции были обязаны выплатить взнос в размере 80 000 000 франков, что в шесть раз превышало предыдущий

годовой бюджет. Из городов, которые не могли внести свою долю, были взяты заложники. Систематически организовывались реквизиции всего сырья. Камбон хвастался перед Конвентом, что Нидерланды не только обеспечивали содержание республиканских армий, но и обогащали национальную казну. Под руководством "Агентства торговли экспорта Бельгии" сокровищницы церквей, монастырей, корпораций и муниципалитетов были вывезены вместе с картинами, произведениями искусства и промышленными машинами. Республиканские агенты, прозванные "французскими губками", доходили даже до разграбления частной собственности. В то же время стоимость ассигнаций упала до смехотворно низкого уровня, и, чтобы сдержать соответствующий рост цен, власти установили "максимум" и обязали торговцев держать свои магазины открытыми.

Все обещания Дюмурье были давно забыты, и теперь пожелания населения совершенно не принимались во внимание. Старые хартии были уничтожены, и людей обязали сажать "деревья свободы" на рыночных площадях. Названия улиц были изменены, введено в действие использование республиканского календаря, а "декади" (соблюдение десятого дня) заменено воскресеньем. Религиозные праздники были заменены празднествами в честь "Природы" или "Человечества", а большинство церквей были закрыты или преобразованы в казармы, склады или храмы, посвященные поклонению "Высшему Существу". Наконец, в 1795 году в Комитет общественной безопасности было внесено предложение аннексировать территорию Австрийских Нидерландов. Несмотря на несколько протестов, предложение было принято 1 октября 1795 года, и страна была разделена на девять департаментов — Лис, Эско, Де-Нет, Нижний Мез, Дайль, Урт, Жемап, Самбр и Мез и Форет.

Режим Директории был столь же ненавистен бельгийцам, которые извлекли скудную выгоду из своей аннексии. Фламандский язык был исключен из официальных документов, все публичные проявления католического богослужения были запрещены, а имущество религиозных общин конфисковано. После государственного переворота восемнадцатого Фруктидора директория потребовала от каждого священника клятвы в ненависти к монархии. Большинство бельгийских священников отказались принять эту присягу, последовали депортации и преследования. Многие церкви были разрушены, в том числе собор Святого Ламбера в Льеже.

По Кампо-Формийскому мирному договору (1797) Франциск II согласился на аннексию австрийских Нидерландов, но Великобритания отказалась прекратить борьбу, верная своей традиционной политике, которая не могла допустить присутствия французов на бельгийском побережье, которое было тем более угрожающим теперь, когда они удерживали левый берег Шельды. В следующем году была сформирована вторая коалиция, и директорат применил к бельгийским департаментам новый закон о воинской повинности.

До этого момента, за исключением восстания, которого избежал Дюмурье, бельгийцы не пытались восстать. Измученные брабансонской революцией, разделенные между собой, они просто оказывали пассивное сопротивление республиканской пропаганде и попыткам их хозяев склонить их к участию в рационалистическом богослужении. Эта последняя мера, однако, спровоцировала восстание среди крестьянства. Многие молодые люди, подлежащие призыву, предпочли умереть, сражаясь за свою свободу, чем за французов. Движение было совершенно отчаянным. Она не могла рассчитывать ни на помощь извне, ни на поддержку знати, бежавшей из страны, ни на высшее духовенство, которое теперь было бессильно. Крестьяне собирались в деревнях при звуке набата, одетые в рабочую одежду и часто

вооруженные только дубинками или вилами. Они совершали набеги на маленькие города и деревни, вырубали деревья свободы, уничтожали реестры, на основе которых составлялись списки призывников, и приставали к тем, кого подозревали в симпатиях к Франции. Восстание, начавшееся в Pays de Waes, распространилось на Брабант и особенно на Кампин. Репрессии, возложенные на генерала Жардона, были беспощадными. Большинство лидеров были расстреляны, а их последователи после больших потерь рассеялись.

НАПОЛЕОН

Правление Наполеона восстановило мир в Нидерландах. Император перенес войну далеко от бельгийских границ. Соединенные провинции стали вассальным королевством под скипетром брата Наполеона Луи (1806), и, за исключением неудачной британской высадки на острове Вальхерен (1809), бельгийские провинции были избавлены от военных действий вплоть до кануна падения имперского режима.

Несмотря на отвращение, вызванное непрекращающимися призывными сборами и строгой цензурой, которая душила интеллектуальную жизнь, бельгийцы в значительной степени выиграли от сурового правления императора, который восстановил дисциплину и преуспел в замене многих бельгийских знаменитостей французскими чиновниками, которые до того времени управляли страной. Префекты были поставлены во главе департаментов, которые были разделены на округа и муниципалитеты, каждое из этих подразделений имело свои собственные советы и свои суды: мировых судей, суды первой инстанции, суды присяжных с участием присяжных, над которыми были установлены Апелляционный и Кассационный суды. "Общий кодекс простых законов", все еще известный как Кодекс Наполеона, был заменен в 1804 году запутанными обычаями и законами, сохранившимися со времен Средневековья, и фискальные методы были аналогичным образом преобразованы, положив начало системе прямых и косвенных налогов.

Конкордат, подписанный в 1801 году, восстановил религиозный мир, католицизм был признан государственной религией. Были вновь открыты церкви и восстановлено соблюдение воскресенья.

Уже будучи первым консулом, Наполеон уделял большое внимание внешней торговле. Остенде, подвергшийся бомбардировке англичанами в 1798 году, был восстановлен, и после заключения Амьенского мира Антверпен несколько лет наслаждался замечательным процветанием. В 1802 году в порт зашло 969 судов; в 1803 году таможенные поступления выросли более чем до 6 000 000 франков, в 1804 году - более чем до 8 000 000, а в 1805 году - более чем до 15 000 000. Но указ императора от 21 ноября 1806 года об установлении континентальной блокады после Трафальгарской битвы превратил Антверпен в мощную военно-морскую базу и крупный центр военно-морских верфей без какой-либо пользы для остальной части страны. Деятельность нации снова была ограничена сельским хозяйством и промышленностью. В этой последней области этот период отмечен внедрением прядильного оборудования Гантуа Ливеном Баувенсом, которому удалось получить модели новых британских машин jennies. Таково было происхождение процветания Гента. Если в 1802 году в этой отрасли было занято всего 220 человек, то в 1810 году их насчитывалось более 10 000. Еще одно новшество было внесено британским инженером Уильямом Кокериллом, который в 1799 году инициировал использование новых чесальных и прядильных машин в Вервье. Французское правительство

отправило в валлонский город многих французских производителей тканей для изучения нового процесса.

ВАТЕРЛОО

Нет ни одного периода в истории Бельгии, когда интеллектуальное и художественное производство достигало бы такого низкого уровня, как при наполеоновском режиме. Как могло быть иначе в то время, когда официальное покровительство направляло любую деятельность на поклонение императору? Во Франции такое поклонение, стимулируемое блестящими победами, могло бы вдохновить на некоторые искренние проявления, но в Бельгии, где народ подчинялся французскому режиму только как неизбежному злу, военная слава не могла вызвать никакого подлинного энтузиазма. Это было с лихвой компенсировано воинской повинностью и произвольными тюремными заключениями. По словам Ла Тур дю Пена, префекта Дайла, бельгийцы не были "ни англичанами, ни австрийцами, ни антифранцузами — они были бельгийцами". Что касается административной и судебной организации, то они усвоили свой урок, но это был неприятный урок. Они были слишком мудры, чтобы пренебречь выгодой, которую они могли бы извлечь из упрощения процедуры, вызванного реформами, и они вспомнили о них в нужное время, но они оставались упрямо враждебными иностранному господству, которое не могло быть поддержано никакой династической лояльностью, и большинство из них с энтузиазмом приветствовало прибытие союзных армий, вторгшихся в страну в январе 1814 года, после битвы при Лейпциге. Этот энтузиазм был значительно охлажден во время Ватерлоо, когда стало известно, что для создания могущественного государства на северных границах Франции и вознаграждения Вильгельма Оранского за его заслуги перед делом союзников судьбы Бельгии отныне будут связаны с судьбами северных провинций. Это решение, уже заявленное в секретном лондонском протоколе, было подтверждено Венским конгрессом. С 1 августа 1814 года принц Оранский управлял Южными провинциями от имени Держав.

соединенное королевство Нидерландов.

[Увеличить изображение](#)

ГЛАВА XXIV

ЧЕРНЫЙ, ЖЕЛТЫЙ И КРАСНЫЙ

Венское урегулирование, создавшее объединенное королевство Нидерландов, устраивало Державы, которые его заключили. Это устраивало Англию, поскольку делало бельгийские провинции, и особенно Антверпен, недостижимыми для Франции. Это устраивало Пруссию, которая получила прочный плацдарм на плато, господствующих над Маасом, и право вмешиваться в дела Люксембурга. Это устраивало Голландию, позиции которой значительно укрепились за счет присоединения богатых и густонаселенных провинций. Это устраивало Австрию и Россию, поскольку создавало сильное буферное государство, действующее как оплот против французского аннексионизма на Севере. Это устраивало всех, кроме самих бельгийцев, с которыми никогда не советовались, несмотря на их желание быть независимыми, ставшее очевидным после Брабансонской революции и их позиции при французском режиме. От них избавились как от не имеющих законного владельца, и если идея предоставить им право управлять самостоятельно когда-либо приходила в голову европейской дипломатии в то время, она была немедленно отвергнута, исходя из предположения, что независимость Бельгии рано или поздно означала повторное поглощение Францией.

Проект воссоединения Бельгии и Голландии представляет собой превосходный пример схемы, достаточно правдоподобной на бумаге, но не выдержавшей проверки реальностью. Это не только казалось разумным с эгоистичной точки зрения Держав, но и должно было сработать на общее благо как бельгийцев, так и голландцев. Был положен конец ожесточенной борьбе, которую Голландия вела против Южных провинций. Торговля Антверпена перестала угрожать голландским портам, Шельда была открыта, торговая блокада наконец снята, и бельгийская торговля смогла восстановить свое бывшее значение после двух столетий застоя. Бельгия должна извлечь выгоду из ассоциации с сильной морской державой, обладающей богатыми колониями и безграничными возможностями для экспансии. С другой стороны, процветание Голландии должно быть в значительной степени увеличено за счет сельскохозяйственных и промышленных ресурсов Южных провинций. Даже с чисто исторической точки зрения идея воссоздания Бургундских Нидерландов, должно быть, понравилась тем, кто сохранил память об их былом величии. Это было не просто инертное буферное государство: оно могло стать сильной центральной нацией, в которой так остро нуждался европейский баланс сил со времен Возрождения, чтобы ослабить напряженность франко-британских или франко-пруссских отношений. Таким образом, можно было бы преодолеть пропасть, образовавшуюся в течение двух столетий в результате религиозных войн. Старая традиция Филиппа Доброго и Карла V должна была быть возобновлена, а Нидерланды вновь занять свое место на переднем крае европейской цивилизации.

ОБЪЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

И, действительно, при исключительно благоприятных условиях результатом этого смелого эксперимента мог бы стать прочный союз, если не "полное и интимное слияние". Если бы Власти официально признали бельгийское гражданство и обеспечили уважение институтов страны при новом режиме, бельгийцы, возможно, примирились бы с идеей забыть прошлые обиды. Голландцы могли бы оправдать свою позицию тем, что они воевали не с Бельгией, а с Испанией или Францией, и что их политика была продиктована необходимостью, в которую они были поставлены, защищаться от иностранного вторжения. Вильгельм I мог бы примирить общественное мнение в Бельгии, скрупулезно соблюдая обычаи страны, пережившей испанское и австрийское господство, избегая любого неоправданного вмешательства в религиозные дела, защищая права франкоязычного меньшинства и ставя бельгийцев точно на те же условия, что и голландцев. Фактически, его политика была направлена на достижение полной и тесной ассимиляции, рекомендованной в Вене, с голландской точки зрения и без какого-либо учета естественных чувств народа, традиции и религия которого отличались от его собственных.

Новая Конституция - это Конституция Нидерландов, принятая в 1814 году и пересмотренная комиссией, включавшей равное число бельгийских и голландских делегатов. Он предусматривал равную терпимость ко всем вероисповеданиям и двухпалатный парламент, в котором заседало бы равное количество депутатов из обеих стран. (И это несмотря на то, что в Бельгии было 50 процентов. больше жителей, чем в Голландии.) Эта Конституция, или "основной закон", как ее называли, была принята голландцами, но отклонена Генеральными штатами Бельгии. Вместо того чтобы вносить поправки в закон, король счел воздержавшихся голосами "за" и проигнорировал все возражения, так что новая Конституция была принята, несмотря на сильное большинство против. В то время эта уникальная процедура называлась "голландской арифметикой".

В некоторых аспектах политика Вильгельма I напоминала ту, которую тридцать лет назад проводил Иосиф II. У нее были те же качества и те же недостатки. Принимая во внимание материальные интересы людей, он игнорировал их характер, традиции и психологические проблемы, с которыми сталкивался. Столкнувшись с оппозицией, он попытался подавить любое сопротивление, заявив о своей суверенной воле, не обращая особого внимания на демократический дух, царивший в то время в Западной Европе.

ПОЛИТИКА ВИЛЬГЕЛЬМА I

Подобно Иосифу II, Вильгельм I очень мудро придавал большое значение экономическому возрождению страны. После снятия эмбарго Антверпен добился удивительного прогресса, его тоннаж был увеличен в два раза в период с 1818 по 1829 год. Были построены новые каналы между Местрихтом и Буа-ле-Дюком, Поммерулем и Антуаном, а благодаря созданию мощных банков, таких как "Генеральное общество в поддержку национальной промышленности", бельгийские производители получили адекватные кредиты. Король также поддержал создание нескольких фабрик, таких как "Феникс" в Генте и "Кокерилл" в Серене. Именно во время его правления бельгийские угольные заводы начали значительно наращивать производство и первые доменные печи были возведены недалеко от Льежа и Шарлеруа.

Голландский король попытался также развивать национальное образование. Он передал три университета (Гент, Лувен и Льеж) под контроль государства. По всей стране было основано

множество средних и начальных школ, и государственное обучение значительно продвинулось вперед.

Такие меры были бы полезны для Бельгии, но для их успешного осуществления требовалось глубокое знание местных условий и сочувствие к ним. Ни король, ни его голландские министры (бельгийцы всегда оставались в меньшинстве в Кабинете министров) не были в состоянии осознать стоявшие на пути трудности и законные претензии, которые легко могли возникнуть в результате поспешных действий.

Когда Голландия вступила в союз, у нее был долг почти в 2 000 000 000 флоринов, в то время как долг Бельгии был намного меньше (30 000 000). Последний, тем не менее, был вынужден нести половину всех обязательств и высокие налоги, ставшие необходимыми в результате предприимчивой политики короля. Кроме того, при распределении таких налогов интересы Бельгии, все еще почти исключительно сельскохозяйственной, приносились в жертву интересам коммерческой Голландии. Последняя выступала за свободу торговли, первая - за защиту. Характерно для ситуации, что первый острый конфликт между бельгийскими и голландскими депутатами произошел в 1821 году из-за законопроекта о введении налогов на помол кукурузы и убой крупного рогатого скота. Эти непосредственные жалобы затмили в сознании бельгийцев поддержку, оказываемую правительством бельгийской торговле и промышленности.

Подобное пренебрежение к существующим условиям и давним традициям привело к провалу мер, принятых Вильгельмом I для развития образования. Не довольствуясь созданием новых школ, он стремился передать монополию на государственное образование государству и подчинить существующие частные учебные заведения (почти все возглавляемые священниками) официальному контролю. Он еще больше усилил католическую оппозицию, основав Философский колледж в Лувене, где были обязаны учиться все те, кто намеревался поступить в семинарию.

Эти примеры показывают, насколько преждевременной была идея "полного союза" между двумя странами — идея, выдвинутая, без сомнения, из-за необходимости создания сильного централизованного государства на северной границе Франции. Если бы голландское правительство обладало такой же политической мудростью, как австрийский министр при Гаагском суде, оно бы осознало, что "королевство Нидерландов никогда не будет консолидировано до тех пор, пока конституционный и административный союз не будет заменен федеральной системой".

Такое же решение могло бы избежать большого недовольства в связи с языковым вопросом. Языковая разница между Северной и Южной Бельгией не создавала трудностей в последние столетия благодаря тому факту, что страна была разделена почти поровну, а также тому, что северные провинции были двуязычными: буржуазия использовала французский, а население - фламандский. Союз с Голландией поставил франкоязычное население в меньшинство. С другой стороны, двадцать лет французской оккупации наложили свой отпечаток на страну, и престиж французской литературы никогда еще не был таким блестящим. Поэтому казалось неотложным проявить большую тактичность при проведении любой реформы, касающейся языкового вопроса, чтобы не поощрять профранцузские тенденции в ущерб симпатиям голландцев. Идея введения голландского в качестве официального языка во фламандскоязычной Бельгии казалась достаточно мудрой, поскольку это был язык, понятный

подавляющему большинству людей, но в нем не было срочного спроса, и его можно было реализовать постепенно по мере развития фламандского образования. Король Вильгельм, тем не менее, издал указ, согласно которому ни один чиновник или государственный служащий не должен оставаться на своих должностях в Северной Бельгии, если они не говорят и не пишут правильно по-голландски. Поскольку очень многие из этих чиновников принадлежали к фламандской буржуазии и лишь очень неполно владели народным языком, они были вынуждены уйти со своих постов и были заменены голландцами. Таким образом, мера, которая могла бы быть популярна во Фландрии в другое время и при других обстоятельствах, рассматривалась как простой предлог для отстранения бельгийских подданных от должности.

Следует прояснить, что этот языковой вопрос сыграл второстепенную роль среди причин недовольства. Это оттолкнуло фламандскую буржуазию, не примирив рабочие классы, чье влияние в политике в то время было очень невелико. Это практически не затронуло франкоязычное население, поскольку лишь немногие валлонские чиновники были обеспокоены этим вопросом.

БЕЛЬГИЙСКИЕ ОБИДЫ

Презирая всякую оппозицию, Вильгельм I даже не попытался примирить одну из двух великих партий, разделявших бельгийское население: консервативных католиков и либералов, защитников "Прав человека" и противников влияния Церкви. Первых он оттолкнул своей попыткой монополизировать образование, а вторых - автократической манерой подавления любой оппозиции. Судебное преследование либерального журналиста Де Поттера, который критиковал политику правительства в газете *"Курьер полиции"*, привело к примирению двух партий против общего врага в 1828 году, точно так же, как жесткое отношение Иосифа II привело к союзу Ван дер Нута и Вонка накануне Брабантской революции. Из антиправительственного движение постепенно превратилось в антиголландское, и отныне партийные недовольства переросли в возрождение патриотических чувств, нацеленных сначала на административное разделение, а затем на полную независимость.

Финальная вспышка, без сомнения, была ускорена революцией 1830 года во Франции, когда легитимистская династия была свергнута в пользу Луи Филиппа Орлеанского, точно так же, как взятие Бастилии определило соответствующее движение в Бельгии против австрийского правления. Но нет ничего более вводящего в заблуждение, чем приписывать французскому влиянию народную демонстрацию, которая состоялась в Брюсселе 25 августа после представления *"Мюэтт де Портучи"* Обера в театре Монне. Песня, вызвавшая такой дикий энтузиазм в сердцах брюссельцев, была чисто патриотической, и именно для защиты прав своей страны они разграбили дом Ван Менена, непопулярного министра короля Вильгельма, и офисы *Le National*, директор которой, французский памфлетист по имени Либри, считался голландским агентом. Это правда, что французский флаг на короткое время был поднят над Ратушей, но вскоре он был заменен тремя цветами Брабанта.

Французское влияние действовало, но французская партия оставалась в незначительном меньшинстве. Каждый поступок лидеров революции показывает, что они были склонны сначала добиться административного отделения, а позже, после того как такое предложение стало невозможным из-за упрямства короля, полной независимости. Идея союза с Францией никогда не представлялась народу привлекательной. Из Брюсселя, расположенного на языковой границе, революция распространилась на валлонский Льеж и фламандский Лувен.

Большинство важных городов, за исключением Гента и Антверпена, присоединились к движению в обеих частях страны. Принц Оранский, популярность которого использовалась для того, чтобы успокоить толпу, приехал с визитом в Брюссель, но, не имея возможности дать никаких определенных обещаний, был вынужден улететь из города.

СЕНТЯБРЬСКИЕ ДНИ

Даже в этот последний час объединенное королевство Нидерландов могло быть спасено, поскольку самые восторженные лидеры, такие как Жандебьен, лишь настаивали на автономии; но король Вильгельм остался глух ко всем советам об умеренности и послал против Брюсселя голландскую армию численностью 12 000 человек под командованием принца Фредерика. Революционные лидеры сохраняли лишь слабую надежду из-за неподготовленности обороны. Успех Бельгии в уличных боях, которые происходили возле Рю Рояль и прилегающих улиц, был не чем иным, как чудом. Через три дня принц Фредерик был вынужден покинуть город, оставив после себя 2500 убитых; но потери бельгийской стороны также были тяжелыми, и всякое примирение стало невозможным. Было сформировано временное правительство, созван Национальный конгресс, провозглашена полная независимость страны и подготовлена новая Конституция, создана специальная комиссия, утвердившая принцип конституционной монархии (4 октября).

Тем временем несколько городов, включая Гент и Антверпен, которые еще не сделали этого, изгнали свои гарнизоны, и только цитадель Антверпена осталась в руках голландцев.

Захватывающий план, одобренный Венским конгрессом, полностью провалился. Хотя только правитель с большим политическим талантом мог это осознать, история пятнадцатилетнего союза между двумя странами показывает, что король и его голландские министры не смогли освоить сами элементы сложной задачи, которую им предстояло решить. Вплоть до последних месяцев им представилось несколько возможностей вернуться к своим шагам и исправить ситуацию. Они не смогли ими воспользоваться. Тщательный анализ событий покажет, что иск, возбужденный против Де Поттера, и выбор Гааги в качестве резиденции Верховного суда больше способствовали отчуждению бельгийской буржуазии от голландского правления, чем деятельность французских пропагандистов. Первоначальной ошибкой Вильгельма I было игнорирование того факта, что Бельгия была не просто группой бесхозных провинций, а нацией, столь же сильной душой, если не такой счастливой в своей судьбе, как голландская нация, заслуживающей такой же заботы и такого же уважения. Если бы он действовал как национальный князь, он добился бы успеха, несмотря на печальные воспоминания о прошлом угнетении, как добивались успеха многие князья до него. Но он оставался по сути голландцем в своих манерах и политических взглядах, и поэтому был обречен на неудачу, как потерпели неудачу Иосиф II, Максимилиан и Филипп II до него.

современная Бельгия (договоры 1830-1839 и 1919 годов).

[Увеличить изображение](#)

ГЛАВА XXV

КЛОЧОК БУМАГИ

Потерпев неудачу в подавлении революции, король Вильгельм обратился к державам, подписавшим восемь статей о создании объединенного королевства. Лорд Абердин ответил, что независимость бельгийцев является свершившимся фактом, но, тем не менее, в Лондоне была созвана Конференция для посредничества между двумя сторонами, на которую Франции было предложено направить представителя. 14 ноября 1830 года были установлены условия перемирия, согласно которым обе воюющие стороны должны были отвести свои войска за границу, разделявшую две страны до их воссоединения в 1814 году.

Такое соглашение вернуло бы Бельгии левый берег Шельды, который она потеряла после заключения Мюнстерского мирного договора. Голландский король выразил протест, и линия была изменена с границы 1814 года на границу 1790 года, то есть за пять лет до аннексии французами спорной территории.

На протяжении всех переговоров автократические державы — Пруссия, Австрия и Россия — выступали против бельгийцев. Они относились к ним как к мятежникам, которые должны быть только рады купить свою независимость любой ценой. На самом деле, если бы та же волна национализма, которая всколыхнула Бельгию, в то же время не вызвала серьезных проблем в Польше и Италии, то сомнительно, смогли бы Англия и Франция побудить Конференцию принять даже принцип независимости Бельгии. Но из-за своих внутренних проблем и Россия, и Австрия не были склонны предпринимать какие-либо действия, и Пруссия оказалась бы в изоляции, если бы сохраняла бескомпромиссную позицию.

Бельгийцы, с другой стороны, с самого начала переговоров поставили себя в равные условия с Голландией и рассматривали Конференцию как посредника, а не арбитра. Они с благодарностью восприняли его вмешательство как "продиктованное чувством сочувствия к страданиям Бельгии и гуманитарными мотивами", но решительно отказались связывать себя

какими-либо обязательствами. Когда 20 декабря независимость Бельгии была окончательно признана, Временное правительство отметило, что "баланс сил в Европе все еще можно обеспечить и сохранить общий мир, сделав Бельгию независимой, сильной и счастливой. Если бы Бельгия осталась без сил и счастья, новому устройству угрожала бы та же участь, что и политической комбинации 1815 года. Независимой Бельгии предстоит выполнить свою долю европейских обязанностей, но было бы трудно представить, какие обязательства могут быть возложены на нее договорами, при заключении которых она не имела права голоса".

Такое полное сознание своих национальных прав со стороны бельгийских уполномоченных может быть объяснено только тем фактом, что такое сознание никогда не переставало существовать. Это была не новая нация, борющаяся за свое рождение, а Старая нация, такая же старая, как любой из тех, кто взял на себя ответственность за планирование ее будущего. Бельгийским государственным деятелям 1830 года нечего было импровизировать. Им оставалось только подобрать нити, оборванные превратностями европейской борьбы. Их новая Конституция была основана на старом Радостном вступлении Брабанта, которое Иосиф II тщетно пытался отменить и память о котором сорокалетней французской и голландской централизации стереть не удалось. Их внешняя политика точно так же была вдохновлена твердой привязанностью к своему прошлому и более твердой верой в свое будущее. Лондонская конференция вскоре осознала, столкнувшись с такими людьми, как Лебо, Ван де Вейер и Де Мероде, что им пришлось иметь дело не просто с расплывчатыми идеалистами или красноречивыми демагогами. Недостаточно сказать, что Бельгия была хорошо представлена. Точнее было бы сказать, что ее делегатам было что отстаивать.

ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В ходе переговоров Лондонской конференцией были подготовлены три договора. Первый включал ряд условий, сформулированных в январе 1831 года и известных как "Основы разделения". Второй стал результатом новых переговоров, которые проводились в течение следующих месяцев, и известен как "Договор из XVIII статей" (июль 1831 года). Третий, оформленный после поражения бельгийских войск от голландцев и военного и морского вмешательства держав, известен как "Договор XXIV статей" (ноябрь 1831 г.). Принятый бельгийцами, он был сначала отвергнут Вильгельмом I и, наконец, санкционирован им в 1839 году. Это последнее поселение, которое популярная история запомнит как "клочок бумаги".

Согласно Основаниям Разделения, Бельгия теряла левый берег Шельды, но этот поток должен был оставаться полностью свободным. Она также потеряла Люксембург, который "продолжал бы принадлежать Германской конфедерации".

Следует помнить, что по Венскому мирному договору эта бельгийская провинция была преобразована в Великое герцогство и передана королю Вильгельму в обмен на его владения в Германии, но король тогда заявил, что "Великое герцогство будет рассматриваться как неотъемлемая часть государства". Соответственно, Люксембург разделял политическую жизнь остального королевства, направляя депутатов в Палаты и со всех точек зрения считаясь бельгийской провинцией. Люксембуржцы даже принимали видное участие в революционном движении. Один из них отметил в Конгрессе во время дебатов, последовавших за резолюциями Конференции, что "национальный суверенитет был передан из Брюсселя Министерству иностранных дел", и подавляющим большинством (169 против 9) Конгресс протестовал против

любой делимитации бельгийской территории, проведенной без согласия представителей нации.

ОСНОВЫ РАЗДЕЛЕНИЯ

За этим отказом последовал период острой напряженности. Король Вильгельм не снял блокаду Шельды, несмотря на условия перемирия, и бельгийцы, следовательно, продолжали свои военные действия перед Маэстрихтом, который еще не был эвакуирован. Конференция настоятельно призвала к прекращению военных действий и скорейшему принятию. Правительство оставалось непреклонным, и был направлен ультиматум с указанием 1 июня как последней даты, когда бельгийцы должны были подчиниться, и угрозой военного вмешательства. 6 июня лорд Понсонби, британский представитель в Брюсселе, и генерал Бельяр, французский представитель, были официально отозваны своими соответствующими правительствами, но действия Держав были отложены из-за разногласий относительно метода вмешательства. Это дало Бельгии некоторое время для возобновления переговоров, и ее делегаты в Лондоне наконец добились пересмотра "Основ разделения". 26 июня было разработано новое соглашение, известное как "Договор XVIII статей", согласно которому Бельгия становилась постоянно нейтральной, в то время как вопросы Люксембурга и Маэстрихта оставались отложенными, дальнейшие переговоры относительно спорных территорий должны были вестись непосредственно между Бельгией и Голландией.

леопольд і.

(правил в 1831-1865 годах).

С портрета Льевина де Винна.

[Увеличить изображение](#)

Степень доктора философии

Этот дипломатический успех был достигнут не только благодаря настойчивости бельгийских делегатов, но и благодаря мудрому решению принца Леопольда не принимать корону до тех пор, пока не будет достигнуто удовлетворительное решение. Следует напомнить, что, как только Бельгийский конгресс принял решение о конституционной монархии, были обсуждены имена нескольких кандидатов. Консервативные силы поддерживали кандидатуру принца Оранского, надеясь таким образом восстановить в будущем союз двух стран. Но это предложение встретило подавляющее сопротивление в Бельгии. Затем была рассмотрена кандидатура герцога Немурского, сына Луи Филиппа, и незначительным большинством в два голоса Бельгийский конгресс принял решение в его пользу. Такой выбор не мог быть одобрен в Англии, поскольку рано или поздно это означало бы французскую гегемонию над бельгийским побережьем и Антверпеном. Поэтому Луи Филипп отказался от предложения Бельгии. Принц Леопольд Саксен-Кобург-Готский, вдовец принцессы Шарлотты, был практически английским

принцем, проведя большую часть своей жизни в Англии; он был немецкого происхождения, и между ним и принцессой Марией Луизой, дочерью Луи Филиппа, рассматривался брак. Он уже приобрел большую репутацию мудреца, что впоследствии принесло ему титул "Нестора Европы". Считалось, что лучшего человека для занятия столь деликатного поста не найти, и как английские, так и французские дипломаты были склонны устранить все препятствия, которые могли помешать ему принять предложение Бельгии.

Благодаря влиянию принца и твердой позиции бельгийских дипломатов удалось изменить взгляды участников Конференции. С бельгийцами больше не обращались как с мятежниками и им приказывали подчиниться, а как со свободными людьми, чьи требования должны быть рассмотрены. "Все говорят, - писал лорд Пальмерстон лорду Грэнвиллу, - что бельгийцы сумасшедшие и что с ними бесполезно дискутировать. Я заметил, что в их безумии много метода". Талейран, который был не слишком расположен к бельгийским эмиссарам и "их скрытности", писал 24 июня: "Мы проводим конференцию в течение сорока часов, но бельгийские делегаты так мало привыкли к такого рода переговорам, они создают так много трудностей, что мы не можем продолжать, и я устал. Сегодня у принца Леопольда состоялось совещание; оно продолжалось до восьми. Оно продолжится у меня дома и продлится, вероятно, до поздней ночи". На следующий день были подписаны XVIII Статьи.

Принц Леопольд принял корону, и новый договор был одобрен бельгийским конгрессом 9 июля. Менее чем через месяц, 2 августа, голландские армии, нарушив перемирие, вторглись на бельгийскую территорию и разгромили бельгийские войска при Лувене. Из-за вооруженного вмешательства Англии и Франции голландцы были вынуждены отступить, но эти военные операции положили конец надеждам Бельгии.

XXIV СТАТЬИ

Теперь Державы были "твердо намерены остановить всеми доступными средствами возобновление военных действий, которые угрожали бы Европе всеобщей войной", и 15 ноября король Леопольд был вынужден принять, под решительный протест, новое соглашение, известное как "Договор XXIV статей", который, хотя и сохранял независимость и нейтралитет страны, лишал ее естественных границ и отрывал от нее территории, жители которых разделяли ее жизнь со времен раннего средневековья. Шельде был присвоен статус международной реки в соответствии с Венским общим актом, надзор за лоцманской проводкой, плавучими и дноуглубительными работами был возложен на голландско-бельгийскую комиссию. Бельгия сохранила половину Люксембурга (область, известная сегодня как провинция Люксембург), в то время как другая половина, с городом Люксембург, оставалась в руках голландского короля и представляла собой Великое герцогство, присоединенное к Германской конфедерации. "В обмен" на свою часть Люксембурга бельгийцы были вынуждены отказаться от своих прав на Восточный Лимбург и Местрихт, которые стали одноименными голландскими провинциями. Таковы были "окончательные и бесповоротные" решения Держав.

Хотя компромисс был полностью в его пользу, король Вильгельм отказался санкционировать его. С самого начала переговоров голландцы утверждали, что в результате разделения Бельгии и Голландии статья XIV Мюнстерского мирного договора (то есть право Голландии перекрывать Шельду в мирное или военное время) снова вступила в силу. Пренебрегая либеральными принципами, заложенными в Вене, они хотели вернуться к старому режиму семнадцатого и восемнадцатого веков, который подчинил Бельгию их контролю. Удерживая Маэстрихт, ключ к

Маасу, и Нижнюю Шельду, ключ к Антверпену, они намеревались поступить с независимой Бельгией так же, как поступили с испанскими и австрийскими провинциями.

В последующие годы продолжались кропотливые переговоры, и в 1838 году король Вильгельм объявил, что он, наконец, готов подписать договор о рассмотрении вопроса об уплате пошлины в размере полутора флоринов за тонну с каждого судна, входящего в реку и покидающего ее по пути в Антверпен.

Между тем Лимбург и Люксембург оставались бельгийскими, и узы, связывающие принесенные в жертву провинции со страной, стали настолько прочными, что предстоящее урегулирование вызвало решительные протесты. Королю были отправлены петиции, и в Брюссель прибыли делегации, призывающие к сопротивлению. Бельгийские переговорщики снова активизировали свои усилия в Лондоне и Париже. Но на этот раз дружественные державы остались непреклонны, и правительству дали понять, что, если бельгийцы создадут трудности, ничто не помешает Германскому союзу и королю Голландии аннексировать Люксембург и Лимбург силой. Весной 1839 года Палата представителей Бельгии была, наконец, вынуждена вынести свое окончательное решение. Три министра ушли из правительства. Австрийский и прусский "поверенные в делах" покинули столицу. Было общеизвестно, что несколько корпусов прусской армии сосредоточены на восточной границе. В условиях такой угрозы и на этот раз без поддержки Англии и Франции Палата оказалась перед жестокой альтернативой: санкционировать частичную аннексию или увидеть, как иностранное вторжение ставит под угрозу саму жизнь нации. Депутаты Лимбурга и Люксембурга были наиболее категоричны в своем противостоянии: "За братоубийством последует самоубийство", - воскликнул депутат Маэстрихта, в то время как представитель Руремонда призвал к вооруженному сопротивлению. "Я бы лучше тысячу раз отдал свою жизнь, - запротестовал один люксембуржец, - чем голосовать за то, что будет угнетать мою совесть до моего последнего дня". 12 марта г-н Меца, который не мог ходить из-за болезни, отнесли на его место и заявили, что "ни король, ни Конференция, ни правительство, ни Палаты представителей не имели права распоряжаться его жизнью" по "кошунственному договору, который забирает четыреста тысяч бельгийцев из страны по их выбору и покрывает Бельгию вечным позором".

ПОДЧИНЕНИЕ

Действия правительства были защищены г-ном Нотомб, который, хотя и был люксембуржцем и горячим патриотом, слишком хорошо осознавал опасность ситуации, чтобы не призвать к подчинению: "У нас пока не было возможности оказать какую-либо услугу Европе. У нее нет причин быть благодарной нам. Если бы не наша насущная потребность в независимости, ничто до сих пор не оправдывало нашего существования. Какое ей дело до нашей национальной души, закаленной вековыми традициями! Если мы будем сопротивляться, она одним росчерком пера положит конец нашему существованию как свободного государства. Склонившись перед неизбежным, Бельгия сохранит свое гражданство, избавит спорные районы от ужасов войны и принесет жертву, которую Европа будет обязана принять во внимание в тот день, когда, не неся никакой ответственности за развязывание войны, страна сможет заявить о своем реванше!" Другой аргумент, выдвигаемый некоторыми сторонниками правительства, основывался на том факте, что, хотя Бельгия и не была юридически связана своим прежним принятием XXIV статей, действие которых оставалось приостановленным в течение семи лет, она была привержена ему: "Я верю, - сказал один из них, - что международные договоры имеют реальную ценность, что

они не просто клочки бумаги. Я верю, что Право в большей степени, чем Сила, управляет делами этого мира, и что, в конце концов, стоит выполнять свои обязательства, какими бы болезненными они ни были".

14 марта произошел трагический инцидент. Г-н Бекарт-Бекеландт, депутат суда, сначала выступил против политики правительства. Однако постепенно он убедился, что всякое сопротивление стало бесполезным. Это обращение к неизбежному разбило ему сердце. Он закончил свою речь намеком на возвращение в будущем депутатов принесенных в жертву провинций в Бельгийскую палату представителей. "Тем временем, - сказал он, - они останутся такими же бельгийцами, как и мы, и будут достаточно великодушны, чтобы считать, что наши голоса вымогаются силой, что они являются болезненной жертвой, навязанной нам иностранными государствами. Они, без сомнения, поймут, насколько мы бессильны уклониться от этого печального обязательства.... " Он не стал продолжать и упал замертво.

НЕЙТРАЛЬНОСТЬ

Эти проявления сравнивались с душераздирающими сценами, имевшими место во время аннексии Эльзас-Лотарингии Германией, но было бы неправильно делать слишком поспешные выводы из такого сравнения. С одной стороны, аннексия Эльзас-Лотарингии произошла гораздо позже. С другой стороны, голландская администрация и великокняжеский режим не вызывали такого же сопротивления среди населения. Если бельгийский ирредентизм вначале оказался очень сильным, то постепенно он пошел на убыль, главным образом из-за того, что патриоты по обе стороны границы не могли питать никакой надежды на воссоединение в течение длительного периода нейтралитета, который парализовал бельгийскую внешнюю политику. Недавние проявления, имевшие место в связи с пересмотром договоров 1839 года о воссоединении Зеландии, Фландрии, Люксембурга и Лимбурга с Бельгией, однако, не следует недооценивать. Их не следует рассматривать как результат грубого инстинкта к возвеличиванию после военного успеха бельгийской армии в конце Великой войны или дикой жажды мести, а просто как вспышку ирредентистских чувств, которые молча лелеялись в течение восьмидесяти лет нейтралитета и возродились среди определенной группы интеллектуалов в результате ожесточенной борьбы, которую ведет нация за защиту своих свобод. Что касается требования военных гарантий, выдвинутого правительством в ходе этих переговоров, требования, которое следует четко отличать от только что упомянутой ирредентистской агитации, то оно было просто вызвано обстоятельствами, в которых находится Бельгия в настоящее время. Территориальные потери, нанесенные стране в 1839 году, были в значительной степени компенсированы пактом о нейтралитете, заключенным Великими державами, который предоставил Бельгии самые сильные и недвусмысленные гарантии уважения ее территориальной целостности. При условии добросовестного соблюдения этих гарантий закрытие Голландией Шельды во время войны, критическая ситуация на восточной границе, созданная непроходимым тупиком голландского Лимбурга, и господство иностранной державы в Люксембурге не представляли серьезной угрозы безопасности страны. Международные договоры 1839 года рассматривались как единое целое, моральная гарантия гарантированного нейтралитета, в определенной степени уравнивающая новые территориальные посягательства. С исчезновением нейтралитета замена старых гарантий безопасности новыми казалась очевидной. Требования, сформулированные бельгийским народом и правительством на Парижской конференции — свободный доступ с моря к бельгийским портам для обеспечения связи между страной и ее союзниками во время войны,

военное соглашение с Голландией для защиты голландского Лимбурга и сближение с Люксембургом — были, таким образом, естественным результатом пересмотра соглашения 1839 года.

ГЛАВА XXVI

НЕЙТРАЛЬНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

С 1839 по 1914 год Бельгия жила под властью независимого нейтралитета.

В новое время ее территория постепенно сокращалась. Она была лишена всех своих владений. В течение семнадцатого века она потеряла Валлонскую Фландрию и Артуа для Франции и Северный Брабант для Голландии, в то время как завоевание последней державой Зеландской Фландрии и некоторых районов Восточного Лимбурга было подтверждено и расширено поселениями 1839 года. В 1816 году Пруссия захватила районы Эйпен, Мальмеди, Сен-Вит и Битсбург, а XXIV статьи передали половину Люксембурга Германской конфедерации.

Тот же договор предоставил Бельгии независимость. В этих узких рамках она, по крайней мере, оставалась хозяйкой своей судьбы. У нее был свой король, свое правительство, своя Конституция. Что касается внутренних дел, то она пользовалась полным суверенитетом. Она была ослаблена, но не сильно изменилась. В девятнадцатом веке она сохранила все основные черты, которые отличали ее историю и цивилизацию в средние века и эпоху Возрождения. На ее земле по-прежнему сосуществовали две расы, два языка. Валлоны и фламандцы приняли равное участие в формировании ее будущего. Море оставалось свободным для коммерческих целей, и великие европейские дороги, которые в прошлом в значительной степени способствовали тому, что Она оказалась в авангарде европейских наций, по-прежнему находили в этой стране свое естественное и необходимое место встречи. Этот главный факт должен быть очевиден, если попытаться объяснить причины бельгийского возрождения в девятнадцатом веке. Недостаточно сказать, что Бельгия Леопольда I и Леопольда II следовала традициям Бельгии Карла V и Филиппа Доброго. Следует добавить, что современная Бельгия, несмотря на постепенные вторжения, осталась целой. Поскольку такие вторжения происходили со всех сторон, ядро осталось нетронутым. Бельгия сохранила свои великие города и главные реки. Ни один важный орган национального организма не был поврежден.

Что касается внутренних дел, то Бельгия тогда вышла свободной и невредимой из суматохи трехсотлетних европейских войн. Что касается внешних связей, то на нее по-прежнему распространялось ограничение гарантированного нейтралитета. Вряд ли есть необходимость останавливаться на различии между добровольным нейтралитетом, подобным тому, который существует в Швейцарии, и режимом гарантированного нейтралитета, навязанным Державами Бельгии. Первое - это отсутствие ограничения суверенных прав государства на его внешнюю политику, второе - отнимает у него практически всю инициативу во внешних делах. Если в договоре 1839 года Державы обязались не нарушать целостность бельгийской территории и защищать страну в случае нападения, Бельгия, со своей стороны, обязалась строго соблюдать правила нейтралитета и принимать необходимые меры для защиты своих границ. Можно было бы возразить, и в Бельгии это часто оспаривалось, что такой нейтралитет не может помешать

нации владеть колониями и заключать оборонительный союз с единственной целью самозащиты. Но, на самом деле, соперничающие державы не могли дать столь вольное толкование тексту договоров. Сначала со стороны Франции, а затем и со стороны Германии Бельгия постоянно находилась под подозрением. Любое проявление общественного мнения, касающееся иностранных дел, вызывало глубокое возмущение, за ее военной политикой пристально следили, она не могла сделать ни шага в направлении самообороны или экономической экспансии, не вызвав некоторого недовольства среди Держав. Благодаря твердости своих государственных деятелей и, не раз, дружеской поддержке Великобритании, она смогла противостоять настоятельным требованиям. Но само собой разумеется, что бельгийское правительство, стремясь сохранить свое достоинство, избегало любых возможных поводов для трений, так что Бельгия почти никогда не пользовалась своим законным правом определять, в определенных пределах, свою внешнюю политику. Нейтралитет, по сути, означал паралич. Для многих это означало нечто худшее — беспечность и апатию.

ЛОЖНАЯ ЗАЩИТА

После восьми лет неопределенности, последовавших за первым подписанием XXIV Статей, — восьми лет, в течение которых все партии объединились под постоянной голландской угрозой, — два направления мысли разделили мнение Бельгии. Первая попыталась свести к минимуму военную ответственность страны и, слепо доверяя обещаниям Властей, свести к строгому минимуму военные расходы Бельгии в виде людей и денег. Вторая сторона ясно видела, что без адекватной армии и необходимой обороны Бельгия не сможет выполнить свои обязательства в случае нарушения ее целостности и пострадает в результате; она понимала, что любая слабость в обороне страны увеличивает соблазн некоторых держав нарушить свое обещание. Легко понять, что первая школа в целом была более популярна, чем другие, и сплотила не только искренних идеалистов, которые считали абсолютно невозможным такое непредвиденное обстоятельство, как разрыв торжественных договоров, но и многих недобросовестных политиков, слишком озабоченных использованием популярного лозунга "Ни пенни, ни солдата" или "Niemand gedwongen soldaat" в избирательных целях. Бельгийцы всегда были упрямо против воинской повинности; следует помнить, что они сопротивлялись всем попыткам ввести ее в прошлом и что это было главной причиной крестьянской войны (1798 г.) против "санкюлотов". Народу, который по традиции был решительно настроен против милитаризма и централизации, было слишком легко представить меры самообороны, срочно требуемые ситуацией в Европе, как первый шаг к автократии и угнетению. Сторонники военной безопасности оказались, таким образом, в меньшинстве, и их единственной поддержкой было личное влияние бельгийских королей, которые с первых дней нового режима и до кануна войны не переставали подчеркивать очевидную опасность пренебрежения международными обязательствами страны. Это правда, что с течением времени опасность становилась все более и более угрожающей, но, с другой стороны, "антимилитаристы" нашли новый аргумент в том факте, что в течение стольких лет страна была в состоянии выдержать шторм.

ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Первые неприятности возникли в связи с социалистической революцией, разразившейся во Франции в 1848 году. В предыдущем году Маркс и Энгельс основали свою штаб-квартиру в Брюсселе, где они составили проект "Манифеста Коммунистической партии". Бельгийцы, однако, не были готовы принять его, и революционеры решили вторгнуться в страну с Юга.

Банды, организованные во Франции и тайно поощряемые некоторыми французскими лидерами, попытались пересечь границу близ Мускрона, в Рискон-Тау, но их продвижение было легко остановлено бельгийскими войсками.

Единственным последствием этих беспорядков стало голосование Палаты о выделении нового гранта на усиление армии: "Без сомнения, - сказал по этому поводу министр Роже, - снаряжение большего числа людей будет стоить кое-чего. Но кто-нибудь когда-нибудь оценивал стоимость вторжения, даже если оно длилось всего неделю? В 1850 году Леопольд II написал одному из своих министров: "Без средств защиты вы станете игрушкой для всех".

Впереди маячила более серьезная опасность. Луи Наполеон путем государственного переворота 1 декабря 1851 года установил во Франции свою диктатуру. Многие видные изгнанники и беженцы приехали в Бельгию, и брюссельские газеты открыто выражали свое мнение о новом диктаторе. Таким образом, Бельгия, которая три года назад была заклеена как ультрамонтанская, теперь была объявлена гнездом коммунистов и повстанцев. На правительство даже оказывалось давление с целью введения цензуры в прессе. Это было должным образом проигнорировано, и отношения между двумя странами стали напряженными. Год спустя Наполеон стал императором Франции, и все дальновидные бельгийцы поняли, что он только ждал возможности распространить свою власть на Север. Это было ясно продемонстрировано французской политикой в отношении Люксембурга.

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА

Император обратился к королю Голландии с просьбой добиться от него уступки Великого герцогства, и в Лондоне (май 1867 г.) была созвана конференция, на которой независимость, нейтралитет и неприкосновенность герцогства были поставлены под коллективную гарантию Держав. Столкнувшись с препятствиями в этом направлении со стороны европейской дипломатии, Наполеон III попытался закрепиться в Люксембурге, установив контроль над железными дорогами. В январе 1868 года Compagnie de l'Est под гарантии французского правительства передала компании Guillaume Luxembourg ее железнодорожные линии как на территории Люксембурга, так и на территории Бельгии. Начались дальнейшие переговоры с бельгийскими компаниями Grand Luxembourg и Chemins de fer Liégeois-Limbourgeois, которые передали бы все основные железные дороги Люксембурга и Юго-восточной Бельгии в руки Франции. Вовремя предупрежденный премьер-министр Брат Орбан поручил бельгийскому представителю в Париже заявить, что Бельгия никогда не согласится на такое соглашение. Угрозы Наполеона остались безрезультатными, бельгийская политика была решительно поддержана лордом Кларендоном, и в июле 1869 года был подписан протокол, аннулирующий контракты Восточной компании в отношении бельгийских железных дорог. В то же время Наполеон III, стремясь любой ценой найти "компенсацию" за возросший престиж, который Пруссия получила в результате своих датских и австрийских побед, озвучил эту Власть относительно проекта раздела Нидерландов. Его предложение, сначала державшееся в секрете, а впоследствии обнародованное Бисмарком на следующий день после объявления войны в 1870 году, состояло в том, чтобы присоединить Бельгию к Франции, в то время как у Пруссии были бы развязаны руки в Голландии. Публикация этого откровения *The Times* больше, чем что-либо другое, оттолкнула британское общественное мнение, если не от Франции, то, по крайней мере, от французского императора, во время франко-прусской войны.

Барону Шазалю, который присоединился к бельгийскому министерству в 1857 году, удалось убедить Кабинет министров в необходимости усиления бельгийской обороны. Ввиду превосходства французской армии — поскольку в то время угроза явно исходила с этой стороны — было решено отказаться от идеи защищать страну кордоном из неэффективных крепостей и построить вокруг Антверпена мощный "укрепленный лагерь", куда бельгийская армия могла бы отступить и продержаться, пока не прибудет подкрепление из-за границы. Само собой разумеется, что единственной страной, которая была бы в состоянии направить такие подкрепления в Антверпен в случае вторжения, была Великобритания, и Антверпен был намеренно выбран как единственная позиция, где можно было удобно высадить значительные силы с моря. Принимая во внимание нынешнее толкование Голландией договоров 1839 года, которое дает последней стране право закрывать Шельду во время войны, этот план кажется, мягко говоря, поспешным. Но в то время исключительный суверенитет Нидерландов над Шельдой не казался таким определенным, как сейчас. Поскольку в соглашении 1839 года этот вопрос не упоминался, многие бельгийские власти считали, что река находится под режимом совместного суверенитета, и тогда казалось невероятным, что голландцы остановят проход судов помощи.

Перед лицом сильной народной оппозиции Палата проголосовала за выделение кредита в размере 50 000 000 франков на строительство укреплений Антверпена, и эта работа была поручена генералу Бриальмону, одному из ведущих военных инженеров Европы. После его завершения Антверпен считался одним из сильнейших укрепленных городов в мире.

Как только конфликт между Францией и Пруссией стал неизбежным, Великобритания, в соответствии со своей традиционной политикой в отношении Бельгии, потребовала от двух держав декларации, подтверждающей нейтралитет Бельгии. Ситуация 1870 года в точности соответствует ситуации 1914 года, и формулировки, использованные мистером Асквитом в первые дни августа последнего года, по-видимому, перекликаются со словами, произнесенными сорок лет назад его великим начальником. "Для нас было бы невозможно не вмешаться, - твердо заявил мистер Гладстон, - если бы мы стали свидетелями уничтожения свободы и независимости Бельгии". В обоих случаях британская политика была вдохновлена гарантией, упомянутой в договорах, гарантией, которая не только подразумевала безопасность Бельгии, но и абсолютное противодействие любой державе, пытающейся захватить бельгийское побережье. Мотивы были те же, предпринятые шаги были теми же, отличался только результат. И французский император, и Бисмарк подтвердили в 1870 году неприкосновенность территории Бельгии, причем последний заявил, что такого заявления не требуется, поскольку в договорах по этому вопросу достаточно четко указано.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА В 1870 ГОДУ

Почему Германия соблюдала в 1870 году договор, который она проигнорировала в 1914 году? Даже без учета изменения немецкого менталитета после ее победы военные условия были совершенно другими. Мощная цепь укреплений на восточной границе Франции еще не была возведена, и численность бельгийской армии отнюдь не казалась незначительной. До огромного увеличения современных армий, произошедшего за двадцать лет "вооруженного мира", 80 000 человек могли бы так или иначе изменить ситуацию. Это была примерно такая же численность французской армии, которая капитулировала при Седане. После этого крупного

поражения немецкие штабы заявили о своем намерении преследовать беглецов на бельгийской территории, если французские войска попытаются избежать окружения, перейдя границу. Однако в таких шагах не было необходимости. Демонстрируя свое глубокое сочувствие побежденным, бельгийцы самым скрупулезным образом выполнили все свои обязательства, и европейские дипломаты, которым пришла в голову идея нейтрализовать "кокпит Европы", могли поздравить себя. Их договоренности сработали безукоризненно, и на этот раз Бельгия не была втянута в конфликт.

В свете недавних событий приходится почти сожалеть о том, что испытание прошло так успешно. Больше всего на свете опыт 1870 года рассеял подозрения в Бельгии и за ее пределами. Державы воздержались от того, чтобы настаивать на необходимости дальнейшего вооружения страны, и позиции антимилитаристов в Бельгии, вместо того чтобы быть ослабленными (как это должно было быть, если бы события были представлены в надлежащем свете), были значительно укреплены.

леопольд ii.

(Правил в 1865-1909 годах).

[Увеличить изображение](#)

Степень доктора философии

ANTWERP, LIÈGE, NAMUR

В течение последовавшего за этим длительного периода вооруженного мира, пока формировались державы, с одной стороны "Тройка" (1883 г.), с другой "Двойка" (1891 г.) и Сердечное соглашение (1904 г.), в то время как армии и флоты были увеличены в десять раз, а агрессивная политика Германии проявлялась все острее, оборона Бельгии укреплялась лишь

постепенно, несмотря на отчаянные усилия бескорыстных патриотов и суровые предупреждения королей. Имя Леопольда II должно быть связано здесь с именем Альберта I. Оба они руководствовались в своих действиях теми же мотивами, которые вдохновляли политику Леопольда I. Они ставили безопасность на один уровень с процветанием и даже выше него. Стоя в стороне от партийных интриг, они имели возможность обращаться ко всем патриотам без различия и пользоваться услугами небольшой группы дальновидных граждан, которые видели, что центр опасности переместился из Франции в Германию, и с растущей тревогой наблюдали за военным и экономическим развитием молодой империи. Выдающимся среди них был Эмиль Бэннинг, автор пророческого отчета об обороне Мааса (1881-86). Ничто так ясно не иллюстрировало пагубное влияние нейтралитета на бельгийскую международную мысль, как то, как этот гениальный человек игнорировался своими согражданами. В любой другой стране он оказал бы значительное влияние на общественное мнение. В Бельгии его слышали лишь несколько государственных деятелей и, к счастью, Леопольд II, который, без сомнения, имел в виду его доклад, когда в 1887 году предупреждал одного из своих министров о необходимости того, чтобы Бельгия не только защищала свою независимость, но и "предотвращала прохождение" иностранных войск через свою территорию. Теперь Германия стала главным источником опасности, но, чтобы избежать всякой критики, было решено построить два плацдарма: один в Намюре, а другой в Льеже. Первый выходил на верхнюю часть долины Мааса, второй - на среднее течение реки; один был обращен к Франции, другой - к Германии. В результате был разработан план обороны, форты позволили армии ненадолго задержаться, прежде чем отступить в укрепленный лагерь Антверпена. Во многом именно дальновидности Бэннинга и твердой позиции Леопольда II Западная Европа обязана передышкой, которую дало сопротивление Льежа в августе 1914 года. Если бы первоначальные планы генерала Бриальмона относительно фортов не были чрезмерно урезаны, это сопротивление оказалось бы еще более эффективным.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА

Кредиты на оборону Льежа и Намюра, как и Антверпена несколькими годами ранее, были неохотно одобрены Палатой, убаюканной опытом 1870 года в ложном состоянии безопасности. Но если общественное мнение было мало склонно выделять деньги на улучшение обороноспособности страны, то оно ожесточилось, когда эксперты посоветовали провести реформу бельгийской военной системы. Мало того, что численность личного состава была смехотворно мала по сравнению с численностью немецкой и французской армий, но рекрутинг осуществлялся с помощью системы жеребьевки, к которой добавлялось зло "подмены", то есть отпрыски буржуазного класса, вытянувшие "неправильный номер", имели право купить замену, которая занимала их место в рядах. Была начата кампания по призыву на личную и общую службу, но, несмотря на поддержку короля, она не увенчалась большим успехом. В 1902 году к обычному составу было добавлено определенное количество добровольцев, а в 1908 году, после сенсационного путешествия Вильгельма II в Танжер, были выделены новые средства на развитие обороны Антверпена. Тем, кто возражал, что укрепления были бы бесполезны, если бы у Бельгии не было достаточной армии для их возведения, король отвечал: "Давайте сначала возьмем камни. Люди придут позже". Когда семьдесят пятая годовщина независимости Бельгии предоставила ему, наконец, возможность нарушить молчание, навязанное ему кампанией в Конго, он произнес величайшее предупреждение нации: "Давайте не будем слишком уверены в нашем нынешнем процветании; давайте стоять все теснее и теснее вместе вокруг нашего флага. Нации, как и люди, должны пройти через критический возраст, который приводит к старости

или преждевременной смерти. Для молодых наций его дата приходится *на последнюю четверть первого столетия их существования*". 18 февраля 1909 года он снова поделился с другом — поскольку его непопулярность в то время сделала публичные заявления бесполезными — своими тревогами относительно будущего: "Необходимо, чтобы у нас была хорошая армия, чтобы мы могли защитить себя и, таким образом, в соответствии с нашими международными обязательствами, предотвратить пересечение нашей территории иностранной армией *исделать такое пересечение как можно более дорогостоящим, чтобы устранить искушение у тех, кто был бы склонен предпринять такую попытку.... По возвращении из моей недавней поездки в Германию, я предупредил всех, кого это касается, что Германия строит все больше кораблей и увеличивает свои военные расходы. Мы должны эффективно достроить наши укрепления и наше оборудование. Вы знаете, что ни то, ни другое нельзя симпровизировать....*"

Леопольд II придавал такое значение введению личной службы, предложенному в 1909 году, что намеренно отложил операцию, которая могла бы спасти ему жизнь, чтобы иметь возможность подписать указ, который внес законопроект в Свод законов. Он умер три дня спустя.^[1]

Это высочайшее удовлетворение не было однозначным. Пришлось пойти на важные уступки. В определенной степени сохранялась добровольческая система, только один сын на семью призывался на короткое время (пятнадцать месяцев). Принятие законопроекта в принципе было победой, но оно лишь незначительно увеличило численность бельгийской армии.

К тому времени пангерманская кампания была в самом разгаре. Были опубликованы карты за Рейном, на которых большие участки Бельгии были окрашены в имперский красный цвет, как и остальная часть рейха. Появились брошюры и книги, утверждающие, что Антверпен является немецким портом и соединяет Восточную Африку с немецким Камеруном через Бельгийское Конго. Тем не менее, большинство бельгийцев не поверило бы, что подобные взгляды разделяли германский император и его правительство. Только после переворотов в Агадире (1911) и Альхесирасе (1912) М. де Броквиль, военный министр, получивший решительную поддержку короля Альберта, смог провести законопроект о введении всеобщей и обязательной воинской повинности, который поставил бы армию на надлежащую основу, если бы его положения были немедленно приведены в действие. К несчастью, Законопроект предусматривал лишь постепенное увеличение численности армии, достигшей в 1917 году своей полной численности в 340 000 человек. Эта последняя оговорка оказалась почти фатальной для страны, поскольку, когда в июле 1914 года был отдан приказ о мобилизации, общая численность имеющихся сил составляла всего 117 000 человек, из которых боевая часть была сокращена до 93 000 штыков — всего на 10 000 больше, чем в 1870 году.

Мало найдется более удручающих тем, чем медленное развитие бельгийской обороны под угрозой вторжения. Каждый раз, когда ситуация становилась серьезной, как в 1848, 1852, 1908 и 1911 годах, общественное мнение допускало некоторый прогресс. Но это всегда приходило слишком поздно. Люди были готовы выполнять свои обязанности, но их нельзя было заставить осознать их. Слепо полагаясь на договоры 1839 года, поглощенные своим экономическим и интеллектуальным развитием, они проявляли мало интереса к международным делам. Те, кто это сделал, оказались перед дилеммой: либо искать убежища в раю для дураков, либо

бессильно противостоять постоянно растущей угрозе. Нейтралитет, возможно, спас Бельгию в 1870 году, полная независимость, возможно, спасла ее в 1914 году.

ГЛАВА XXVII

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС

Через месяц после первой вспышки бельгийской революции выборы уже проходили. Почти равное количество либералов (преемников вонкистов) и католиков (государственников) было возвращено в Конгресс, обязанностью которого было разработать новую Конституцию. Для духа патриотического союза между обеими партиями и приспособляемости бельгийцев к их новой независимой жизни характерно, что эти депутаты, большинство из которых не имели опыта политической жизни, в течение двух месяцев преуспели в разработке Конституции, которая с тех пор служит образцом для ряда европейских стран. Это было результатом различных влияний: основа, основанная на свободе личности, равенстве перед законом, свободе печати, вероисповедания, публичных собраний, ассоциаций и преподавания, без сомнения, была вдохновлена французами. С другой стороны, преобладание законодательной власти, представленной Палатой и Сенатом, над исполнительной, принцип министерской ответственности, ставящий короля вне партий и выше их, были результатом английского влияния: но, возможно, наиболее интересной характеристикой новой Конституции был способ, которым были гарантированы провинциальные и общинные права, коммун, в частности, сохраняли практическую автономию в местных делах, с единственным ограничением, что бургомистр должен был назначаться королем. Конституция Бельгии установила баланс между централизацией, унаследованной от периода французского правления, и партикуляризмом, который со времен бургундии был самой яркой чертой бельгийской политики. Если мы свяжем в нашем сознании партикуляризм с традиционным консерватизмом католического крестьянства, а централизацию с современным промышленным развитием и интеллектуальной культурой крупных городов, мы получим довольно хорошее представление о двух общих тенденциях, которые разделили общественное мнение Бельгии в девятнадцатом веке и основные черты которых можно распознать не только в политике, но и в экономическом, интеллектуальном и художественном развитии страны.

ЛИБЕРАЛЫ И КАТОЛИКИ

Статус нейтралитета повлиял не только на внешнюю политику, но и очень сильно отразился на внутренней жизни Бельгии. Если это и подорвало ее активность в отношении внутренней обороны, то до ненормальной степени развило партийную войну. Это закрыло дверь для международных проблем и всех вопросов, которые могут рассматриваться как национальные проблемы и перед которыми партийная борьба должна прекратиться ради общего блага. Социальные, философские или религиозные различия в современной Бельгии, как и в других странах, не были уравновешены международным сознанием. В тесной атмосфере опеки Властей партийная политика поглощала всю общественную жизнь страны, а внешние проблемы практически игнорировались. Таким образом, случилось так, что люди, стоявшие в

авангарде Европы и более других интересовавшиеся колебаниями европейской политики, были едва ли не хуже всех информированы о международных делах.

С 1839 по 1885 год, поскольку электорат был ограничен имущественным цензом (только 35 000 выборщиков из 4 000 000 жителей приняли участие в первых выборах), борьба была ограничена двумя партиями среднего класса, католиками и либералами. Грубо говоря, католики выступали за защиту религиозных интересов, особенно в области образования и социальной помощи, либералы - за верховенство номинально нейтрального государства во всех общественных вопросах. Легко понять, как эта чисто политическая ссора могла перерасти в конфликт идеалов: некоторые ультрамонтаны не доверяли мотивам "атеистов" и игнорировали общественный дух людей, не разделявших их вероучения, в то время как некоторые агностики, погрязшие в узких доктринах Вольтера и Дидро, сделали Церковь козлом отпущения за все социальные пороки и даже отрицали благотворное влияние религии на социальное воспитание.

В первой половине века конфликт был не таким острым, у обеих сторон были свои умеренные и экстремистские лидеры, а так называемые "либеральные католики" выступали связующим звеном между двумя фракциями. С 1847 по 1870 год либералы, представлявшие буржуазию крупных городов, большую часть времени находились у власти, в то время как с 1870 по 1878 год католики, поддерживаемые фермерами и средним классом маленьких городов, взяли руководство делами в свои руки. Имущественный ценз постепенно снижался, сначала для парламентских, а затем для провинциальных и общинных выборов, и все большая доля в управлении страной отводилась низшим слоям среднего класса. Тем временем партийные разногласия усилились из-за постепенного исчезновения умеренных элементов с обеих сторон, и на первый план вышел острый вопрос образования. Конституция 1830 года не очень четко касалась этого вопроса, и обе стороны толковали ее в соответствии со своими собственными интересами. Многие коммуны пренебрегали сохранением официальных школ, и религиозные ордена играли все более важную роль в начальном образовании. Когда либералы пришли к власти в 1878 году, они приняли закон, обязывающий каждую коммуну содержать собственные школы, где религиозное обучение должно проводиться только во внеклассное время. Они также основали великое множество средних школ и профессиональных колледжей с целью передачи образования от религиозных учителей к светским. Эти радикальные реформы повлекли за собой большие расходы и непопулярное налогообложение и, в конце концов, привели к падению Либерального режима в 1884 году. Католики отменили закон о начальном образовании 1879 года, предоставив государственные субсидии бесплатным католическим школам, и закрыли ряд средних школ и профессиональных колледжей, созданных предыдущим режимом.

Чувства были настолько сильны, что король Леопольд, осознавший вред, который эта "школьная война" наносит национальному духу, предостерег месье Малу (премьер-католика) от занятой им позиции, как ранее он предостерегал премьер-либерала Фрера Орбана: "Либералы действовали так, как будто в Бельгии больше нет католиков. Собираетесь ли вы также действовать так, как будто в стране не осталось либералов, без какого-либо учета катастрофических последствий такого отношения для нации и для вас самих?"

С 1885 по 1913 год вопросы образования, хотя и ни в коем случае не были забыты, были полностью отодвинуты на второй план социальными проблемами и усилиями оппозиции добиться пересмотра Конституции и введения всеобщего избирательного права. Это

изменение было вызвано основанием в 1885 году фламандским печатником Сезаром де Паепе Бельгийской лейбористской партии. Его действие с самого начала было как политическим, так и экономическим. В то время как потребительские кооперативы, такие как "Вуруит" Гента, были основаны в нескольких крупных городах, социалистические клубы вели непрерывную агитацию за избирательное право, их целью было использовать парламент для проведения радикальных социальных реформ, включенных в их программу. И здесь мы снова обнаруживаем, что настойчивость французов в политике сдерживается старым духом товарищества, который был так заметен в Нидерландах в средние века.

ЛЕЙБОРИСТСКАЯ ПАРТИЯ

После забастовки шахтеров 1886 года как католики, так и либералы пересмотрели свои программы и уделили больше внимания социальным реформам. Но рабочие, которые теперь были хорошо организованы, особенно в промышленных центрах Юга, хотели принимать непосредственное участие в политической жизни. Под давлением общественного мнения требование о пересмотре Конституции было наконец принято во внимание в 1891 году, а в 1893 году новый закон предоставил всеобщее избирательное право, смягченное множественным голосованием. В 1902 году союзная либерально-социалистическая оппозиция начала новую кампанию в поддержку всеобщего избирательного права в чистом виде, не получив никакого результата, но когда в 1913 году всеобщая забастовка поддержала это требование, католическое правительство пообещало, что этот вопрос будет рассмотрен парламентской комиссией.

До войны Бельгия была самым продуктивным сельскохозяйственным районом Европы. Секрет ее процветания обычно объясняется небольшим количеством крупных поместий и большой площадью, обрабатываемой мелкими владельцами (48процентов). обрабатываемой площади, занимаемой фермами, от 2-1 / 2 до 7-1 / 2 акров. Следует добавить, что в течение последних двадцати лет мощные производственные кооперативы, или "Буренбондены", объединили земледельцев и предоставили им важные преимущества в отношении кредита и страхования. Врожденные качества, которые сделали возможным такое развитие, однако, можно обнаружить в самой расе. Снова и снова, на протяжении веков, бельгийский крестьянин выходил на первый план при любом политическом режиме и любой системе землевладения. Ему пришлось завоевывать страну с моря, защищать ее от его вторжений и периодически устранять разрушения, вызванные войной. Память о физических и социальных бедствиях передавалась из поколения в поколение, и нынешняя система мелкой собственности и кооперативных обществ является лишь результатом столетий непрерывного труда.

Консервативный дух крестьян и фермерш иллюстрируется противодействием проекту либерального министра Роже в 1833 году построить первую железную дорогу в Бельгии. Утверждалось, что это было бы значительной тратой плодородной почвы и отпугнуло бы скот. Первая железнодорожная линия между Брюсселем и Малином, тем не менее, была открыта 5 мая 1835 года, и с тех пор был достигнут такой огромный прогресс, что до войны Бельгия занимала первое место в Европе по развитию своих железнодорожных линий. Все другие средства связи были разработаны аналогичным образом. В 1913 году в стране было 40 000

километров дорог, 4656 километров железнодорожных линий, 2250 километров легких железных дорог и 2000 километров внутренних водных путей.

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Первым следствием революции стала дезорганизация бельгийской промышленности, потерявшей голландский рынок, и мощные заводы Кокерилла в Серене оказались одними из немногих, которые не пострадали от перемен. Внедрение машиностроения в стране, столь богатой угольными месторождениями, не только восстановило ситуацию, но и чрезвычайно увеличило промышленное производство в южных округах. В 1830 году использовалось всего 400 машин общей мощностью 12 000 лошадиных сил; в 1902 году эти цифры возросли до 19 000 машин мощностью 720 000 лошадиных сил, без учета железнодорожных локомотивов (718 000 лошадиных сил).

Распределение различных отраслей промышленности в разных частях страны не слишком отличалось от того, которое существовало при прежних режимах. Вообще говоря, никакого нового развития не произошло, каждый центр оставался в ситуации, определяемой углем или наличием сырья. Главный центр текстильной промышленности оставался в Генте, недалеко от полей с коноплей в Лисе; металлургические и стекольные заводы и т.д. По-прежнему группировались вблизи четырех основных угольных месторождений в районе Монса, Лалувьера (Центр), Шарлеруа и Льежа; число людей, занятых в промышленном производстве до войны, достигло 1 500 000 человек, среди которых было 153 000 шахтеров, более 149 000 металлистов и более 129 000 текстильщиков.

Но не столько количеству, сколько качеству своих рабочих Бельгия обязана своим огромным промышленным процветанием. Это может быть объяснено тем фактом, что огромное количество промышленных рабочих никогда не теряли связи с землей. Принадлежа в большинстве своем к сельскохозяйственным районам, они не селятся постоянно вокруг своих фабрик, и между деревней и крупными центрами происходит непрерывный обмен населением. Трудлюбивые качества механиков и ремесленников унаследованы от крестьян, и с их стороны наблюдается значительное нежелание переезжать в большие города, поскольку дешевые железнодорожные билеты позволяют им жить поблизости от городов, где они работают в течение дня.

ТОРГОВЛЯ АНТВЕРПЕНА

Условием этого замечательного экономического развития стало открытие Шельды. Почти два с половиной столетия страна была отрезана от внешнего мира и вынуждена жить за счет собственных ресурсов. Мы видели, как за пятнадцать лет союза с Голландией торговля Антверпена значительно продвинулась вперед и как, несмотря на сопротивление голландцев, свобода международных рек, провозглашенная Венским конгрессом, была применена к Нижней Шельде. Поселение 1839 года передало реку ниже Антверпена под совместный контроль белго-голландской комиссии. Единственным препятствием, все еще стоявшим на пути, была пошлина в полтора флорина, которую король Вильгельм упорно взимал со всех кораблей, заходящих в порт и выходящих из него. В 1863 году, после кропотливых переговоров, предпринятых бароном Ламбермоном, Бельгия смогла выкупить эти пошлины у Голландии за

сумму 36 000 000 франков. Наконец-то ручей был определенно свободен, по крайней мере, в мирное время. Оказавшись в нормальных условиях, с помощью многочисленных водных путей, проходящих по внутренним районам исключительно богатой страны, Антверпен был обязан быстро восстановить положение, которое он занимал при Карле V. В 1840 году в порт вошло около 1500 судов водоизмещением 24 000 тонн. В 1898 году годовой тоннаж достиг 6 500 000 тонн, а в 1913 году превысил 25 000 000. Хотя в шестнадцатом веке о таких цифрах и не мечтали, характер торговли Антверпена оставался очень похожим. Антверпенские купцы на самом деле были брокерами или складчиками, и большая часть товаров, доставляемых в порт со всех концов света, реэкспортировалась в другие страны. Таким образом, в торговле, как и в промышленности и сельском хозяйстве, постоянство определенных характеристик, определяемых землей и расой, сохраняется и по сей день. Отсутствие национального торгового флота, которое было столь же очевидным в шестнадцатом веке, не повлияло на импорт и экспорт, которые увеличились соответственно с 98 000 000 франков и 104 500 000 франков в 1831 году до 6 550 000 000 франков и 5 695 000 000 франков в 1910 году. Правительство провело ряд крупных общественных работ, чтобы позволить стране в полной мере воспользоваться преимуществами этой экстраординарной деятельности. В 1906 году был принят закон, предусматривающий выделение крупных кредитов на расширение морских сооружений Антверпена. Когда эти работы будут завершены, порту будет предоставлено 60 километров причалов вместо 21. В 1881 году расширение Тернейзенского канала позволило большим судам достигать Гента; новый порт Брюгге и канал Зебрюгге были открыты в 1907 году, и важная схема, результатом которой станет соединение Брюсселя с морем, начатая в 1900 году, все еще продолжается.

Экономический ренессанс сопровождался соответствующим увеличением численности населения. С 4 000 000 человек в 1831 году оно выросло до 5 000 000 человек в 1870 году и до 7 500 000 человек в 1911 году. При плотности населения 652 человека на квадратную милю Бельгия стала самой густонаселенной страной в мире и потребляла лишь четырнадцатую часть своего промышленного производства. Необходимость поиска новых рынков сбыта за границей и поиска какой-либо замены утраченным голландским колониям, которые оказались столь полезными в период союза с Голландией, мог бы ощутить любой дальновидный государственный деятель. Леопольд I уже уделил некоторое внимание этой проблеме. Он поддержал создание нескольких бельгийских поселений в Рио-Нуньесе, где на короткое время был установлен регулярный протекторат, в Гватемале и в различных частях Бразилии. Однако ни одно из этих предприятий не принесло плодов, и проблема все еще оставалась нерешенной, когда Леопольд II взошел на трон в 1865 году.

ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Поиск колониального выхода для активности нации доминировал во время правления нового короля и поглощал всю энергию, которую он мог высвободить из военных проблем. Будучи герцогом Брабанта, Леопольд II уже привлек внимание страны к будущему развитию Китая. Он разработал несколько проектов по созданию бельгийского поселения в устье Янцзы-Кианг и на острове Формоза. Их неудача не помешала ему впоследствии принимать активное участие в китайских делах. Императорское правительство не питало к Бельгии такого недоверия, как к Великим европейским державам, и король Леопольд несколько раз имел возможность выступить посредником между этими державами и китайским правительством, чтобы добиться уступок. Таким образом, в последующие годы он стал инициатором строительства железной

дороги Пекин-Ханькоу. Трудность поиска сферы экономической деятельности в зарубежных странах становилась, тем не менее, все более очевидной, и, не отказываясь от своей китайской политики, бельгийский король стремился закрепить за своей страной часть свободных территорий, которые еще не были захвачены другими европейскими нациями. Когда его предприятие в Конго было в самом разгаре, он предложил купить Канарские острова у Испании (1898), а после испано-американской войны начал переговоры с Америкой относительно будущего развития недавно приобретенных Филиппин. Какое-то время он также был озабочен корейскими, маньчжурскими и монгольскими предприятиями, и ничто, кроме продвижения проекта в Конго, не остановило его непрекращающийся поиск новых возможностей.

В 1876 году, когда бассейн реки Конго все еще был практически *terra incognita*, Стэнли только что покинул Европу, чтобы определить течение реки, Леопольд II основал "Международную африканскую ассоциацию". Это была чисто частная ассоциация, состоявшая из географов и путешественников, ее целью было пресечь работорговлю в Центральной Африке и открыть эту часть континента для современной цивилизации. Два года спустя, по возвращении Стэнли, "Комитет исследований Верхнего Конго" заручился его услугами, чтобы провести с помощью небольшой группы бельгийских исследователей полное обследование бассейна Конго и заключить договоры с местными вождями. В течение пяти лет регион, равный пятой части Европы и в восемьдесят раз превышающий Бельгию, попал под влияние Комитета, и в 1883 году король основал "Международную ассоциацию Конго".

Если бы вместо того, чтобы править маленьким нейтральным государством, Леопольд II правил одной из больших наций Европы, он немедленно пожал бы плоды своего труда и благодарность своего народа. Конго стало бы государственной колонией, субсидировалось бы из государственных средств, и суверен не нес бы никакой дальнейшей ответственности в этом вопросе. Но Бельгия не была Великой державой, подобной Германии, которая приобрела свои африканские колонии в то же время аналогичным образом. Она также не могла обосновывать свои колониальные притязания историческими причинами, как Голландия или Португалия. Она даже не была полностью независимой в том, что касалось внешней политики, и в то время ее право на прорыв могло быть поставлено под сомнение. Кроме того, общественное мнение в Бельгии, в котором доминировал страх международных осложнений, не было готово заявить о своем праве, даже капиталисты считали проекты короля слишком опасными, чтобы оказать ему необходимую поддержку. Таким образом, Леопольд II был предоставлен своим собственным ресурсам для выполнения почти сверхчеловеческой задачи: добиться необходимого признания со стороны держав и в достаточной степени освоить ресурсы Конго, чтобы убедить бельгийский народ принять его дар.

Следовательно, президент "Международной ассоциации Конго" был обязан не как король, а как частное лицо сначала устранить препятствия, созданные французской и португальской оппозицией, а затем убедить другие державы доверить ему управление новой территорией. Этот первый успех следует приписать не только его дипломатическому мастерству, но и огромным расходам, связанным с этим смелым предприятием, нежеланию богатых колониальных держав брать на себя дополнительные обязательства и их стремлению избежать международных трудностей. Позицию Германии в свете дальнейших событий можно охарактеризовать как выжидательную. Бисмарк только что перешел к колониальной экспансии и, без сомнения, нашел то, что он, должно быть, считал "междоусобицей" короля Леопольда, превосходным решением своих трудностей.

СВОБОДНОЕ ГОСУДАРСТВО КОНГО

В 1885 году работа "Ассоциации" была признана Берлинским конгрессом, и суверен Бельгии стал сувереном Свободного государства Конго. Берлинский мирный договор предусматривал, что торговля в новом государстве должна оставаться свободной, что местные жители должны быть защищены и что рабство должно быть подавлено. Четыре года спустя король в своем завещании оставил Конго Бельгии, "желая обеспечить своей любимой стране плоды многолетней работы при щедром и преданном сотрудничестве многих бельгийцев и уверенный в том, что таким образом обеспечит Бельгии, если она захочет этим воспользоваться, незаменимый выход для ее торговли и промышленности и новое поле деятельности для ее детей".

Работа велась с неукротимой энергией. В 1894 году энергичная кампания против арабских работорговцев была успешно завершена. В 1898 году первая железная дорога, соединившая Матади в Нижнем Конго с Леопольдвилем в бассейне Стэнли, открыла великий водный путь до водопада Стэнли. Флотилия была спущена на воду в верховьях реки и ее основных притоках, в то время как дороги и телеграфные линии распространились по всей стране.

Финансовое положение, однако, оставалось критическим. Предприятие поглотило большую часть личного состояния короля. Кредиты, за которые проголосовали бельгийские палаты, были недостаточными, и, хотя несколько финансистов к настоящему времени начали осознавать огромную ценность предприятия, их количество было недостаточным для обеспечения ближайшего будущего. Столкнувшись со значительными трудностями, которые вынудили его серьезно сократить свои личные расходы, Леопольд II официально предложил колонии стране в 1895 году. Это предложение было отклонено. В стрессовых обстоятельствах суверенное Свободное государство Конго решило напрямую эксплуатировать природные ресурсы земли, в основном каучук и слоновую кость. Местные жители были вынуждены платить налог натурой, и коммерческим компаниям, действия которых нельзя было должным образом контролировать, были предоставлены обширные льготы. Эта полукоммерческая, полуполитическая система неизбежно приводила к злоупотреблениям, даже к тому, что несколько государственных агентов предавали доверие, оказанное им их начальником, и притесняли туземцев, чтобы взимать более высокие налоги.

Когда в этой стране раздалась первые протесты, король Леопольд совершил серьезную ошибку, не начав немедленного расследования и не наказав виновных. Не доверяя мотивам лидеров кампании и укрепившись в своем сопротивлении из-за тона, который они выбрали по отношению к нему, он позволил оппозиции разрастись до таких масштабов, что широкая общественность, чье возмущение умело подогревалось самыми преувеличенными сообщениями, потеряла всякое чувство меры. Они проигнорировали тот факт, что король представил достаточные доказательства бескорыстия и преданности своей стране, чтобы не заслужить выдвинутых против него отвратительных обвинений. Они забыли о бесценной работе, сделанной в самых трудных обстоятельствах за двадцать лет неустанного труда по искоренению рабства, каннибализма, человеческих жертвоприношений и межплеменных войн, и помнили только грубые обвинения мистера Морела и предвзятые отчеты мистера Роджера Кейсента (1913).

БЕЛЬГИЙСКОЕ КОНГО

Когда в следующем году трое беспристрастных судей, посланных в Конго королем Леопольдом, сообщили, что эксцессы были пресечены, и посоветовали провести полную реформу администрации, их показания были проигнорированы. Когда концессии были отменены и против преступных агентов были приняты решительные меры, этот факт остался незамеченным. Даже после того, как Конго стало бельгийской колонией (1908), под контролем бельгийского парламента, когда у старого короля были отобраны все полномочия вместе с "Domaine de la Couronne" (доходы от которого основатель должен был направлять на общественные работы в Бельгии), когда колония была полностью реорганизована, кампания Ассоциации реформ Конго неустанно продолжалась. Смерть короля год спустя не только не заставила замолчать его обвинителей, но и послужила поводом для новой вспышки оскорблений.

Добросовестность общественности на протяжении всей кампании в Конго неоспорима. Добросовестность ее главных инженеров, по крайней мере, вызывает сомнения. Они организовали свои усилия в то время, когда были преодолены величайшие трудности колонизации. Они продолжили их после того, как были устранены все причины для злоупотреблений. В одной из своих первых книг, *Дело британцев во Французском Конго*, г-н Морел предлагает разделить Свободное государство между этой страной и Германией. В своих последних книгах, написанных во время войны, он горячо выступает за интернационализацию Центральной Африки с целью спасения немецких колоний. Нельзя также настаивать на том, что те два человека, которые пробудили совесть этой страны против зверств в Конго, были глубоко потрясены более недавними и гораздо более достоверными зверствами, совершенными в Бельгии. Если бы это было так, единственное замечание, которое мог бы сделать беспристрастный наблюдатель, - это то, что их действия во время войны едва ли отражали такое праведное негодование. Возможно, было бы слишком поспешно делать вывод из этого, а также из тесной связи Эрцбергера, Мореля и Кейсмента в кампании в Конго, что эта кампания была спланирована Германией. Мы пока не располагаем всеми документами, необходимыми для установления этого факта. Однако мы знаем достаточно, чтобы сожалеть о том, что движению, которое могло бы принести такую пользу всем заинтересованным сторонам, было позволено попасть в руки беспринципных агитаторов, которым удалось на время отдалить Бельгию от Великобритании и, между прочим, омрачить последние годы жизни одного из величайших бельгийских патриотов.

ГЛАВА XXVIII

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕНЕССАНС

Замечательное возрождение бельгийского искусства и литературы, последовавшее вскоре после революции 1830 года, является одним из самых ярких примеров влияния политических событий на интеллектуальную деятельность. Более ста лет нация была лишена возможности самовыражения, и за пятнадцать лет Союза с Голландией было создано едва ли сколько-нибудь заметных произведений. Несомненно, это время, будучи периодом экономического подъема, не благоприятствовало расцвету искусства и литературы, но интенсивная деятельность периода независимости, тем не менее, предстает как вспышка национальной гордости и энергии. Кажется, что вся сила, подавленная в периоды иностранного господства, наконец нашла выход,

как будто бельгийцы ждали все эти годы, чтобы снова заявить о своей интеллектуальной мощи, которая не могла или не хотела процветать на благо иностранцев.

дворец правосудия, Брюссель.

[Увеличить изображение](#)

Степень доктора философии

В наше время архитектура больше не представляет того, что она представляла в прошлом, и было бы тщетно искать в современной Бельгии, да и, если уж на то пошло, в любой современной стране проявление оригинального стиля, выражающего дух эпохи. Однако существуют признаки жизнеспособности, которые нельзя полностью игнорировать. Значительное количество возведенных общественных зданий и более или менее успешные усилия их строителей сами по себе являются замечательным свидетельством. Для бельгийской цивилизации и ее неискоренимого традиционного духа регионализма характерно то, что особняков, построенных в подражание фламандскому Ренессансу, особенно много, и даже в некоторых случаях, таких как Дом коммуны Шаарбек, они особенно впечатляют. Были также предприняты попытки некоторых реконструкций, как, например, Антверпенская биржа и Дворец Маргариты Австрийской в Малине. Единственным поразительно оригинальным памятником является Дворец правосудия в Брюсселе, построенный Поэлаэртом (1870-79). Это результат необычайного смешения стилей, начиная с ассирийского, и представляет собой одну из самых трогательных и гигантских попыток создать красивый памятник в современных условиях. Это огромное здание было задумано бельгийским народом как апофеоз Права. Не только о Справедливости судов общей юрисдикции, но и о международном правосудии и о праве людей распоряжаться собой, которое так долго нарушалось на бельгийской земле.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА

Прогуливаясь по самым важным площадям и садам бельгийских городов, незнакомец будет поражен количеством памятников, воздвигнутых великим бельгийцам прошлого и героям бельгийской истории. В Брюсселе, Антверпене, Генте, Брюгге и даже в небольших провинциальных городках он найдет статуи, посвященные не только современным королям и государственным деятелям, но и лидерам различных восстаний против иностранного гнета, великим художникам и общественным трибунам. Почти у каждого человека, упомянутого в этой книге, есть его изображение, а город Тонгрес зашел так далеко, что увековечил черты кельтского вождя Амбиорикса в знак его сопротивления римским легионам. Все эти статуи не

обязательно являются великими произведениями искусства, и историческая концепция, которую представляет их ансамбль, не вполне выдерживает критику, но, если вспомнить, что почти все они были воздвигнуты в течение пятидесяти лет после провозглашения независимости Бельгии, можно, по крайней мере, понять причину их внезапного появления. Несмотря на тех, кто в лестных выражениях настаивает на молодости Бельгии, она твердо отстаивает свое право на старые традиции и хочет, чтобы ее древние герои были у нее перед глазами. Более или менее сознательно скульпторы этих статуй осознавали, что их отцы эпохи Возрождения и Средневековья сыграли такую же важную роль в становлении нации, как нынешние короли и министры. Их внезапное появление в центре бельгийских городов было не результатом служебного рвения, а живым символом благодарности новой Бельгии старой. Жак ван Артевельде в Генте, Брейдель и Де Конинк в Брюгге, Эгмонт и Хорн в Брюсселе наконец-то взяли себя в руки.

Рядом с этими историческими статуями путешественник найдет несколько замечательных произведений более позднего времени, которые зарекомендуют себя своей чисто художественной ценностью и которые, как правило, примечательны своим чувством движения и мускульными усилиями. Во многих отношениях качества Рубенса были возрождены в современной школе бельгийской скульптуры, и фонтан Брабо в Антверпене, Смерть Омпрайля и Битва всадников в Брюсселе достаточны, чтобы показать влияние, оказанное школой живописи семнадцатого века на Джеффа Ламбо, Ван дер Стаппена и Дж. де Лалайнга. Самый оригинальный из бельгийских скульпторов, Константен Менье (1831-1904), обладая аналогичными пластическими качествами, открыл новую область своей идеализации сельскохозяйственного и промышленного труда. Его шахтеры, докеры, разлившики луж и полевые рабочие известны всем, кто интересуется искусством, и в будущем станут символом экономического возрождения народа, который даже в современных условиях смог найти своего рода мрачную привязанность к своему труду.

"падлер".

Константина Менье (1831-1904).

[Увеличить изображение](#)

Холодные академические композиции, написанные под влиянием главы Императорской французской школы живописи Луи Давида, были единственными произведениями бельгийского искусства начала девятнадцатого века. Ни в одной области мода не менялась так резко на следующий день после революции, как в бельгийских исторических картинах. Еще в 1833 году Дж. Вапперс из Антверпена выставил большое полотно, запечатлевшее эпизод недавней революции. Его примеру последовали многие художники того времени, и бельгийская история стала сюжетом множества картин, чей довольно театральный и помпезный стиль не вполне скрывает их искренние и серьезные качества. От французского стиля Дэвида вскоре отказались. Движение и цвет, столь присущие бельгийскому темпераменту, снова вышли на первый план, и, хотя влияние Рубенса было непреодолимым, это было, по крайней мере, национальное влияние, которое вскоре привело, под вдохновением Анри Лейса (1815-69), к созданию исторических произведений, представляющих большой интерес. Фрески последнего в Отель-де-Вилль в Антверпене, иллюстрирующие старые привилегии города, до сих пор можно рассматривать как яркое выражение муниципальной свободы.

СОВРЕМЕННЫЕ ХУДОЖНИКИ

В то же время многие художники, выступив против довольно искусственного стиля исторических картин, вернулись к жанровым картинам, в которых Тенирс и его последователи преуспели в прошлом. Анри де Брекелер (1814-88) перевел простую, интимную

поэзию скромных интерьеров, в то время как Джозеф Стивенс (1819-92) посвятил свой гений сценам собачьей жизни. Позже, когда социальные вопросы вышли на первый план и когда внимание общественности было сосредоточено на страданиях бедных и обездоленных, Де Гру, Леон Фредерик и, в еще большей степени, Эжен Лерманс (р. 1864) выразили в своих работах горячее сочувствие к несчастным и бродягам, бродящим по городам и сельской местности Фламандии. Творчество последнего находится под сильным влиянием Брейгеля. По необычайному парадоксу, бельгийское искусство, которое изображало сцены веселья только в самые мрачные дни испанской оккупации, придавало гораздо большее значение сценам нищеты в наше время великого общественного процветания, настолько отвратительным казалось то, что такое процветание не должно быть общим для всех.

Еще одним художником, в работах которого очевидно вдохновение Брейгеля, является Джейкоб Смитс (р. 1856). Он почти единственный, кого можно считать представителем религиозной живописи в Бельгии. Как и Брейгелю, ему удалось донести христианскую историю до сердец людей в современном фламандском окружении.

Школа искусства, в которой цвет и свет играют такую преобладающую роль, обязана создавать ценные пейзажи. В этой новой форме любовь к родине выражалась гораздо более искренне, чем в более ранних исторических композициях. Под влиянием Анри Буланже в последующие годы Бельгия создала ряд первоклассных пейзажистов, таких как Верве, Куртенс, Жильсуль, Баертсуэн и Эмиль Клаус. Фламандские пейзажи обладают гораздо большей привлекательностью, чем валлонские холмы, и, вообще говоря, фламандский элемент доминирует в современной школе так же, как и в старой. Ибо золотой свет лежит на влажных полях Фландрии, и фламандские художники еще не оставили надежды запечатлеть его.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Можно было бы ожидать художественного возрождения современной Бельгии. Поклонение цвету и форме всегда было сильной чертой этой расы, и даже в унылые годы австрийского режима бельгийские художники никогда не переставали работать. Гораздо более поразительным событием стало появление к середине девятнадцатого века национальной бельгийской школы литературы. В средние века фламандская и французская литература в Бельгии создала несколько замечательных произведений. Из-за схоластического характера этих произведений и преобладающего влияния французской культуры они, однако, не могли рассматриваться как прямое выражение народного духа. Во многих отношениях современная школа бельгийской литературы была новым направлением: французское и фламандское влияния были более равномерно сбалансированы, и, хотя они работали порознь, фламандские и французские писатели, вступая в тесный контакт с душой народа, выражали одни и те же чувства и устремления. Ибо, если мы должным образом примем во внимание роль, сыгранную чисто валлонскими писателями, особенно романистами и рассказчиками, главной особенностью бельгийской школы литературы девятнадцатого века является преодоление языкового барьера. Как это ни странно, сравнение авторов на французском и фламандском языках обнаруживает ряд сходств, настолько поразительных, что, предположив, что возможен адекватный перевод, не составило бы никакого труда включить их в одну группу. Главная причина этого, без сомнения, в том, что почти все лидеры французского движения, начиная с Де Костера и Лемонье, вплоть до современного периода Верхарена и Метерлинка, имеют

фламандское происхождение, и что их лучшие произведения проникнуты фламандскими традициями и фламандским темпераментом. Вообще говоря, можно сказать, что большинство бельгийских французских писателей - фламандцы, пишущие по-французски, и они гораздо ближе к своим северным братьям, чем к французам, языком которых они пользуются. Шарль де Костер, которого можно считать отцом именно этого направления школы, опубликовал в 1868 году *"Легенду об Уленшпигеле"*, которая представляет собой не что иное, как эпос в прозе, в котором легендарный персонаж Оулигласс отождествляется с одним из героев революции шестнадцатого века против Испании. Камиль Лемонье (1844-1913) в своих лучших романах рассказывает о нравах и обычаях фламандского крестьянства. Сама душа Фландрии сквозит во всем творчестве великого национального поэта Бельгии Эмиля Верхарена, от его ранних *"Фламандок"* (1883) до шести томов *"Дороги Фландрии"* (1904-12), и во всех своих ранних произведениях (1889-98) Морис Метерлинк остается под влиянием фламандского мистицизма и пьес о чудесах. Этот вывод может показаться односторонним, и против него можно привести имена многих выдающихся бельгийских писателей, но если мы рассмотрим вопрос более внимательно, этот вывод будет скорее подтвержден, чем опровергнут. С чисто исторической точки зрения, общая тенденция вдохновения, безусловно, направлена на Север, а не на Юг.

Основными чертами, которые характеризуют бельгийских писателей на французском языке и придают им поистине национальную самобытность, являются, с одной стороны, склонность подчеркивать интимные радости жизни, а с другой - сильное чувство мистицизма, иногда совершенно не связанного с какой-либо догматической верой. Точно так же, как фламандское искусство примечательно религиозными произведениями пятнадцатого века и чувственными произведениями семнадцатого, так и бельгийская письменность девятнадцатого колеблется между духом Йорданса и духом Мемлинга. Несмотря на некоторые модернистские тенденции и большую техническую смелость, бельгийская литература остается под сильным влиянием средневековья. Она принадлежит двадцатому веку, даже если написана в девятнадцатом или пятнадцатом. Классическая атмосфера французского семнадцатого и восемнадцатого веков полностью отсутствует. Те, кто ценит тонко сбалансированный классический вкус, остроумие и яркость диалога, будут сбиты с толку ребячеством или неистовой страстью. Это резкая литература, но спонтанная и искренняя, которая не была испорчена формализмом и скептицизмом, но и не приобрела, с чисто технической точки зрения, совершенства французского языка. Оставаясь невнятным в течение двух столетий классического образования, оно ничего не потеряло и ничего не приобрело благодаря им.

ФЛАМАНДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Примечательно, что движение зародилось во Фландрии до того, как оказало влияние на франкоговорящую часть страны. Фламандский романист Анри Совесть (1812-1883) посвятил серию книг истории своей страны задолго до того, как Де Костер написал своего *"Уленшпигеля"*. В то время фламандский язык боролся с большими трудностями. С литературной точки зрения она была полностью заброшена в восемнадцатом веке и теперь пострадала от естественной реакции, последовавшей за революцией 1830 года. Она извлекла мало пользы из пятнадцатилетнего союза с Голландией, и среди самих фламандцев бытовало общее убеждение, что она никогда не восстановит своего древнего положения. Фламандский литературный ренессанс был инициирован небольшой группой интеллектуалов во главе с Яном Франсом Виллемсом (1793-1846), которые приложили всю свою энергию, чтобы возродить фламандские обычаи, собрать народные песни и традиции и добиться либерального

толкования Конституции, провозглашавшей свободу языка. Фламандское движение получило новый импульс, когда молодой поэт Альбрехт Роденбах (1856-80) распространил свое влияние на все фламандские интеллектуальные круги. Фламандцы начали понимать, что в лице Гвидо Гезелле (1813-1899) они обрели религиозного поэта, творчество которого можно сравнить с лучшими французскими произведениями в стране. Они видели, что вокруг них растет новая школа писателей, подающих большие надежды, и настаивали на том, чтобы их язык был признан не только в принципе, но и фактически вторым официальным языком страны. В 1898 году был принят закон, устраняющий некоторые причины недовольства, такие как неспособность судей и должностных лиц понимать язык людей, с которыми они имели дело. Постепенно фламандский язык вступил в свои права в вопросах образования и управления, и до войны единственным крупным вопросом, который все еще обсуждался, было создание фламандского университета. Принцип такого учреждения был принят, но отношения между этим новым университетом и старым французским университетом Гента еще не были установлены.

ОБЫЧНЫЙ ТЕМПЕРАМЕНТ

Следует понимать, что языковой вопрос оставался на протяжении всей локальной ссоры между двумя группами фламандских интеллектуалов. Это не было ссорой между валлонами и фламандцами, и административное разделение почти никогда не упоминалось. До войны это не было даже ссорой между фламандцами, знавшими только фламандский язык, и фламандской буржуазией, предпочитавшей говорить по-французски. Это был спор между несколькими интеллектуалами-фламандцами, которые хотели вернуть языку то положение, которое он занимал до того, как испанский и австрийский режимы заставили его замолчать, и фламандцами, которые хотели ограничить его доступ к простым людям и относиться к нему как к диалекту. Грубо говоря, это была дискуссия между теми, кто игнорировал историю, и теми, кто понимал, что независимость бельгийских провинций неизбежно приведет к возрождению фламандской письменности, как это привело к возрождению французской. В течение двух столетий страна хранила молчание; теперь она снова могла говорить и использовать все богатства и ресурсы своих двух языков. Двуязычие не угрожало национальному единству, а было его необходимым условием. Ибо настоящие различия заключаются не в способах выражения, а в чувствах и душе людей, и не имеет большого значения, выражен ли образ или мысль на том или ином языке, пока они отражают общий темперамент и общие стремления.

ГЛАВА XXIX

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль, которую сыграла Бельгия во время войны, хорошо известна. Те, кто знал страну и ее историю, не были удивлены отношением короля Альберта и его народа 3 августа 1914 года. Совершенно независимо от каких-либо иностранных симпатий, никакого другого ответа не могло быть дано на ультиматум, который прямо бросал вызов правам Бельгии. Современная нация могла бы быть запугана, но такая старая нация, как Бельгия, которая боролась за независимость в течение долгих и утомительных периодов войн и иностранного господства,

была вынуждена сопротивляться. Бросив вызов королю Альберту и его министрам, правительство Германии одновременно бросило вызов всем лидерам бельгийского народа, от Де Конинка до Вонка и Де Мероде, и ответ бельгийского правительства был подкреплён вековой традицией упорного сопротивления и укоренившимся инстинктом народа, что это должно быть сделано, потому что ничего другого не оставалось.

НЕМЕЦКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

История также рассказывает об отчаянной борьбе, которую вела маленькая и плохо оснащённая армия против первой военной державы Европы. Льеж, Хелен, три вылазки из Антверпена, десять ужасных дней на реке Изер - все это связано не только с личной доблестью лидеров и их войск, но и с тем фактом, что они были бельгийскими лидерами и бельгийскими войсками, что они принадлежали к нации, сознающей свое предназначение и которая никогда не отчаивалась в прошлом, несмотря на испытания, которым она подвергалась, и на презрение тех, кто ставил под сомнение само ее существование. То же самое можно было бы сказать обо всех союзных нациях. Так сражались англичане, так сражались французы; единственная разница заключается в том факте, что их героизм ожидался как нечто само собой разумеющееся, в то время как героизм бельгийцев стал для многих неожиданностью. Ибо британские и французские традиции были хорошо известны, в то время как прошлое Бельгии было размыто в неразберихе феодализма и иностранного правления.

На реке Изер в октябре 1914 года численность бельгийских войск сократилась с 95 000 до 38 000 штыков. Эти последние оборонительные сооружения, сохранявшие около двадцати квадратных миль независимой территории, поддерживались в течение четырех лет, пока армия пополняла свои ряды и перестраивала снабжение. Она принимала участие во всех согласованных действиях союзников во Фландрии, и когда, наконец, 28 сентября 1918 года было начато последнее наступление, король Альберт был поставлен во главе англо-франко-бельгийских войск.

Тем временем гражданское население, находящееся под немецкой оккупацией, переживало одно из самых суровых испытаний, которые когда-либо испытывала нация, не исключая революционного гнета и ярости Испании. Немцы использовали все, что было в их силах, чтобы разрушить единство народа, сломить его сопротивление и заручиться его услугами. Терроризм использовался с самого начала в Эршо, Лувене, Тамине, Анденне и Динане, в то время как вторжение продвигалось к центру страны. Затем, при губернаторстве фон Биссинга, метод был изменен, и были предприняты попытки побудить руководителей промышленности и их рабочих возобновить работу на благо врага. Кульминацией этой политики стали зловещие депортации, проводившиеся зимой 1916-17 годов, в результате которых около 150 000 человек были порабощены и вынуждены работать либо за немецким фронтом, либо в немецких комендатурах. С городов и провинций взимались огромные штрафы и контрибуции, страна была лишена всего сырья, частная собственность и продукты почвы систематически реквизировались, и население было бы уничтожено голодом, если бы не помощь Комиссии по оказанию помощи в Бельгии. Когда в 1917 году стало очевидно, что пассивное сопротивление рабочих сломить невозможно, все отрасли промышленности, которые не были захвачены, были полностью или частично разрушены, а оборудование вывезено в Германию.

ИНТРИГИ ФОН БИССИНГА

Самой коварной атакой губернатора фон Биссинга на бельгийскую нацию была его попытка использовать Фламандское движение как средство настроить бельгийцев против самих себя. Губернатор, который объяснил свои намерения в замечательном документе, известном как его "Политическое завещание", предпринял эту кампанию, исходя из предположения, что Бельгия была искусственным созданием Венского конгресса и что такого понятия, как бельгийское гражданство, на самом деле не существовало. Профессора немецких университетов приложили немало усилий, чтобы объяснить немецкой и нейтральной общественности, что национальность может быть создана только единством расы или языка, и что Бельгия, не обладая ни одним из этих атрибутов, следовательно, не может претендовать на независимость. Следуя этому направлению мысли, губернатор и его советники рассматривали фламандское движение как результат внутренних разногласий между валлонами и фламандцами и надеялись, что, поощряя фламандцев, им удастся разделить страну и обеспечить протекторат Фландрии.

Сначала создание фламандского университета в Генте, заменившего французский университет, привлекло внимание немецкой администрации. Заручившись поддержкой нескольких крайних "фламингантов", известных как "активисты", и пополнив профессорский состав иностранцами, они поспешно открыли новое учебное заведение (1916). К их великому удивлению, все фламандские организации с негодованием протестовали против этой акции, утверждая, что оккупирующая держава не имела права вмешиваться во внутреннюю политику. Следующим шагом стала серия указов, устанавливающих административное разделение с двумя столицами в Намюре и Брюсселе и полное разделение правительственных учреждений между фламандским и валлонским округами страны. Эта мера, как и первая, потерпела неудачу из-за патриотического сопротивления бельгийских чиновников и неспособности немцев заменить их, и задолго до того, как они были вынуждены эвакуироваться из страны, немцы отказались от надежды смириться с абсурдным и ненаучным решением валлонов и фламандцев оставаться единым народом, каким их сделала история.

Профессор Ван дер Линден дал своему ценному труду по истории Бельгии подзаголовок "*Создание нации*" и убедительно показал, как нынешние институты Бельгии являются результатом различного вклада от средневековья до настоящего времени. Но книгу по истории Бельгии с таким же успехом можно было бы назвать "*Сопротивление нации*", поскольку история рассказывает нам не только о том, как был построен памятник, но и о том, как он не был разрушен, несмотря на самые неблагоприятные обстоятельства. С этой точки зрения Бельгию действительно можно рассматривать как воплощение стойкости, а не чистого героизма. Она преуспела в сохранении, гораздо больше, чем в приобретении. С рубежей пятнадцатого века она была сведена к своим нынешним ограниченным границам, которые, тем не менее, содержат все элементы ее прошлого и настоящего гения. Она пожертвовала территорией, веками независимости, долгими периодами процветания, но по сути осталась одним народом и одной землей, маленьким народом на маленькой земле, сочетающим в себе гений двух рас и двух языков и действующим как естественный посредник между великими нациями Европы. Ее история, вплоть до ее последней битвы, есть не что иное, как борьба нации за отстаивание своего права на жизнь, несмотря на свою слабость, среди великих военных Держав. Единство, впервые установленное в пятнадцатом веке, сразу же оказалось под угрозой из-за правления иностранной династии. В течение первой половины шестнадцатого века два влияния, национальное и иностранное, боролись в советах нации. Последняя тенденция преобладает, и, хотя номинально страна остается независимой в региональных вопросах, она переходит под

иностранный правитель. Когда в начале девятнадцатого века, после провала нескольких восстаний при австрийском и французском режимах, независимость была наконец предоставлена, и когда новая династия была, наконец, установлена как символ национального единства, Бельгия, тем не менее, оставалась под иностранной опекой. Ее независимость куплена ценой нейтралитета; и только после нарушения этого гарантированного нейтралитета двумя ведущими державами, которые его установили, цикл судебных процессов над Бельгией подходит к концу и ей разрешается осуществлять свои суверенные права как во внешних, так и во внутренних делах.

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

Некоторые могут посчитать, что Бельгия не извлекла важных преимуществ из Версальского мирного договора, и могут быть склонны сравнивать небольшие территории валлонских округов Эйпен и Мальмеди с усилиями, предпринятыми за последние несколько лет. Но, помимо экономических компенсаций, которые могут оказаться большим преимуществом, если они материализуются, Бельгия завоевала гораздо более ценное владение, чем может дать любая территория. Впервые в современной истории она получила полное признание. Наконец-то ей позволено подружиться со своими друзьями и остерегаться своих врагов, если у нее есть какие-либо причины их бояться. В ходе ожесточенной борьбы последних нескольких лет Бельгия завоевала то, что другие нации могли бы считать своим правом по рождению — право быть самой собой, хозяйкой своей судьбы, капитаном своей души.

Иностранному сознанию становится все более и более очевидным, что ее будущее связано с будущим Европы. Ее благополучие будет благополучием Европы, ее гибель - гибелью западной цивилизации и христианства. До тех пор, пока через Лигу Наций или любыми другими средствами справедливость не восторжествует в международных отношениях, история ее невзгод еще не закончена, ибо только при режиме справедливости слабые могут надеяться жить в условиях свободы и мира.

Среди пантеона памятников, воздвигнутых современной Бельгией героям ее прошлой истории, незнакомец с некоторым удивлением обнаружит посреди Королевской площади в Брюсселе конную статую Годфри Бульонского, который девять веков назад продал свою землю, чтобы присоединиться к первому крестовому походу, и который отказался носить золотую корону вместо тернового венца его Спасителя. Совсем рядом находится дворец, куда недавно вернулся другой бельгийский принц после четырех лет неустанный труда бок о бок со своими солдатами на промокших полях Фландрии. Существует огромный контраст между цивилизацией одиннадцатого и двадцатого веков, между Великим Приключением, к которому стремились древние крестоносцы, и Великой войной, навязанной Западной Европе, между мистическим идеализмом средневековья и практическим идеализмом нового времени. Однако в обоих случаях Бельгия оказалась в авангарде и нашла в лице Годфри IV и Альберта I двух лидеров, мужество и достоинство которых станут чистейшим символом рыцарства и национальной чести.

Сноска

[1] См. Э. Вандерсмиссена, *Леопольда II и Бернарта* и Г. Гарри, *Леопольда II* (1920).

ИСТОРИЯ НАРОДОВ

1. **Рим.** Артур Гилман, магистр искусств
2. **Евреи.** Профессор Й.К. Хосмер.
3. **Германия.** Преподобный С. Бэринг-Гулд, магистр искусств
4. **Карфаген.** Проф. Альфред Дж. Черч.
5. **Империя Александра.** Профессор Дж.П. Махаффи.
6. **Мавры в Испании.** Автор: Стэнли Лейн-Пул.
7. **Древний Египет.** Автор: Проф. Джордж Роулинсон.
8. **Венгрия.** Автор: Проф. Арминий Вамбери.
9. **Сарацины.** Артур Гилман, магистр искусств
10. **Ирландия.** Достопочтенный. Эмили Лоулесс.
11. **Халдея.** Зенаида А. Рагозина.
12. **Готы.** Генри Брэдли.
13. **Ассирия.** Зенаида А. Рагозин.
14. **Турция.** Автор: Стэнли Лейн-Пул.
15. **Голландия.** Профессор Дж.Э. Торольд Роджерс.
16. **Средневековая Франция.** Гюстав Массон.
17. **Персия.** С.Г.В. Бенджамин.
18. **Финикия.** Профессор Г. Роулинсон.
19. **Сми.** Зенаида А. Рагозина.
20. **Ганзейские города.** Хелен Циммерн.
21. **Ранняя Британия.** Проф. Альфред Дж. Черч.
22. **Берберийские корсары.** Автор: Стэнли Лейн-Пул.
23. **Россия.** У.Р. Морфилл, магистр искусств
24. **Евреи под властью римлян.** У.Д. Моррисон.
25. **Шотландия.** Джон Макинтош, доктор права,
- 26 лет, **Швейцария.** Миссис Лина Хаг и Р. Стэд.
27. **Мексика.** Сьюзан Хейл.
28. **Португалия.** Х. Морс Стивенс.
29. **Норманны.** Сара Орм Джуэтт.
30. **Византийская империя.** С.W.C. Оман.
31. **Сицилия: финикийская, греческая и римская.** Автор: профессор Э.А. Фримен.
32. **Тосканские республики.** Автор: Белла Даффи.
33. **Польша.** У.Р. Морфилл, магистр искусств
34. **Парфия.** Проф. Джордж Роулинсон.
35. **Австралийское содружество.** Автор: Гревилл Трегартен.
36. **Испания.** Х.Э. Уоттс.
37. **Япония.** Дэвид Мюррей, доктор философии.
- 38 лет. **Южная Африка.** Джордж М. Теал.
39. **Венеция.** Автор: Алетея Вил.

40. **Крестовые походы.** Т.А. Арчер и К.Л. Кингсфорд.
41. **Ведическая Индия.** Автор: З.А. Рагозин.
42. **Вест-Индия и Испанские острова Мэйн.** Джеймс Родуэй.
43. **Богемия.** К. Эдмунд Морис.
44. **Балканы.** У. Миллер, магистр медицины,
45. **Канада.** Сэр Дж.Г. Бурино, доктор права
46. **Британская Индия.** Р.У. Фрейзер, бакалавр права,
47. **Современная Франция.** By André Le Bon.
48. **Франки.** Автор: Льюис Сержант.
49. **Австрия.** Автор: Сидни Уитмен.
50. **Современная Англия.** До принятия закона о реформе. Автор: Джастин Маккарти.
51. **Китай.** Профессор Р.К. Дуглас.
52. **Современная Англия.** От законопроекта о реформе до настоящего времени. Автор: Джастин Маккарти.
53. **Современная Испания.** Мартин А.С. Хьюм.
54. **Современная Италия.** Пьетро Орси.
55. **Норвегия.** Х.Х. Бойсен.
56. **Уэльс.** О.М. Эдвардс.
57. **Средневековый Рим.** У. Миллер, магистр медицины
58. **Папская монархия.** Уильям Барри, д.Д.
59. **Средневековая Индия под властью мусульман.** Автор: Стэнли Лейн-Пул.
60. **Буддийская Индия.** Профессор Т.У. Рис-Дэвидс.
61. **Парламентская Англия.** Эдвард Дженкс, магистр медицины,
62. **Средневековая Англия.** Мэри Бейтсон.
63. **Приход парламента.** Л. Сесил Джейн.
64. **История Греции.** С древнейших времен до 14 г. н.э. Э.С. Шукбург.
65. **История Римской империи.** (с 29 г. до н. э. по 476 г. н.э.) Х. Стюарта Джонса.
66. **Дания и Швеция,** с Исландией и Финляндией. Джон Стефанссон, доктор философии.
67. **Бельгия.** От римского нашествия до наших дней. Автор: Эмиль Каммартс.

London: T. FISHER UNWIN, LTD., 1 Adelphi Terrace

[i] Transcriber's note:

In the caption of the illustration in the original text the name is spelt "Breugghe".